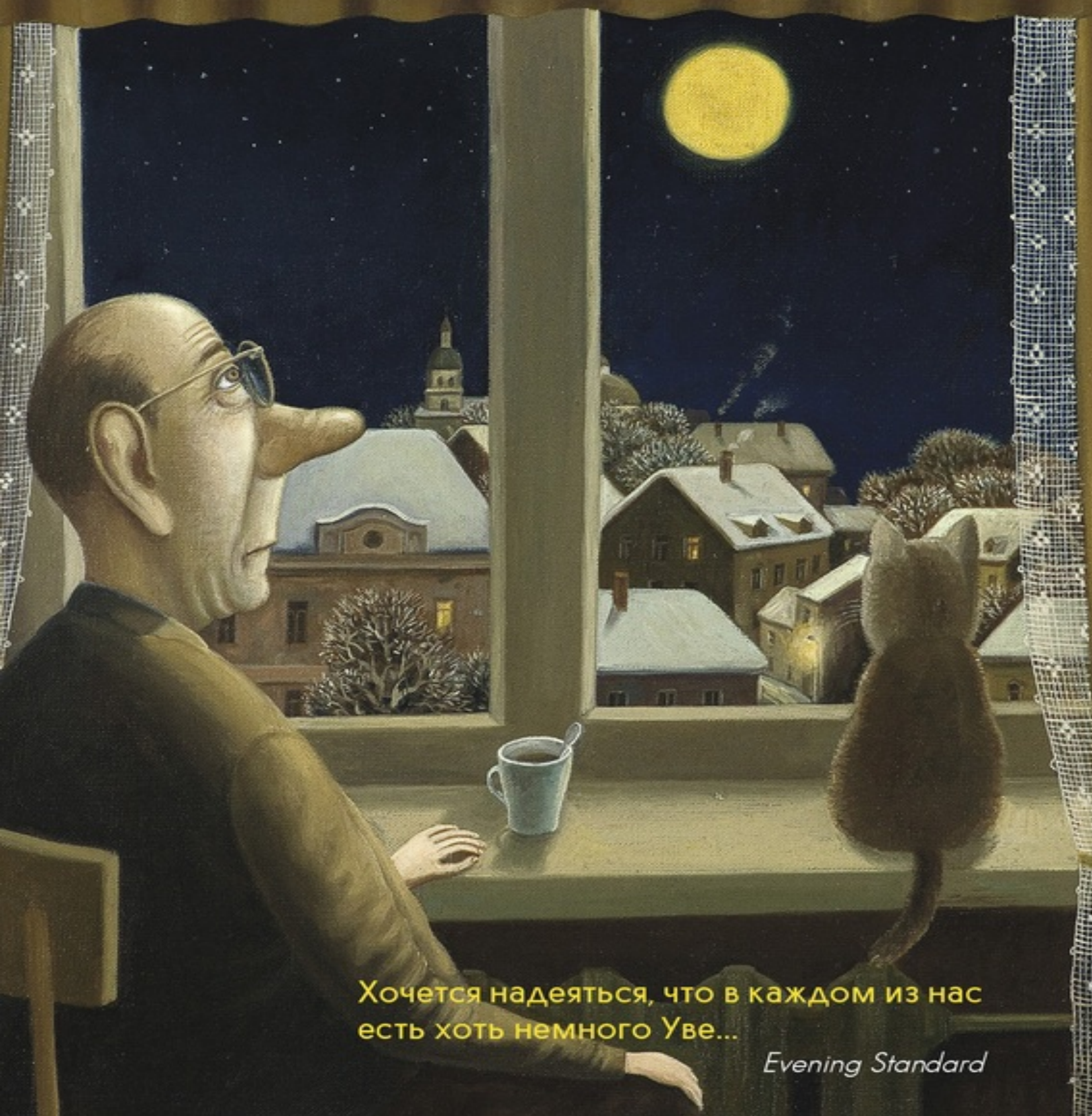

Фредрик Бакман

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ

Хочется надеяться, что в каждом из нас
есть хоть немного Уве...

Evening Standard

Annotation

На первый взгляд Уве – самый угрюмый человек на свете. Он, как и многие из нас, полагает, что его окружают преимущественно идиоты – соседи, которые неправильно паркуют свои машины; продавцы в магазине, говорящие на птичьем языке; бюрократы, портящие жизнь нормальным людям... Но у угрюмого ворчливого педанта – большое доброе сердце. И когда молодая семья новых соседей случайно повреждает его почтовый ящик, это становится началом невероятно трогательной истории об утраченной любви, неожиданной дружбе, бездомных котах и древнем искусстве сдавать назад на автомобиле с прицепом. Истории о том, как сильно жизнь одного человека может повлиять на жизни многих других.

- [Фредрик Бакман](#)
 -
 -
 - [1. Уве покупает компьютер, который не компьютер](#)
 - [2. \(Тремя неделями раньше\). Уве производит инспекцию территории](#)
 - [3. Уве сдает назад на японце с прицепом](#)
 - [4. Уве отказывается платить три кроны комиссии](#)
 - [5. Бирюк по имени Уве](#)
 - [6. Уве и велосипед, который должен знать свое место](#)
 - [7. Уве вбивает крюк](#)
 - [8. Уве и отцовские заветы](#)
 - [9. Уве продувает батареи отопления](#)
 - [10. Уве и дом, который он построил](#)
 - [11. Уве и увалень, который окна не откроет без того, чтоб не грохнуться с лестницы](#)
 - [12. Уве и день, когда его достали](#)
 - [13. Уве и больничный клоун Беппо](#)
 - [14. Уве и девушка из поезда](#)
 - [15. Уве и опоздавший поезд](#)
 - [16. Уве и грузовик в лесу](#)
 - [17. Уве и кошка в сугробе](#)
 - [18. Уве и кот Эрнест](#)
 - [19. Уве и обмороженный драный кошка](#)

- [20. Уве и интервент в белой рубашке](#)
 - [21. Уве и испанец по имени Шоссе](#)
 - [22. Уве и говорящий гараж](#)
 - [23. Уве и автобус, который не доехал](#)
 - [24. Уве и наказание, малюющее разноцветные каракули](#)
 - [25. Уве и кровельное железо](#)
 - [26. Уве и мир, разучившийся чинить велосипеды](#)
 - [27. Уве и урок вождения](#)
 - [28. Уве и сосед Руне](#)
 - [29. Уве и голубой](#)
 - [30. Уве и общество без него](#)
 - [31. Уве и прицеп, который снова понадобился](#)
 - [32. У Уве тут, блин, не гостиница](#)
 - [33. Уве и его «команда» обходят территорию](#)
 - [34. Уве и мальчик из соседнего дома](#)
 - [35. Уве и социальная некомпетентность](#)
 - [36. Уве и обещанный вискарь](#)
 - [37. Уве и народ, который лезет не в свое дело](#)
 - [38. Уве и конец одной истории](#)
 - [39. Уве и смерть](#)
 - [Уве и эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Фредрик Бакман

Вторая жизнь Уве

Fredrik Backman
En Man Som Heter Ove

© Fredrik Backman, 2012

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2016

* * *

*Посвящается Неде. Как всегда, чтобы насмешить
тебя. Как всегда*

1. Уве покупает компьютер, который не компьютер

Уве пятьдесят девять лет. Он ездит на родном шведском «саабе». Есть такая порода людей: случись вам не угодить им, они непременно ткнут в вас пальцем, словно вы тать, крадущийся в ночи, а их палец – полицейский фонарь. Уве из этих. В настоящий момент он стоит у прилавка в салоне и испытующе смотрит на продавца, помахивая небольшой белой коробочкой:

– Вот это, стало быть, и есть тот самый «отпад»?

Продавец, юнец с явным дефицитом массы тела, нервничает. Видимо, борется с желанием отобрать у Уве коробку.

– Совершенно верно. Айпад. Только что ж это вы, не надо бы его так трясти-то...

Уве смотрит на коробку как на предмет в высшей степени сомнительный. Как смотрел бы на обормота в трениках, который подкатил к нему на итальянской «веспе» и со словами «Эй, брателла!» попытался бы втюхать ему поддельные часы.

– Так, так. Это, стало быть, компьютер или как?

Продавец кивает. Но тут же, засомневавшись, энергично мотает головой:

– Ага... Хотя вообще-то не совсем компьютер. Это айпад. Кто-то называет их таблетками, кто-то – планшетами. Как посмотреть...

Уве глядит на продавца так, будто тот вдруг заговорил на тарабарском языке:

– Да ну?

Продавец неуверенно кивает:

– Ну да...

Уве снова трясет коробкой:

– И как он, ничего?

Продавец чешет макушку:

– Ничего вроде. А что вас... Что вы имеете в виду?

Уве, вздохнув, начинает медленно, тщательно выговаривая каждое слово. Словно единственная помеха беседе состоит в глухоте продавца:

– Как. Он. Ничего? Этот. Компьютер. Хороший?

Продавец чешет подбородок:

– Ну, вообще-то... как сказать... Очень даже ничего... Все зависит от того, что вам надо.

Уве, смерив его взглядом:

– Компьютер мне надо. Что ж еще?

Короткая немая сцена. Потом продавец, кашлянув, решается:

– Это как бы не совсем обычный компьютер. Вам, наверное, нужно что-то типа...

Продавец делает паузу, очевидно, подбирая слово, которое вызвало бы у собеседника нужную ассоциацию. Еще раз кашляет. Наконец находится:

– ...типа ноутбука?

Уве, энергично замотав головой, угрожающе нависает над прилавком:

– Да на фиг мне сдался твой ноутбук? Компьютер мне нужен!

Продавец снисходительно кивает:

– Ноутбук тоже компьютер.

Уве, оскорбленно уставившись на продавца, наставительно тычет в прилавок пальцем-фонарем:

– Это я и без тебя знаю!

– О'кей, – кивает продавец.

Снова заминка. Как если бы два дуэлянта, сойдясь, внезапно обнаружили, что не захватили с собой пистолетов. Уве сверлит коробку долгим взглядом, словно добиваясь от нее признательных показаний.

– Ну а клавиатура тут где запрятана? – цедит он наконец.

Юноша принимается чесать ладони о край прилавка и нервно переминается, как это свойственно начинающим работникам розничной торговли, осознавшим, что обслуживание покупателя займет существенно больше времени, чем предполагалось изначально.

– Видите ли, клавиатуры нет.

Уве (подняв брови):

– Ну, ясное дело! Ее надо докупать, да? За хрен знает какие деньжищи, так?

Продавец снова почесывает ладони:

– Да нет... Ну... В общем, это компьютер без клавиатуры. Все операции производятся прямо с дисплея.

Уве с укоризной качает головой, словно продавец попытался лизнуть мороженое сквозь стекло витрины:

– Так на кой он без клавиатуры? Сам подумай!

Продавец тяжело вздыхает, будто считая про себя до десяти.

– О'кей. Я понял. Тогда вам не стоит брать этот компьютер. Возьмите какой-нибудь другой, макбук например.

Лицо Уве выдает внезапную неуверенность.

– А не бигмак, часом?

Продавец оживает, словно добился решающего успеха в переговорах:

– Нет. Макбук! Точно.

Уве недоверчиво морщит лоб:

– Это не та гребаная «читалка», про которую все нынче талдычат?

Продавец издает эпический вздох, что твой профессионал-декламатор:

– Нет. Макбук – это... эт-то... такой ноутбук. С клавиатурой.

– Да неужто? – язвит Уве.

Продавец кивает. Чешет ладони.

– Ну да.

Уве окидывает взором магазин. Снова встряхивает коробочку:

– И как он? Ничего?

Продавец упирается взглядом в прилавок, явственно борясь с желанием почесать нос. И вдруг расплывается в бодрой улыбке:

– А знаете что? Может, мой напарник уже обслужил покупателя, так он вам лучше все покажет и расскажет!

Уве смотрит на часы. Качает головой:

– Конечно, у нас ведь других дел нет. Торчи тут целый день, вас дождайся.

Продавец поспешно кивает. Уходит и вскоре приводит напарника. Тот приветливо улыбается. Как всякий новичок, не успевший поднатореть за прилавком.

– Здравствуйте! Я могу вам помочь?

Уве повелительно тычет пальцем-фонарем в прилавок:

– Мне нужен компьютер.

Улыбка начинает сползать с лица напарника. Он переводит взгляд на первого продавца. Взгляд этот недвусмысленно говорит: ну, брат, и схлопочешь же ты у меня.

– Ах, вот что! Ну да, ну да. Давайте сперва посмотрим секцию портативных компьютеров, – без прежнего энтузиазма произносит напарник, оборачиваясь к Уве.

Уве хмурится:

– Черт возьми! Как будто я не знаю, что такое ноутбук! Обязательно говорить «портативных»?

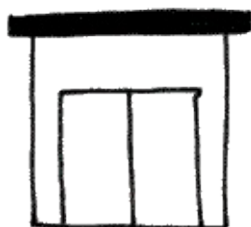
Напарник услужливо кивает. Первый продавец за его спиной бормочет: «Все, с меня хватит, я ушел на обед».

– Ну и работник нынче пошел. Только обед на уме, – хмыкает Уве.

– Чего? – Второй продавец оглядывается.

– О-б-е-д, – по буквам произносит Уве.

2. (Тремя неделями раньше). Уве производит инспекцию территории

Без пяти шесть состоялась первая встреча Уве с кошаком. Кошаку Уве сразу не понравился. Надо сказать, неприязнь оказалась в высшей степени обоюдной.

Проснулся Уве как обычно – за десять минут до обхода. Он вообще не понимал тех, кто, проспав, пеняет на будильник. Будильников он отродясь не держал. Просто просыпался без четверти шесть и вставал.

Уве заварил кофе, засыпав в кофеварку ровно столько, сколько они с супругой засыпали все сорок лет, прожитых в этом поселке. Из расчета одна ложка на чашку плюс еще одна на кофейник. Ни больше ни меньше. А то нынче разучились готовить нормальный кофе. Так же как разучились красиво писать. Теперь все больше компьютеры да эспрессо-машины. И куда оно годится, такое общество, в котором ни писать, ни кофе варить толком не умеют, сокрушался Уве.

И прежде чем налить себе чашечку доброго кофе, Уве надел синие штаны, синюю куртку, обул шлепанцы на деревянной подошве и, сунув руки в карманы, как подобает человеку немолодому и не ждущему более от этого бестолкового мира ничего, кроме разочарований, отправился инспектировать окрестности. Как делал каждое утро.

Когда он вышел за порог, в соседних домах было еще темно и тихо. Само собой. Кто тут станет напрягаться и вставать раньше положенного? Ведь теперешние соседи Уве – сплошь индивидуальные предприниматели и прочий никудышный народ.

Кошак сидел на дорожке между домами с самым невозмутимым видом. Хотя какой кошак? Так, одно название. Полхвоста и одно ухо. Шкура в проплешинах, словно скорняк накроил из нее кусков размером с кулак. Не кошак, а сплошное недоразумение, да и то не сплошное, а так, клочьями, подумал Уве.

Он направился было к кошаку, топая для острастки. Тот поднялся. Уве остановился. Так они и стояли, оценивая друг друга, точно два забияки вечером в деревенской пивнушке. Уве прикидывал, как бы поточнее запустить в подлеца шлепанцем. Кот же всем своим видом выказывал явственную досаду, что запустить в противника ему нечем.

– Кыш! – рывкнул Уве так, что кот аж вздрогнул.

Чуть попятился. Смерил взглядом пятидесятидевятилетнего недоумка в шлепках на деревянной подошве. Потом лениво развернулся и затрусил прочь. Уве даже померещилось, что перед этим кот успел презрительно закатить глаза.

Вот холера, ругнулся про себя Уве и посмотрел на свои часы. Без двух шесть. Надо поторапливаться, а то из-за паршивой животины едва не опоздал с обходом. Даром что вышел вовремя.

И Уве решительно зашагал между домами по дорожке в сторону автостоянки, которую инспектировал каждое утро. Остановился у знака, запрещающего парковку посторонних автотранспортных средств на территории ТСЖ. Легонько пнул столб с приколоченным к нему знаком. Не то чтобы столб покосился, ничего подобного, просто лишний раз проверить на прочность не помешает. А Уве как раз из тех мужчин, для кого проверить вещь на прочность – значит хорошенько ее пнуть.

Затем он обследовал стоянку, обошел гаражи, убедился, что за ночь их не взломали воры и не подожгла шайка вандалов. Признаться, ничего подобного с местными гаражами спокон веку не случалось. Но, с другой-то стороны, ведь и Уве не пропустил ни одного утреннего обхода. Он дернул ручку двери, за которой стоял его собственный «сааб». Трижды, по своему утреннему обыкновению.

Потом заглянул на автостоянку для гостей, где разрешено парковаться не дольше двадцати четырех часов. Тщательно переписал номера в блокнотик, лежавший в кармане куртки. Сравнил их с номерами, записанными накануне. Если какая из машин попадала в блокнот несколько дней кряду, Уве обыкновенно шел домой и звонил в управление транспорта. Получив телефон автовладельца, связывался с названным лицом и доводил до сведения того, что считает его долбаным дятлом без мозгов, не способным прочесть вывеску на родном языке. Не то чтобы Уве сильно беспокоило, кто именно из гостей паркуется на стоянке. Но тут дело принципа. Дали тебе двадцать четыре часа на парковку – будь добр соблюдай. А ну как все начнут парковаться сколько хотят и где хотят – что тогда? Полный бардак, полагал Уве. Продыху от ихних машин не станет.

Сегодня, однако, посторонних машин на стоянке не наблюдалось, так

что Уве с блокнотиком проследовал далее – к мусорке. Он инспектировал ее ежедневно. Не потому, что ему больше всех нужно (поначалу Уве сам громче всех возражал против дурацкой затеи этих новых понаехавших субчиков – сортировать мусор до опупения). Но раз уж решили сортировать, надо же кому-то за этим делом приглядывать. Не то чтобы кто-то поручал Уве следить, сортируют ли жильцы мусор. Но пусть Уве и такие, как он, все на самотек, в мире настанет анархия. Уве знал это. Прорыву от ихнего мусора не будет.

Он легонько пнул один бак, другой. Выудив стеклянную банку из бака для стеклотары, помянул недобрым словом неких «балбесов» и снял с банки жестяную крышку. Вернул банку в бак со стеклотарой, а крышку швырнул в бак для металлолома.

Когда Уве председательствовал в жилтовариществе, он продавливал установку на мусорной площадке видеокамер: чтобы видеть, кто из жильцов кидает «неположенный мусор». К огромной досаде Уве, собрание проголосовало против: по мнению остальных соседей, камеры доставили бы им «некоторый дискомфорт»; к тому же было бы хлопотно возиться с видеоархивом. Даром Уве тратил свое красноречие, убеждая их, что «правда» только тому страшна, у кого «рыльце в пушку».

Два года спустя, уже после путча (так сам Уве называл историю его низвержения с председательского кресла), вопрос подняли снова. Появилась, дескать, некая ультрасовременная камера с сенсорными датчиками, которая реагирует на движение и выкладывает запись в Интернет, рапортовало правление в письме, разосланном всем жильцам. Такие камеры можно поставить не только на мусорке, но и на автостоянке – от взломщиков и хулиганов. Кроме того, видеозапись будет удаляться автоматически через двадцать четыре часа – «во избежание вторжения в частную жизнь жильцов». Для установки камер требовалось единогласное решение. Один участник собрания проголосовал против.

Дело в том, что Уве не доверял Интернету. Писал его со строчной буквы и вообще обзывал «энтернетом», невзирая на ворчание жены, которая учила, как правильно. Так что наблюдение по этому самому «энтернету» за тем, как Уве выбрасывает мусор, могло состояться только одним путем – через труп Уве, о чем он не мешкая поставил в известность правление. И от камер отказались. Небось обойдемся, думал Уве. Его утренние обходы куда эффективней. Сразу видно, кто куда чего бросил, не забалуешь. Ежу понятно.

Проинспектировав мусорные баки, он привычно запер за собой дверь, трижды для верности дернув ручку. Обернувшись, заметил велосипед,

приставленный к велосипедному сараю. Даром что над ним красуется здоровенная вывеска, внятно и четко предупреждающая: «Стоянка велосипедов запрещена!» Уве буркнул что-то про «идиотов», открыл сарай и водворил велосипед на место в ряд с остальными. Заперев дверь сарая, трижды дернул ручку.

Потом он сорвал со стенки чье-то гневное послание. Неплохо бы направить правлению предложение разместить знак, запрещающий расклейку объявлений на этой стенке. А то взяли моду вешать здесь всякие бумажки почем зря. Тут вам стенка, понимаешь, а не доска объявлений.

Дальше Уве миновал узкий проход между домами. Встал перед своим домом на дорожке, вымощенной плиткой. Наклонился к земле и шумно втянул носом воздух. Моча. Воняет мочой. Отметив это обстоятельство, он вернулся в дом, запер дверь и стал пить кофе.

Допив кофе, стал звонить – отказался от услуг телефонной компании и подписки на утреннюю газету. Починил смеситель в малой ванной. Поменял шурупы на ручке двери, ведущей из кухни на террасу. По-новому расставил ящики на чердаке. Пристроил по местам инструменты в сарае. Перенес в другой угол зимнюю резину от «сааба». И вот стоит столбом.

Нет, дальше так жить нельзя. Это единственное, что Уве ясно.

Ноябрьский вторник, четыре часа дня, Уве уже погасил все лампочки. Отключил батареи и кофеварку. Обработал пропиткой кухонную столешницу. Пусть эти ослы из «Икеи» дяде своему рассказывают, что их столешницы не нуждаются ни в какой пропитке. Нуждаются ли, нет ли – в ЭТОМ доме столешницу мажут пропиткой каждые полгода. Какая-то соплюха со склада, размалеванная и в желтой футболке, будет ему указывать!

Уве стоит в гостиной двухэтажного таунхауса с мансардой и смотрит из окна во двор. Мимо трусит сорокалетний тип – тот, с пижонской щетиной, из дома наискосок. Андерс, кажется. Без году неделя тут, всего лет пять как заселился. А уж пролез в правление жильцов. Гад ползучий. Думает, что теперь тут хозяин. После развода, видать, подался сюда, тройную цену отвалил. Вечно припрутся эти черти, а приличным людям потом налог на имущество поднимают. Точно им тут элитный квартал какой! На «ауди» ездит, будьте-нате! – Уве сам видел. Да и так можно было догадаться. Кретинам да индивидуальным предпринимателям только на «ауди» и кататься. На лучшее-то ума не хватит.

Уве сует руки в карманы синих брюк. Легонько стучает ногой по плинтусу. Да, он готов признать: для них с супругой это жилье великовато.

Ну, зато за него уплачено сполна. Весь долг, до последней кроны. Небось не дешевле вышло, чем этому пижону. А то нынче всяк в ипотеках как в шелках, известное дело. Уве-то все в срок платил. Вкалывал. В жизни не брал больничного. Вносил посильную лепту. Брал на себя ответственность. Теперь брать некому, бояться все. Нынче все подались в программисты, да в аййтишники, да в местные начальники – ходят по порноклубам и сдают квартиры нелегальным путем. Офшоры да инвестпортфели. А работать ни-ни. Страна, где всем только бы обедать с утра до вечера.

«Не пора ли на заслуженный отдых?» – вчера с такими словами его выпроводили с работы. Мол, нехватка рабочих мест, вот и приходится расставаться с нашими ветеранами. Третий века служил на одном месте, и нате – дослужился. Ветеран, едрен корень. Оно конечно, теперь всем по тридцати одному годку, все носят брючки в обlipку и нормального кофе не пьют. И никто ни за что не отвечает. Хлыщи с холеными бороденками. Меняют работу, жен, машины. Как нечего делать. При первом удобном случае.

Уве сердито таращится в окно. Пижон совершает пробежку. Но не его ленивая трусца так бесит Уве, нет. Уве все эти променады вообще до лампочки. Только зачем бегать с таким видом, будто дело делаешь? Самодовольно лыбиться, будто, как минимум, лечишь эмфизему? Не то быстро ходит, не то бежит медленно – вот и вся его трусца. И вообще, когда сорокалетний мужик выползает на пробежку, он как бы сообщает всему свету: больше он ни к чему не пригоден. При этом обязательно вырядится, словно двенадцатилетняя румынская гимнастка. Словно на олимпийский марафон, а не на сорокапятиминутную пробежку.

Вот блондинку себе завел, пижон. На десять лет младше. Бледная немочь, как прозвал ее Уве. Разгуливает по двору вперевалочку, будто пьяная панда, каблучищи что твой карданный ключ, рожа вся размалевана, чисто клоун, вдобавок темные очки такие здоровенные – не очки, а целый мотоциклетный шлем. А в ридикюльчике у нее мелкая зловредная шавка. А если не в ридикюльчике, то носится без поводка, гавкает без разбору и ссыт на плитку перед домом Уве. Думают, Уве не видит? Как бы не так!

Нет, так дальше жить нельзя! Баста!

«Не пора ли на заслуженный отдых?» – сказали ему вчера на работе. И вот стоит Уве посреди своей кухни и не знает, как ему убить вторник.

Смотрит в окно на одинаковые соседние дома. Вон в тот на днях семья многодетная заселилась. Иммигранты, насколько понял Уве. Что у них за автомобиль, пока неясно. Ладно, лишь бы не «ауди». Или, не дай бог, не японец какой.

Уве одобрительно кивает, будто только что сказал что-то очень верное и горячо согласился сам с собою. Поднимает глаза к потолку гостиной. Сегодня он собрался ввинтить туда крюк. Но не абы какой крюк. Абы какой крюк нынче худо-бедно вкрутит любой айтишник с психиатрической справкой и в вязаной кофте не то мужской, не то бабской. Нужен такой, чтоб намертво сел, как скала. Чтобы дом рухнул, а крюк остался на месте.

А через несколько дней явится расфуфыренный маклер, узел на галстук величиной с голову ребенка, и станет вешать лапшу про евроремонт да про полезную площадь и даже, может быть, распространится о самом Уве, но ни словом не обмолвится о крюке, гад. Это понятно.

На полу в гостиной стоит малый ящик для полезных мелочей. Так уж у них в доме заведено. Все купленное женой «изящно» либо «красиво». А Уве уж если покупает, то вещи полезные. Практичные. Которые разложены у него в двух ящиках – большом и малом – на все случаи жизни. Вот малый инструментальный ящик. В нем гвозди, саморезы, автомобильные ключи и прочий инструмент. Теперь в домах не держат полезных вещей. Один только хлам. Двадцать пар обуви и ни одного рожка. Горы микроволновок и плазм, а завалящего дюбеля не сыщешь, словно их всех распугали резакром для пластика.

В ящике у Уве целое отделение для дюбелей. Он склонился, изучая их, точно шахматист фигуры. Уве не торопится с выбором. С дюбелями спешить – людей смешить. У каждого дюбеля свое применение, своя метода. Народ нынче совсем не думает о технологии, лишь бы смотрелось помоднее. Но Уве, если уж взялся за что-то, все делает как положено.

«На заслуженный отдых...» – сказали ему на работе. Зашли к нему в контору в понедельник и заявили, мол, решили не тянуть до пятницы, чтоб «не омрачить ему выходные». «На заслуженный отдых», ишь! Вам бы самим проснуться во вторник и понять, что вас списали в утиль. Вам бы только по энтернету шариться да эспрессо посасывать, а чувство долга вам неведомо.

Уве изучает потолок. Щурится. Надо поставить крюк ровно по центру, решает он.

Уве уже приступил к решению задачи по существу, как вдруг раздался беспардонный, протяжный скрежет. Как если бы какой-нибудь дюжий увалень на японском шарабане с прицепом, пытаясь сдать назад, заскреб по стене таунхауса.

3. Уве сдает назад на японце с прицепом

Уве отдергивает занавески в зеленый цветочек (жена давным-давно грозилась их поменять). И видит коренастенькую чернявую смуглянку лет тридцати явно нешведского разлива. Та отчаянно машет водителю, своему погодку, дюжему белобрысому увальню, втиснутому за руль миниатюрной японской машинки, которая в этот самый момент скребет прицепом по стене таунхауса Уве.

Увалень жестами и знаками пытается деликатно намекнуть женщине: дескать, задача не так проста, как может показаться. Чернявая, отнюдь не столь деликатно, а скорее даже наоборот, семафорит ему что-то в ответ: по всей вероятности, сообщает, что видит за рулем остолопа.

– Твою мать! – ревет Уве, глядя, как прицеп одним колесом бороздит его клумбу.

Он бросает ящик с инструментами. Сжимает кулаки. Две секунды, и он уже вылетает на крыльцо. Дверь распаивается сама собой, словно опасаясь, что иначе Уве просто ее проломит.

– Вы чё творите? – напускается он на чернявую.

– Вот и я спрашиваю! – кричит она в ответ.

На какое-то мгновение Уве оторопевает. Пепелит ее взглядом. Женщина отвечает тем же.

– Написано же: проезд по территории запрещен. По-шведски читать не умеете?

Смуглянка выступает вперед, и тут только Уве замечает: она либо на большом сроке беременности, либо, по определению самого Уве, страдает точечным ожирением.

– Это я, что ли, за рулем?

Уве молча смотрит на нее несколько секунд. Потом поворачивается к белобрысому увальню: тот кое-как выкарабкался из тесной японской коробочки и теперь стоит, виновато разведя руки. В вязаной кофте, с осанкой, свидетельствующей о застарелом дефиците кальция в организме.

– А ты кто такой? – интересуется Уве.

– Это я вел машину, – беззаботно улыбается увалень.

Ростом под два метра. Уве всегда с интуитивным скепсисом относился к людям выше метра восьмидесяти пяти. Опыт подсказывал: при эдаком росте кровь просто не добирается до мозга.

– Ага, как же! Кто еще кого вел! Может, она тебя? – Пузатая смуглянка, пониже увальня примерно на полметра, яростно насккивает на него, пытаясь шлепнуть по руке обеими ладонями.

– А она-то кто? – интересуется Уве.

– Женушка моя, – дружелюбно кивает в ее сторону увалень.

– Ненадолго, не надейся, – энергично, аж пузо подпрыгивает, огрызается «женушка».

– Думаешь, это так прос... – начинает оправдываться муж, но она перебивает:

– Я сказала: ПРАВЕЕ! А ты едешь НАЛЕВО! Почему ты меня не слушаешь? НИКОГДА не слушаешь!

Тут она выдает тираду на полминуты, представляющую собой, как догадывается Уве, подборку изоощренных арабских ругательств, которыми столь богат этот язык.

Белобрысый увалень только блаженно кивает – его улыбка неописуемо гармонирует с женой бранью. С такой улыбкой ходят буддийские монахи, отчего любому нормальному человеку хочется двинуть им по морде, подумал Уве.

– Извиняемся, в общем. Сплоховали малость, сейчас все поправим, – бодро сообщает увалень, дождавшись, пока его половина наконец замолкнет.

И с самым беспечным видом выуживает из кармана круглую жестянку и отправляет себе под губу табачный ком величиной с гандбольный мяч. И, видимо, уже собирается дружески хлопнуть Уве по спине.

Уве одаривает увальня таким взглядом, словно тот только что навалил кучу на капот его машины.

– Поправим? Да ты же у меня на клумбе встал!

Увалень смотрит на колеса прицепа.

– Хех, это вот это, что ли, клумба? – добродушно скалится он, кончиком языка поправляя табачный ком.

– И-МЕН-НО! – отрезает Уве.

Увалень кивает. Сперва глядит на землю. Потом – на Уве, решив, что тот шутит.

– Да, брось, мужик, это же просто земля.

От гнева лоб у Уве собирается в одну огромную и грозную складку.

– Сказано. Тебе. Это. Клумба.

Увалень озадаченно чешет голову: на взъерошенном чубе его остаются табачные крошки.

– Так тут вроде не растет ничего...

– А тебе не один хрен? Моя клумба: хочу – сажаю, хочу – нет!

Увалень поспешно кивает, явно не желая еще больше разозлить незнакомца. Поворачивается к жене, словно ища у нее поддержки. Та, впрочем, совсем не спешит ему на подмогу. Увалень снова обращается к Уве:

– Беременная, понимаешь. Гормоны и все такое... – пытается пошутить он.

Беременная почему-то не смеется. Уве тоже. Она складывает руки на груди. Уве упирается руками в бока. Увалень, не зная, куда девать свои кулачищи, опустил руки вдоль тела и смущенно чуть покачивает ими: кажется, будто они тряпичные и сами собой мотаются на ветру.

– Щас сяду и еще раз попробую, – снова примирительно улыбается парень.

Но во взгляде Уве нет и намека на мир.

– Проезд по территории запрещен. Знаки читать надо.

Увалень пятится и энергично кивает. Затем рысцой подбегает к японской машинке и втискивает свое крупногабаритное тело в малогабаритный салон. «Боже!» – в один голос бормочут Уве и женщина. После чего та уже раздражает Уве как будто чуть поменьше.

Увалень проезжает несколько метров вперед. Уве четко видит: этот недотепа так и не выкрутил толком руль. Машина сдает назад. Боком прицепа задевает почтовый ящик Уве, сминая его пополам.

– Ну это уже... – шипит Уве, кидается к машине и рывком открывает дверь.

Увалень виновато всплескивает руками:

– Маху дал! Извини! Сорри! Ящика-то в зеркало не видно! С этими прицепами вечно фигня – никогда не знаешь, куда вывернут.

Бум! Кулак Уве грохает о крышу машины – увалень аж подпрыгивает, ударяясь головой о раму.

Уве наклоняется так низко, что крик, не успев вылететь у него изо рта, уже оказывается непосредственно в слуховом проходе увальня:

– Вылазь из машины!

– А?

– Вылазь, тебе говорят!

Увалень с опаской смотрит на Уве, не решаясь поинтересоваться

причиной этой просьбы. Просто выбирается из машины и становится рядом, точно провинившийся школьник. Уве указывает ему на проход между домами, туда, где виднеются велосипедный сарай и парковка:

– Отойди, не путайся под колесами!

Увалень кивает в легком замешательстве.

– Елы-палы, любой безрукий с глаукомой на обоих глазах управится с прицепом скорей тебя, – досадует Уве, залезая в машину.

Не управиться с прицепом, это ж надо, недоумевает Уве. Где ж такое видано? Неужто трудно усвоить, что в зеркале право – это лево? Как они вообще на свете живут, такие балбесы?

Автоматическая коробка, ну, само собой, констатирует он. Можно было догадаться. Этим пижонам хоть какую машину, лишь бы самим не водить, сердится Уве, подавая вперед. Лишь бы сама их катала. Будто робот. Дожили: даже выучиться парковаться не сподобились. Разве можно таким права давать? А? Уве не согласен. Категорически. Таким не то что права, таких на выборы пускать не след, которые с собственным прицепом управиться не могут.

Машина едет вперед, Уве потихоньку выкручивает руль (как делают все более-менее цивилизованные граждане перед тем, как сдать назад на машине с прицепом) и дает задний ход. Японец возмущенно пищит. Уве недовольно осматривается.

– Какого хрена выеживаешься? – напускается он на приборную доску, барабанив по рулю. – Прекрати, говорят тебе! – грозно кричит он красной лампочке, мигающей особенно настойчиво.

Тут сбоку появляется увалень и вкрадчиво стучит по стеклу. Уве опускает стекло и с кислой миной смотрит на увальня.

– Это сигнал заднего хода орет, – поясняет тот.

– Не учи ученого! – ворчит Уве.

– У этой машины не совсем обычное устройство, я мог бы показать, где тут что крутить, – кашлянув, говорит увалень.

– Небось не дурак, сам разберусь, – хмыкает Уве.

– Да, да, конечно, – с готовностью поддакивает увалень.

Уве сердито косится на приборы:

– А теперь чего она кобенится?

Увалень охотно объясняет:

– Теперь она определяет, не сел ли аккумулятор. Если сел, с электропитания она перейдет на бензин. Это гибрид, типа...

Уве не достаивает его ответом. Поднимает стекло. Увалень остается стоять с разинутым ртом. Уве смотрит в левое зеркало. Потом – в правое.

Потом дает задний ход, иномарка истошно пищит, прицеп со снайперской точностью проходит между домом Уве и домом увальня с его беременной супружницей.

Выйдя из машины, Уве небрежно бросает ключи увальню.

– Сигнал заднего хода, автопарковщик, видеорегистратор... Если тебе столько всякой хрени нужно, чтоб парковаться с прицепом, на кой ты вообще брал себе прицеп?

Но увальень только довольно кивает.

– Вот спасибо – выручили! – радуется он так, словно это не Уве распекал его последние десять минут.

– Да я бы тебе даже магнитофон перематывать назад не доверил, – отвечает Уве, гордо удаляясь.

Беременная приезжая стоит все так же, скрестив руки на груди. Глядит, правда, уж не так сердито.

– Спасибо! – звонко благодарит она и криво улыбается – сдерживая хохот, догадывается Уве.

Карие глазища – огромные, Уве прежде таких и не видал.

– У нас во дворе проезд запрещен. Хотите не хотите, а выполняйте.

Она смотрит на него с таким видом, словно заметила, что он сказал «хотите» вместо «хотите». Хмыкнув, Уве обходит ее и направляется домой.

На полпути он останавливается на мощеной дорожке, ведущей от дома к его сараю. Морщится так, как умеют морщиться только мужчины его поколения – не только нос, но и все туловище словно собирается гармошкой. Опустившись на колени, он припадает лицом к плитке, которую аккуратно и неукоснительно перекладывает заново каждые два года, даже если оно и не требуется. Принюхивается. Утвердительно кивает. Встает.

Беременная смуглянка и увальень наблюдают.

– Обоссали. Все как есть обоссали! – в сердцах бормочет Уве.

Потрясает рукой, указывая на плитку.

– Ну и ладно... – отвечает смуглянка.

– Да ни хрена не ладно! – ругается Уве.

И с этими словами входит в дом и затворяет дверь.

Уве усаживается на табурет в прихожей, долго сидит, не в силах думать о чем-то другом. «Чертова бабенция», – вертится в голове. Ну что она тут забыла со своей семейкой, когда даже знак нормально прочитать не может? Нельзя по двору на машинах разъезжать. Это ж ежу понятно.

Наконец Уве встает, вешает синюю куртку на свой крючок, одиноким

утесом торчащий в океане жениных пальто. Бормочет что-то про «недоумков», для верности оборачиваясь к закрытому окошку. Потом становится посреди гостиной и принимается рассматривать потолок. Долго ли, коротко ли Уве так простоял – он не знает. Он растворяется в мыслях. Блуждает в них, как в тумане. Вообще-то он не из этой породы: никогда не был мечтателем, просто в последнее время в голове точно помутилось. Ему все труднее сосредоточиться. Ничего хорошего.

Звонок в дверь выдергивает Уве из теплой дремы. Он отчаянно трет глаза и озирается, словно опасаясь, не подсматривает ли кто за ним.

В дверь снова звонят. Уве поворачивается и смотрит на нее с упреком. Делает несколько шагов в сторону прихожей, но тут чувствует, что тело его закаменело, как застывший гипс. Стук – то ли от половиц, то ли из сердца – откуда доносится он, Уве не знает.

– Ну, какого еще рожна? – вопрошает он дверь, еще не открыв ее, как будто она должна ответить ему. – Какого рожна? – повторяет он, распахивая дверь с такой силой, что образовавшийся сквозняк сдувает с крыльца трехлетнюю девчушку. Отлетев, та в изумлении плюхается на попу.

Рядом с ней девчушка постарше, лет семи, на лице ее написан ужас. Обе – черненькие. Обе – с огромными карими глазищами, каких Уве отродясь не видывал.

– Ну? – требует Уве.

Старшая выжидающе смотрит. Потом подает ему пластиковую коробку. Уве нехотя берет ее. Коробка теплая.

– Рис! – радостно кричит меньшая, вскакивая на ноги.

– С шафраном. И цупленкой, – добавляет старшая, далеко не так доверчиво.

Уве скептически разглядывает их:

– Торгуете, что ли?

– Вообще-то мы тут ЖИВЕМ! – обижается старшая.

Уве задумывается на миг. Потом кивает. Словно допуская возможность принять это обстоятельство в качестве резонного аргумента.

– Вот как?

Младшая девчушка довольно кивает и всплескивает рукавами комбинезончика, несколько длинноватыми:

– Мама сказая, ты гоёдный.

Уве в полном недоумении глядит на этот ходячий дефект дикции.

– Чего?

– Мама сказала, что ты, наверное, голодный. Мы принесли тебе

ужин, – с досадой поясняет старшая. – Пойдем, Назанин. – Она хватается младшую за руку и, глянув на Уве глазами полными укора, удаляется.

Высунувшись из дверей, Уве смотрит им вслед. Видит в дверях соседнего дома давешнюю беременную соседку. Впуская девчушек, та улыбается ему. Младшенькая, оглянувшись, весело машет Уве. Соседка машет тоже. Уве закрывает дверь.

И стоит посреди прихожей. Таращится на теплую коробку с рисом, шафраном и цыпленком так, словно там внутри взрывчатка. Затем идет на кухню и убирает коробку в холодильник. Не то чтобы он вдруг завел моду есть все, что ни нанесет ему на крыльцо понаехавшая мелюзга. Просто в доме Уве еду не выкидывают. Принципиально.

Он идет в гостиную. Сунув руки в карманы, глядит на потолок. Стоит, прикидывая, который из дюбелей лучше подойдет для намеченной цели. Щурится, вглядываясь до боли в веках. Опустив наконец взгляд, чуть растерянно косится на выдавшие виды пузатые часы у себя на руке. Потом смотрит в окно и вдруг понимает, что уже стемнело. Обреченно качает головой. Сверлить в темное время суток не годится, это каждому ясно. Придется зажигать все лампы в доме, а когда и кто их в таком случае выключит? Нет уж, такого подарка коммунальщикам Уве делать не станет. Чтобы ему тут счетчик потом наматывал тыщу за тыщей? Нет уж, дудки.

Уве складывает свой малый ящик с полезными мелочами. Уносит в просторный холл на втором этаже. Идет за ключом от чердака, лежащим на своем месте, за батареей в прихожей. Снова поднимается вверх и открывает люк на чердак. Раскладывает лестницу. Взбирается на чердак и ставит ящик с полезными мелочами на место, позади кухонных стульев, которые жена заставила его затащить вверх, потому что они слишком скрипучие. Ни капельки они не скрипучие. Уве знал, что это только отговорка, просто жена решила купить новые. Можно подумать, жизнь только в этом и состоит. Чтобы без конца покупать на кухню новые стулья и ужинать в ресторанах.

Он опять спускается на первый этаж. Убирает чердачный ключ на место за батареею. «На заслуженный отдых», так ему, значит, сказали. Эти тридцатиоднолетние пижоны, что сидят за своими компьютерами и не пьют нормального кофе. Это нынешнее общество, где никто не в состоянии управиться с собственным прицепом. А Уве им, стало быть, больше не нужен. Где тут логика, спрашивается?

Уве возвращается в гостиную. Включает телевизор. Не то чтобы передача какая шла интересная – ну да не сидеть же вечер напролет в

одиночестве и таращиться на стенку, как псих. И вот уже Уве достал из холодильника иноземного курчонка и ест вилкой прямо из коробки.

Уве пятьдесят девять лет. Вечер вторника. Нынче он отказался от подписки на газету. Выключил все лампочки.

А завтра вкрутит крюк.

4. Уве отказывается платить три кроны комиссии

Уве подносит ей цветы. Два цветка. Естественно, без умысла. Так вышло. Просто это дело принципа, оправдывается перед ней Уве. Потому и два.

– Без тебя у нас дома совсем никакого порядка, – бормочет он, ковыряя ногою мерзлый ком земли.

Жена молчит.

– Ночью снег выпадет, – сообщает Уве.

В прогнозе погоды сказали, что не выпадет, – верная примета, что будет все в точности наоборот, считает Уве. Потому и предупреждает ее. Жена не отвечает. Уве сует руки в карманы синих брюк, нервно кивает.

– Куда девать себя, не знаю – пока тебя нет, слоняюсь по дому день-деньской, как неприкаянный. Что тут еще сказать. Так жить нельзя.

Она и тут не отвечает.

Он снова кивает, ковыряя землю носком. А ведь есть люди, которые спят и видят, как бы выйти на пенсию. Всю жизнь мечтать о том, чтобы стать лишним? Лишней обузой для остального общества – велика радость, нечего сказать! Забиться в свою конуру и ждать смертного часа. Или того хуже: дожить до той поры, когда тебя, немощного старика, упекут в богадельню. Страшнее этого, по мнению Уве, ничего и быть не может. Просить, чтобы тебя в сортир сводили. Жена на этих его словах обычно смешливо замечает, что Уве, должно быть, единственный человек, который на своих похоронах лучше сам уляжется в могилу, чем закажет катафалк на кладбище. В чем-то она права.

Да еще кошка этот окаянный снова утром приходил. Сел чуть не у них под дверью, холера. Да и не кот, а так – огрызок.

Уве встал без четверти шесть. Сварил кофе – жене и себе. Обошел дом, проверил батареи – не подкрутила ли их украдкой жена. Естественно,

батареи никто не подкручивал, но Уве все равно убавил тепла. На всякий случай. Затем снял с крючка (единственного из шести, на котором не висела жена одежда) синюю куртку. Проинспектировал двор. Переписал номера машин, подергал за ручки двери гаражей. Почувствовал, что мерзнет. Пора сменить синюю куртку на синий пуховик.

Уве знает: как только жена начинает жаловаться, что в спальне стало зябко, значит, скоро выпадет снег. Причем такая ерунда, констатирует Уве, случается что ни год. Впрочем, зря коммунальщики надеются пожить. Некоторая смена времен года – еще не повод. Повышение температуры в батарее на пять градусов – это несколько тысяч в год, подсчитал Уве. Поэтому каждую зиму он приносит с чердака небольшой дизельный генератор, который выменял на блошином рынке на старый граммофон. Подключает генератор к автомобильному электрообогревателю, купленному на распродаже за тридцать девять крон. Дизель раскочегаривает обогреватель, после чего Уве запитывает обогреватель от маленького аккумулятора. На нем обогреватель работает еще полчаса, и так в несколько заходов, пока не нагреет половину кровати, на которой будет спать супруга. Впрочем, Уве не забывает попенять жене, дескать, негоже тратиться еще и на это. Солярка тоже денег стоит. Жена же реагирует как обычно. Кивает и признает его правоту. А потом всю зиму тайком от Уве подкручивает батареи. Что ни год.

Уве снова пинает мерзлую землю ногой. Хочет еще рассказать про кошака. Как тот торчал перед домом, когда Уве вернулся с утреннего обхода. Уве уставился на него. Кот – на Уве. Уве замахнулся, рывкнул, эхо пинг-понговым мячиком заметалось между стенами домов. Кошак поглазел на Уве еще немного. Потом неторопливо поднялся. Типа я удаляюсь, но не потому, что кто-то там рывкнул, а потому, что у меня есть дела поинтересней. И юркнул за угол сарая.

Нет, решает Уве, лучше ничего не рассказывать жене. Еще разозлится, что прогнал животину. Ей только дай волю: весь дом бы набила этими спиногрызами, с хвостами и без.

На Уве синий костюм. Белая сорочка застегнута на все пуговицы. Жена вечно учит: не застегивай последнюю, если носишь без галстука. На ее поучения Уве каждый раз возражает: я тебе не греческий лавочник, шезлонгами не торгую. И упрямо застегивается наглухо. На руке у него старые пузатые часы: отцу они достались в наследство от деда, в девятнадцать лет, а к Уве перешли от отца, когда тот умер, едва Уве исполнилось шестнадцать.

Жене нравится его костюм. Говорит, Уве в нем очень элегантный. Уве,

разумеется, как всякий здравомыслящий человек, придерживается мнения, что в будние дни только пижоны щеголяют в нарядных костюмах. Но для сегодняшнего утра, так и быть, сделал исключение. И даже обулся в парадные черные ботинки, не пожалев на них гуталина.

Снимая синюю демисезонную куртку с крючка в прихожей, Уве задержался взглядом на многочисленных жениных пальто. Подумать только, зачем одному не слишком рослому человеку столько зимней одежды? «Залезешь под них – а там дверь в Нарнию», – пошутила как-то одна из ее подруг. Уве шутки не понял. Но одежек и впрямь многовато.

Когда он вышел из дому, все соседи еще спали. Он прошел к стоянке. Открыл гараж ключом. Конечно, у него есть и пульт, однако Уве не жаловал автоматику: ни один уважающий себя человек не станет пользоваться пультом, если можно открыть вручную. Он открыл свой «сааб», опять же – ключом. Как прекрасно делал всю свою жизнь. Какой смысл что-то менять? Сел на водительское сиденье, покрутил колесо настройки радиоприемника до половины оборота, вернул в исходное положение. Поправил зеркала заднего вида. Каждый раз, усаживаясь за руль, он неукоснительно повторял эту процедуру. словно перед этим какой-то хулиган регулярно вскрывает его «сааб» и балуется тут с зеркалами и приемником.

Проезжая стоянку, Уве повстречал беременную соседку. Та вела за руку младшенькую. Рослый белобрысый увалень шел с ними. Заметив Уве, все трое приветливо помахали ему. Уве не ответил. Хотел сперва остановиться и открыть глаза неразумной бабе на то, что не дело разгуливать с детьми по автостоянке: небось не детская площадка. Но передумал: недосуг.

Выбравшись с придомовой территории на широкую дорогу, он покатил по ней мимо других таунхаусов, ничем не отличающихся от его собственного. Когда Уве с женой переехали сюда, в поселке было всего шесть таунхаусов. Теперь – несколько сотен. Раньше кругом стоял лес, теперь – дома, дома. Сплошь купленные по ипотеке, естественно. По-другому нынче не умеют. Берут кредиты, ездят на электромобилях, вызывают электриков поменять перегоревшую лампочку. Настелют, как его, ламинат на защелках, наставят электрокамины, и будьте нате. Того и гляди, вообще разучимся хоть в чем-нибудь разбираться, скоро бетон от батона перестанем отличать.

Четырнадцать минут ушло на покупку цветов в торговом центре. Уве строго соблюдал все ограничения скорости, даже там, где стоит знак «50», хотя новопришлые дегенераты в галстуках выжимают все девяносто. Известное дело: у себя перед домом небось понатыкали знаков «Дети»,

поназакатывали «лежачих полицейских», сам черт не проедет. А тут же не у себя, тут можно ездить как попало, твердит Уве в дороге все последние десять лет, стоит им с женой куда-нибудь выбраться. И ведь год от года гоняют все хлеще, не забывает добавить он. На всякий случай: вдруг жена в прошлый раз прослушала.

Уве не проехал и двух километров, как меньше чем в полуметре за его «саабом» пристроился черный «мерседес». Напрасно Уве трижды моргнул ему тормозными огнями. В ответ «мерин» раздраженно помигал дальним светом. Уве ухмыльнулся в зеркало. Как же, как же – их милость решила, что ограничение скорости не про них, а ты, стало быть, поди прочь, прижмись, уступи, ха! Уве не уступил. «Мерин» снова помигал фарами. Уве сбавил скорость. «Мерин» погудел. Уве снизил до двадцати. Машины уже почти взобрались на горку, когда «мерседес», остервенело сигналя, наконец обошел «сааб». За рулем сорокалетний прыщ: галстук, из ушей торчат белые пластмассовые проводки. Не опуская стекла, прыщ выставил Уве средний палец. На что Уве ответил жестом воспитанного мужчины на шестом десятке: покрутил пальцем у виска. Прыщ из «мерина» как заорет – аж слюнями лобовое стекло забрызгал. Дал по газам и ушел в точку.

Две минуты спустя Уве остановился на красный свет. Последним в веренице машин стоял давешний «мерседес». Уве помигал ему фарами. Водитель «мерина» обернулся так, что чуть шею не вывихнул: белая гарнитура выпала из ушей на торпеду. Уве довольно кивнул.

Загорелся зеленый. Пробка не продвинулась. Уве посигналил. Не помогло. Уве покачал головой. Ну, точно, там какая-нибудь блондинка. Не то дорогу ремонтируют. Не то «ауди» заглох. Так простояли еще секунд тридцать. Уве поставил машину на ручник, открыл дверцу и вышел из «сааба», не выключив мотор. Встал посреди дороги, руки в боки, и стал высматривать начало пробки. Примерно в такой же позе, оперев руки в боки, стоял бы на дороге Супермен, угоди он в автомобильный затор.

Прыщ на «мерседесе» забибикал. Баран, подумал Уве. В тот же миг вся вереница сдвинулась с места. Вот тронулись машины, стоявшие перед «саабом». «Фольксваген» позади засигналил. Водитель нетерпеливо замахал Уве рукой. Уве только зыркнул в ответ. Неспешно сел в машину, закрыл дверь. «И куда это все так теперь торопятся?» – громко произнес он в зеркало и поехал.

На следующем светофоре он снова очутился позади «мерседеса». Снова ждать? Глянув на часы, Уве развернулся и ушел влево. Эта дорожка подлиннее будет, зато на ней меньше светофоров. Не то чтобы Уве душила жаба. Просто ему, как и всякому, известно, что в пути машина расходует

меньше бензина, чем на холостом ходу. Как любит приговаривать жена, если что и напишут на надгробии Уве, так это что он по крайней мере сэкономил бензин.

Уве подъехал к торговому центру с западной стороны. Мгновенно сориентировался: на стоянке оставалось всего два свободных места. Разгар рабочего дня. Что тут забыли остальные, разумеется, было выше его понимания. Хотя, конечно, кто в нынешние времена работает!

Когда они заезжают на стоянку, жена вечно вздыхает. Потому что Уве непременно должен встать поближе к входу. «У вас прямо соревнование, кто займет лучшее место», – каждый раз удивляется она, покуда Уве ездит кругами и без разбору костерит пижонов на иномарках, вставших у него на пути. Бывает, кругов пять-шесть нарежут, прежде чем отыщут хорошее местечко, а если не повезет и придется встать метров на двадцать дальше, настроение у Уве испорчено, почитай, на целый день. Жена только руками разводит. Не понимает она этих принципов.

Сегодня Уве сперва тоже решил было покружить, осмотреться. Как вдруг завидел знакомый «мерседес». С южной стороны. Ага, так это он сюда так шпарил, этот галстук с бананами в ушах. Уве среагировал молниеносно. Надавил на газ, выкатился на перекресток, тесня «мерина». Тот резко тормознул, поплелся сзади, бешено сигнали. Поединок продолжился.

Стрелки при въезде на парковку велят заезжать справа, однако «мерин» (очевидно, тоже углядев два свободных места) попытался обойти Уве и прорваться напрямик, налево. Но Уве резко крутанул руль, преграждая путь. И пошла охота – соперники принялись бодаться за каждую пядь асфальта.

В зеркале Уве заметил, как сзади на их дорожку вывернула миниатюрная «тойота» – соблюдая все знаки, она ушла направо и по-черепашьи поплелась по кругу. Проводив ее взглядом, Уве рванул в противоположную сторону с «мерином» на хвосте. Конечно, он мог занять одно из двух свободных мест, ближайшее к выходу, великодушно уступив «мерседесу» другое. Но кому нужна такая победа?

Нет, подъехав к первому месту, Уве встал как вкопанный. «Мерседес» библикнул. Уве ни с места. «Мерс» библикнул еще. Махонькая «тойота» между тем тихонько подбиралась к ним справа. Тут только водитель «мерса» заметил ее и проник в злокозненный замысел Уве – но было поздно. Яростно сигнали, «мерседес» попытался протиснуться мимо «сааба» – но Уве уже показывал водителю «тойоты» на свободное место, милостиво приглашая припарковаться. И как только она встала, Уве

торжественно занял другое.

Боковое стекло у «мерса» было сплошь забрызгано слюной – даже не разглядеть водителя. Торжествующий Уве вышел из «сааба» поступью римского гладиатора. Но тут присмотрелся к «тойоте».

– Ну, ёпрст! – невольно вырвалось у него.

Дверь «тойоты» отворилась.

– Эгей, здаро-ова!! – гаркнул белобрысый увалень, с трудом протискиваясь наружу.

Уве сокрушенно покачал головой.

– Здрасте! – поздоровалась с Уве беременная приезжая, вылезая с другой стороны и вынимая из «тойоты» младшенькую.

Уве с тоской посмотрел вслед «мерседесу».

– Круто ты его обломил, – хмыкнул увалень. – Спасибо за место, дружище!

Уве безмолвствовал.

– Как тея зоют? – спросила младшенькая.

– Уве, – ответил Уве.

– А меня зоют Назанин, – прощепетала она.

Уве кивнул.

– А меня Пат... – начал увалень.

Но Уве развернулся и зашагал прочь.

– Спасибо за место! – прокричала ему вдогонку беременная приезжая.

Уве расслышал в ее голосе смех. Это ему не понравилось. Не оборачиваясь, он только буркнул «да-да» и скрылся за крутящейся дверью торгового центра. В первом проходе он сразу повернул налево: вдруг соседская семейка увяжется за ним. Но соседи пошли направо и исчезли за углом.

Уве потоптался перед продуктовым магазином. Критически изучил рекламную вывеску – с предложениями недели. Не то чтобы Уве собрался затариться ветчиной по акции. Просто нужно же следить за ценами. Чего Уве по-настоящему не любит, так это когда его пытаются надуть. Жена острит, мол, нет для Уве слов страшнее, чем «батарейки в комплект не входят». Когда она так шутит, все смеются. Все, кроме Уве.

От продуктов он перешел к цветам. Там, естественно, устроил «скандал», как выражается жена. Хотя сам Уве настаивал бы на термине «дискуссия» как более адекватном. Он выложил на прилавок купон «2 цветка за 50 крон». А так как цветок был нужен только один, то Уве привел цветочнице все мыслимые резоны насчет того, что ему обязаны продать этот самый цветок за двадцать пять крон. Ведь двадцать пять – это

половина от пятидесяти. Но цветочница (девятнадцатилетняя кукла с головой набитой бабл-гамом), едва не подавившись мобильником, не вняла его арифметическим выкладкам. Она заявила, дескать, один цветок стоит 39 крон, а «два за пятьдесят» продаются только вместе. Пришлось вызывать хозяина лавки. Четверть часа ушло на то, чтобы тот внял голосу разума и признал правоту Уве.

Или, уж если начистоту, буркнул что-то вроде «старая жмотина» себе в ладонь и пробил двадцать пять крон на кассовом аппарате с такой силой, что клавиши затрещали – уж не поломались ли? Впрочем, какая разница? А то Уве не знает этих торгашей: вечно норовят облапошить на ровном месте. Только Уве на мякине не проведешь. Где сядешь, там и слезешь!

Уве выложил на прилавок кредитную карточку. Продавщица безгласно кивнула и указала на объявление «При оплате картой на сумму менее 50 крон взимается комиссия 3 кроны». Что ты будешь делать!

В результате Уве предстал перед женой с двумя цветками. Принципами поступаться нельзя.

– Ишь, три кроны им отдай! Фигу! – бормочет Уве, упершись взглядом в гравий дорожки.

Жена частенько упрекает его: ну чего скандалить из-за всякой ерунды? Но Уве не скандалит. Просто жить надо по справедливости. Разве это не разумное отношение к жизни, спрашивает Уве жену. Лично он придерживается именно такой позиции.

Подняв глаза, он смотрит на нее:

– Ты, это, не серчай, что я вчера не пришел, как обещал, – бормочет он. Она молчит.

– Там у нас такой дурдом был, – оправдывается Уве. – Полный бардак. Сами не могут с прицепом управиться, а ты помогай. Крюк спокойно не дадут вбить, – защищается он, как будто жена упрекает его в чем-то.

Кашлянув, продолжает:

– А впотьмах где его, крюк, вбивать? Свет-то я не включаю. Чего ему зазря гореть? Вот и не смог.

Жена молчит. Уве ковыряет ботинком мерзлую землю. Будто слово подыскивает нужное. Еще раз кашлянув, говорит:

– Без тебя никакого порядка в доме не стало.

Жена молчит. Уве дотрагивается до цветов.

– Без тебя день-деньской по дому слоняюсь как неприкаянный. Вот и весь сказ. Нет, так жить нельзя.

И на это ей нечего сказать. Он кивает. Поправляет цветы, чтобы ей

было повиднее.

– Розовые. Твои любимые. Гардинные. В магазине сказали, гардении, балбесы, будто я не знаю, как ты их называла. Еще сказали, на таком морозе они не выстоят – да им лишь бы сбегать покупателю еще какую-нибудь фигню.

Он словно ждет ее одобрения.

– А эти рис с шафраном готовят, представляешь? – тихо произносит вдруг. – Соседи наши новые. Приезжие. Шафран в рис кладут, понимаешь. Какой в том шафране прок? Нет бы картохи наварить, да с мясом, да с подливкой.

Новая пауза.

Он тихо стоит, вертя обручальное кольцо на пальце. Будто подыскивает, что бы еще рассказать. С великим трудом вымучивает слова – никак не привыкнет задавать тон в беседе. Раньше она брала на себя эту роль. А он лишь отвечал – односложно. Теперь же вон как все повернулось – для них обоих. Напоследок Уве присаживается на корточки, выкапывает старый цветок, посаженный на прошлой неделе, кладет его в пакет. Прежде чем посадить новые цветы, хорошенько рыхлит землю. Промерзшую насквозь.

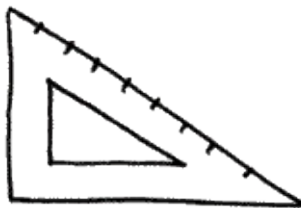
– Тариф на электричество опять подняли, – информирует он жену, поднимаясь.

Снова застывает, руки в карманах, смотрит на нее. Наконец бережно проводит рукой по каменной глыбе, ласково гладит с одного, с другого бока. словно по щекам.

– Невмоготу мне без тебя, – шепчет он.

Шесть месяцев, как она умерла. А Уве по-прежнему дважды в день обходит дом, проверяя: не подкрутила ли тайком батарею.

5. Бирюк по имени Уве

Уве знал, как отговаривали ее подруги: зачем за него идешь? И в общем, не сильно обижался на них из-за этого.

Его прозвали бирюком. Может, и верно, кто знает? Да он и не больно задумывался над этим. Еще звали «нелюдимом»: видимо, считали, что Уве недолюбливает человеческий род. Что ж, с этим он мог бы согласиться. Люди редко отличаются особым умом.

Балагур из Уве тоже был никудышный. А это, по нынешним меркам, серьезный недостаток. Нынче положено уметь переливать из пустого в порожнее с любым придурком, какой ни подвалит к тебе, просто потому, что это считается «хорошим тоном». Не понимал Уве, как так можно. Не так он воспитан. Видно, надо было тщательней готовить его поколение к временам, когда всякий станет только трындеть о деле, а к самому делу будет не способен. Разве что у дома своего постоять умеет да ремонтом новым похвастать, будто ремонт этот своими руками сделал. А сам отвертку от молотка не отличит. Да, собственно, и не скрывает этого, мало того – похваляется! Словно не в цене нынче тот, кто сам умеет настелить настоящие деревянные полы, наладить гидроизоляцию в ванной, поставить зимнюю резину. Словно его, Уве, мастерство – безделица, пустяк. Зачем оно, когда можно пойти и все купить? Кому нужны такие самоделкины?

Уве прекрасно понимал, когда женины подруги удивлялись: как это – по собственной воле вставать спозаранку и весь день проводить с этим дундуком? Уве и сам удивлялся: как? Он собрал для нее книжный шкаф: она набила его книжками, в которых от корки до корки сплошь про чувства. Уве же ценил только то, что можно увидеть, пощупать. Бетон и цемент. Стекло и железо. Инструмент. Предсказуемые вещи. Прямые углы и четкие инструкции. Проектные модели и чертежи. Предметы, которые можно изобразить на бумаге. Сам Уве состоял из двух цветов – черного и белого.

Она раскрасила его мир. Дала ему все остальные цвета.

Пока Уве не встретил ее, он любил только одно – цифры. Из детства не помнил ничего – только цифры. Его не обижали, и сам он тоже никого не обижал, не был спортсменом, но не был и слабаком. Ни заводила, ни отверженный. Так, серединка на половинку. А что детских воспоминаний немного, так Уве не из тех людей, которые что-то запоминают без надобности. Он помнит только, что поначалу жил счастливо, а потом, через несколько лет, совсем наоборот.

А вот цифры, да, помнит. Как они наполняли его голову. Как скучал он по ним, когда кончались уроки математики. Другие шли на них как на каторгу, но не Уве. Он сам не знает почему. И гадать не хочет. Ему вообще непонятно, как можно ходить и рассусоливать – отчего это, дескать, получилось так, как получилось? Человек таков, каков он есть, и делает то, что ему по силам, и этого вполне довольно, считает Уве.

Ему было семь, когда ранним августовским утром у матери отказали легкие. Мать работала на химическом заводе. В ту пору, как впоследствии выяснил Уве, мало что знали о дыхательных путях и технике безопасности. Да и дымила мать как паровоз. Как раз это воспоминание четко врезалось в память: как каждую субботу мать садилась у кухонного окна в их хибарке на городской окраине и, окутанная сизым табачным облаком, любовалась утренней зорькой. Иногда пела, тогда Уве забирался под окно с учебником математики на коленях и слушал, это он тоже хорошо помнит. Пусть голос у нее был сипловат и в ноты мать попадала далеко не всегда, Уве любил ее слушать.

Отец его работал на железной дороге. Заскорузлые, точно воловья кожа, исполосованная ножом, ладони, по лицу пролегли глубокие борозды – когда отец трудился, пот ручьями стекал по ним на грудь. Волосы жидкие, тело хлипкое, только мышцы на руках такие мощные, словно высечены из гранита. Однажды родители взяли маленького Уве на какой-то праздник, устроенный одним железнодорожником, товарищем отца. Отец пил пиво, когда кто-то из гостей предложил остальным бороться на руках. На лавку против отца садились такие шкафы, каких Уве отродясь не видывал. В каждом добрых два центнера весу. Всех их отец одолел. А позже – вечером, когда возвращались домой, отец, положив руку Уве на плечи, сказал: «Запомни: только дурак думает, что сила и габариты – это одно и то же». Уве запомнил это на всю жизнь.

Отец пальцем никого не тронул. Ни сына, никого. Одноклассников Уве, бывало, лупцевали за проступки – в школу приходили то с синяком под глазом, то с рубцами от ремня. Уве – ни разу. «У нас в семье руки не

распускают, – учил его отец. – Ни на своих, ни на чужих».

На работе отца любили. Тихий, добрый. Кто-то, правда, считал, что чересчур добрый. Уве помнит, что в детстве не понимал, что в этом плохого.

А потом мать умерла. И отец совсем смолк. Словно она забрала с собой те немногие слова, которые у него были прежде.

Теперь оба обходились без лишних слов, что отец, что Уве, хотя жили душа в душу. Покойно сидели в тишине, каждый по свою сторону обеденного стола. И занятие подходящее умели себе сыскать. Позади дома, в дупле трухлявого дерева, угнездились птичье семейство, так они подкармливали пичуг раз в два дня. Причем, как усвоил Уве, важно было кормить именно раз в два дня. Почему – непонятно, впрочем, он и не стремился понять все на свете.

По вечерам ужинали колбасой с картошкой. Потом резались в карты. Лишнего в доме никогда не водилось, но на жизнь хватало.

Матушка забрала с собой в могилу почти все слова, которые знал отец. Оставила ему ровно столько, чтоб рассказывать про моторы. А рассказывать про них отец мог без усталости. «Мотор, брат, любит уважительное обращение. Коли ты к нему с душой, то и он к тебе с добром. А станешь гнобить его – попадаешь к нему в рабство».

Машины у отца долго не было, а потом, в сороковых-пятидесятых, когда окружные начальники с промышленными директорами накупили себе железных коней, этот молчаливый железнодорожник прослыл в общем мнении очень полезным человеком. Школу отец не закончил, и понять, что к чему в учебниках Уве, ему было мудрено. Зато он разбирался в моторах.

Однажды, когда директор выдавал замуж дочку и кабриолет, с шиком и помпой поданный к церкви, чтобы забрать жениха с невестой, вдруг сломался, решили послать за отцом Уве. Тот прикатил на велосипеде с инструментальным ящиком – таким тяжеленным, что, когда отец снял его с багажника, два других мужика едва дотащили этот ящик до места. А когда отец укатил обратно, проблемы, из-за которой за ним послали, как не бывало. Директорша пригласила отца за свадебный стол, на что тот тихо ответил, что неудобно сажать за один стол нарядных гостей с таким чумазым, как он, – пятна мазута на руках не отмываются, стали считай что родимыми. Другое дело, коли хлеба да мяса дадут, он бы снес гостинец своему пареньку, сказал отец. Уве как раз исполнилось восемь. Вечером, когда отец выложил мясо с хлебом на стол, мальчишка вообразил, что именно так должен выглядеть королевский ужин.

Несколько месяцев погодя директор снова вызвал отца Уве. На стоянке

перед директорской конторой стоял выдавший виды 92-й «сааб» – первый легковой автомобиль, выпущенный заводом. Модель уже тогда так устарела, что была снята с производства, вместо нее «сааб» продавал другую, гораздо более современную – девяносто третью. Этого старичка отец знал как свои пять пальцев. Передний привод, поперечно расположенный двухтактник, бурлящий, точно кофеварка. «Битый, после аварии», – признался директор, заложив большие пальцы за подтяжки под пиджаком. И правда, бутылочно-зеленый кузов был сурово припечатан и вздыблен спереди, открывшийся под капотом пейзаж тоже был не ахти, этого отец не отрицал. Тем не менее, вынув из засаленного комбинезона отверточку, он покопался в машине и наконец заявил – что да, то да, попотеть-покумекать тут придется, но если ему дадут нормальный инструмент, то машину на ход он поставит.

– А чья она? – поинтересовался отец, выпрямившись и вытирая тряпкой промасленные пальцы.

– Да одного родственника моего, – сказал директор, выудил из кармана ключ и вложил в отцову ладонь, крепко пожав ее. – Была. А теперь твоя.

Хлопнув отца по плечу, директор вернулся в контору. А отец так и остался стоять посреди двора, судорожно глотая воздух. В тот вечер он раз за разом пускался рассказывать и показывать обалдевшему сыну все, что сам знал о сказочной диковинке, стоящей у них в саду. Полночи, усевшись на водительское сиденье и посадив сына на колени, объяснял, как устроена механическая часть. Припомнил каждый винтик, каждый тросик. Никогда Уве не видел, чтобы гордость так переполняла человека. Именно в тот вечер восьмилетний Уве решил, что будет ездить только на «саабе» и ни на чем больше.

По субботам, если у отца выпадал выходной, отец вел Уве во двор, поднимал капот и подробно учил, как какая деталь называется и для чего нужна. По воскресеньям они вдвоем шли в церковь. Ни отцу, ни Уве Бог не был особенно близок, просто матушка-покойница не пропускала служб. Вот они шли и сидели там позади всех, вперив глаза каждый в свое пятно на полу. По совести сказать, во время службы оба больше думали не о том, как им не хватает Бога, а о том, как не хватает матушки. То есть посвящали время ей, даром что ее давно не было с ними. Затем отец и Уве часами катались проселками. Этих воскресных прогулок Уве ждал целую неделю.

А чтобы Уве, придя домой из школы, не пинал балду, с того же года он стал ходить к отцу в депо. А там грязь, зарплата с гулькиным нос. Зато «работа уважаемая – уже немало», бормотал отец себе под нос.

Уве любил всех путейцев. Кроме Тома. Долговязого, сварливого

малого, кулачищи размером с автофургон, а глазки вечно снуют, словно ищут, какую бы пнуть безответную животину.

Когда Уве было девять, отец как-то отправил его помочь Тому убрать в поломанном вагоне. Посреди уборки Том вдруг радостно воскликнул – нашел портфель, в суматохе забытый кем-то из пассажиров. Портфель свалился с багажной полки, барахло оттуда рассыпалось по полу. Встав на карачки, Том быстренько заграбастал все, что сумел отыскать.

– Что нашли, то наше, – подмигнул он Уве, и в глазах его сверкнуло что-то, от чего по коже Уве побежали мурашки.

Том хлопнул парнишку по спине – аж в ключицу отдало. Уве промолчал. Пошел из вагона, как вдруг наткнулся на бумажник. Уве поднял его – податливая кожа казалась шелковой на ощупь. Отцу приходилось обматывать свой старенький бумажник резинкой – чтоб не развалился. А этот! Этот застегивался на серебряную кнопку, щелкающую, когда его открывают. Внутри лежало шесть тысяч крон. По тем временам целое состояние!

Том как увидал, хотел вырвать кошелек из рук Уве. Но в мальчишке разыграло природное упрямство. Получив внезапный отпор, Том опешил. Краем глаза мальчик видел, как над ним уже навис гигантский кулак. Уве понял, что не успеет дать стрекача. А потом зажмурился и, что было силы вцепившись в кошелек, стал ждать неминуемой расправы.

Неожиданно для обоих между ними вырос отец Уве. Том, коротко глянув на него, гневно выдохнул, аж зашипело в горле. Отец остался стоять на месте. Том нехотя опустил кулак, попятился.

– Что нашли, то наше: всегда так было, – пробурчал он, показывая отцу на бумажник.

– Пусть решает, кто нашел, – ответил отец, не отводя взгляда.

Том почернел. Попятился еще на несколько шагов, не выпуская портфель из рук. Всю свою жизнь он проработал на железной дороге, но никто из путейских слова доброго про него не сказал. Пропустив одну-другую кружку пива за праздничным столом, не раз честили его подлецом и злыднем. Только отец ни разу не сказал про Тома худого. «Четверо ребятишек и хворающая баба, – говорил он, заглядывая каждому из товарищей в глаза. – Другой на месте Тома похлеще подличал бы». После таких слов товарищи обычно меняли предмет беседы.

Отец указал Уве на бумажник.

– Решай сам, – велел сыну.

Уве уперся взглядом в пол, чувствуя, как глаза Тома жгут ему темя. Негромким, но твердым голосом объявил, что деньги лучше снести в бюро

находок. Отец молча кивнул, взял Уве за руку и повел вдоль путей. Так они шли дольше получаса, не проронив ни слова. Позади них разорвался Том, голос его клокотал от ярости. Уве на всю жизнь запомнил этот голос.

Тетка из бюро находок не поверила своим глазам, когда они выложили перед ней бумажник.

– Так просто лежал на полу? А сумки или портфеля не было? – поинтересовалась она.

Уве вопросительно взглянул на отца. Тот стоял с невозмутимым видом. Уве изобразил такой же.

Тетке оставалось только принять это как ответ.

– Мало кто решился бы вернуть эдакую прорву денег, – улыбнулась она Уве.

– Мало кто знает, что такое совесть, – отбрил ее отец, взял сына за руку, резко развернулся и пошел обратно на работу.

Они прошли метров двести вдоль железной дороги, когда Уве, кашлянув, осмелился спросить отца, почему тот ничего не рассказал про портфель и Тома.

– Мы не из тех, кто закладывает других, – ответил отец.

Уве кивнул. Дальше пошли молча.

– Я хотел взять деньги себе, – наконец прошептал Уве и крепко сжал отцовскую ладонь, словно боялся, что тот бросит его руку.

– Знаю, – сказал отец, еще плотнее сжимая его ладонь.

– Просто я знал, что ты вернул бы кошелек, а такой, как Том, – не вернул бы, – сказал Уве.

Отец кивнул. И больше о том не говорили.

Принадлежи Уве к числу людей, рефлексирующих над тем, как да почему они стали такими, какими стали, вероятно, он констатировал бы, что именно в тот день усвоил, что поступать надо по совести. Впрочем, Уве не сильно углублялся в подобные размышления. Помнил только, что в тот день решил и дальше быть как отец, да и все тут.

Отца не стало, когда Уве едва пошел семнадцатый год. Задавило шальным вагоном. Всего наследства только и было, что старенький «сааб», покосившаяся халупа в двух десятках километров от города да пузатые отцовы часы. Уве не может толком объяснить, что случилось с ним в тот день. Просто радость покинула его. На долгие годы.

Пастор на кладбище стал уговаривать Уве перейти в приют, но тут же получил отповедь – Уве и мысли не допускал, чтоб жить на подаяние: не так воспитан. Заодно Уве объявил пастору, чтоб тот не держал за ним места

на церковной скамье – в обозримом будущем Уве не станет ходить на воскресные службы. Не то чтобы он разуверился в Боге, просто, по его мнению, Господь в данном случае поступил как-то по-свински.

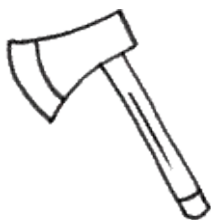
На другой день Уве направился в железнодорожную контору, где получал зарплату отец. Тетки из бухгалтерии никак не могли понять паренька, силившегося втолковать им, что отец умер шестнадцатого. Стало быть, сами понимаете, не стоит ждать, что покойник доработает оставшиеся две недели этого месяца. А так как получку отцу выдали вперед, Уве хотел вернуть сумму за неотработанное время.

Тетки робко попросили его покамест посидеть, обождать, Уве согласился. Через четверть часа в контору вошел директор и увидел на стуле в коридоре чудного паренька, принесшего в конверте зарплату погибшего отца. Директор сразу смекнул, что это за паренек. Убедившись, что мальчишка наотрез отказывается оставить себе деньги, по его мнению еще не отработанные отцом, директор не придумал ничего лучше, как предложить пареньку доработать остаток месяца за отца. Такое предложение Уве устроило: учителям он сообщил, что будет отсутствовать ближайшие две недели. В школу он больше не вернулся.

Он проработал на железной дороге пять лет. И однажды утром встретил ее. И засмеялся – впервые с того дня, как умер отец. Отныне жизнь его пошла совсем по-другому.

Уве, по общему мнению, видел все в черно-белом цвете. Она раскрасила его мир. Дала ему остальные краски.

6. Уве и велосипед, который должен знать свое место

На самом деле Уве просто хочется спокойно умереть. Разве он многого просит? Отнюдь. Наверное, лучше было бы уйти тогда – полгода назад. Сразу, как ее схоронил. Сейчас он с этим не спорит. Но тогда решил, что никак нельзя. Из-за работы, будь она неладна. Это что ж будет, коли один, другой, третий, вместо того чтоб трудиться, начнут накладывать на себя руки почему зря?

Итак, жена умерла в пятницу, схоронил ее Уве в воскресенье, а уже в понедельник явился на работу. Как штык. Прошло шесть месяцев, и тут в понедельник, здравствуйте пожалуйста, приходит начальство и говорит, что предпочло не откладывать дело до пятницы, чтобы не «испортить Уве выходные». Так что уже во вторник он смазывал пропиткой столешницу.

И вот к полудню давешнего понедельника закончил последние приготовления. Обратился в похоронное бюро, купил место на кладбище, поближе к жене. Позвонил адвокату, написал прощальное письмо с пошаговыми инструкциями, вложил его в конверт с важными квитанциями, договором купли-продажи на дом и паспортом техобслуживания «сааба». Сунул конверт во внутренний карман пиджака. Выкрутил все лампочки, оплатил все счета. Кредитов он не брал. Долгов не имел. Убирать за ним не придется, сам похлопотал. Помыл кофейную чашку и отказался от подписки на газету. Пора.

И вот он сидит в «саабе», глядя сквозь открытые ворота гаража, и думает: ну, теперь главное – помереть спокойно. Если не помешают соседи, можно отправиться на тот свет нынче же днем.

В гаражном проеме виднеется заплывший жиром сосед – стоит на парковке. Не то чтобы Уве недолюбливал толстяков. Нисколько. Каждый волен быть таким, каким хочет. Просто Уве никак не мог взять в толк, как им это удастся. Это ж сколько надо лопать, чтобы фактически удвоиться? Можно ли нагулять такие мяса, если к этому нарочно не прилагать усилий,

задается вопросом Уве.

Толстяк замечает Уве. Приветливо машет. Уве сдержанно кивает в ответ. Юноша, остановившись, продолжает махать так энергично, что сиськи колыхаются под футболкой. Уве твердит, что не знает другого такого, кто может в одну харю стрескать ведро чипсов. Что ты, куда ему, вечно возражает жена.

Вернее, возражала. Вечно возражала.

Ей нравился этот упитанный соседский юноша. Когда его мать умерла, жена Уве стала раз в неделю носить ему коробки с обедами. А то что же, он совсем отвыкнет от домашней еды. Да ему что ни дай, все одно, с коробкой сожрет, вставлял Уве, видя, что контейнеры пропадают с концами. Тут жена обычно перебивала: «Может, хватит?» На том и кончали разговор.

Дождавшись, пока пожиратель контейнеров скроется из виду, Уве выходит из «сааба». Трижды дергает за ручку. Запирает ворота. Трижды дергает за ручку. Идет по дорожке между домами. Останавливается у велосипедного сарая. К его стене прислонен велосипед. Опять?! Прямо под знаком, запрещающим ставить тут велосипеды?

Уве берет велосипед. Переднее колесо спущено. Уве открывает сарай и аккуратно ставит велосипед в ряд с остальными. Запирает дверь, трижды дергает замок, как вдруг ломающийся голос орет ему в ухо:

– Блин! Вы чё делаете?

Уве разворачивается и видит в двух шагах от себя какого-то сопляка.

– Ставлю велосипед на место.

Сопляку лет восемнадцать, решает Уве, приглядевшись повнимательней. Пожалуй, скорее шкет, чем сопляк.

– Не имеете права! – протестует шкет.

– Еще как имею.

– Да я починить его хотел! – выдыхает парень, голос его срывается на визг, как старый патефон.

– Это дамский велосипед, – замечает Уве.

– Ну да, и чё? – нетерпеливо соглашается шкет, будто тут нет ничего такого.

– Стало быть, не твой, – подводит итог Уве.

– Ну, бли-и-ин, – закатывает глаза шкет.

– Вот так вот, – говорит Уве и сует руки в карманы, как бы показывая, что вопрос закрыт.

Оба выжидающе смотрят друг на друга. Шкет всем своим видом выражает сомнение в адекватности Уве. Взгляд Уве свидетельствует: шкет – только лишний перевод кислорода. Тут Уве замечает позади шкета

другого такого же. Только еще более тощего и с черными разводами под глазами. Второй шкет тихонько тянет первого за куртку и мямлит что-то вроде «да ладно тебе, не связывайся». Первый упрямо лягает снег. Словно снег виноват.

– Это девушки моей, – выдавливают наконец.

Не с возмущением, скорее обреченно. Большущие кеды, точно на вырост, куцые джинсы, примечает Уве. Олимпийка натянута на подбородок, от холода. Бледно-зеленоватая кожа, подернутая пушком и усеянная угрями. Слипшийся вихор, будто мальчика тащили за волосы из бочки с клеем.

– И где же она живет? – интересуется Уве.

Негнущейся рукой, точно парализованной усыпляющим патроном, шкет показывает на крайний дом на улочке. Тот, где коммунисты с дочками живут. Которые затеяли всю петрушку с сортировкой мусора. Уве кивает:

– Вот пусть она сама придет и возьмет его из сарая.

Он демонстративно стучит пальцем по знаку, запрещающему приставлять велосипеды к сараю. После чего разворачивается и идет восвояси.

– Старый хрен! Каз-зёл! – кричит ему шкет вдогонку.

– Тише ты, – затыкает ему рот дружок с черными разводами вокруг глаз.

Уве не отвечает.

Он идет мимо знака, категорически запрещающего движение машин по территории поселка. Того самого знака, который в упор не разглядела беременная соседка. Хотя Уве ясно как день: не заметить было невозможно. Уве ли не знать – он же сам этот знак устанавливал. С досадой он идет дальше, по узкой дорожке между домами, печатая каждый шаг так, что со стороны можно подумать: чудак утаптывает асфальт. Что ли мало у нас во дворе придурков, вздыхает Уве. Превратили поселок черт-те во что, в ухаб на дороге прогресса. Пижон на «ауди» и его бледная немочь – из дома наискосок, на краю – коммунисты с пигалицами-дочками: волосы ярко-рыжие, шорты поверх легинсов, рожи размалеваны, что твой енот наоборот. Да они, кажется, в Таиланде сейчас отдыхают. Ладно, без разницы.

А парень в соседнем доме – четверть века от роду и четверть тонны весу! Еще и волосы отрастил, как баба, и носит все не пойми какие майчонки. Раньше с матерью жил, третий год как померла. Зовут, кажись, Йимми, жена вроде говорила. Чем живет, бог весть: может, уголовник. А может, ветчину дегустирует.

В крайнем доме на стороне Уве живут Руне с супругой. Не хочется

называть его врагом. Да тут уж ничего не поделаешь – вражина и есть. Именно с Руне все началось, из-за него теперь поселок катится ко всем чертям. Он да супружница его Анита переехали сюда в тот же день, что и Уве с женою. Руне сперва ездил на «вольво», потом, вишь, купил БМВ. Ну о чем с такими говорить, разводит руками Уве.

К тому же именно Руне спланировал тот самый путч – когда Уве погнали из председателей правления. За что боролись, на то и напоролись: счета за электричество заоблачные, велосипеды валяются где ни попадя, а жильцы утюжат двор машинами с прицепом. Несмотря на знаки, *категорически* запрещающие движение. А ведь Уве предупреждал, да никто не слушал. А тогда он бросил это дело – и больше на собрания ни ногой.

Уве жует губами, словно собираясь сплюнуть, всякий раз, когда в голове его звучат слова «собрание собственников жилья». Словно слова эти похабные.

Не дойдя шагов пятнадцать до разбитого почтового ящика, он вдруг замечает перед своим домом бледную немочь. Та чем-то увлечена, Уве не сразу понимает чем. Мотыля на шатких каблуках, она остервенело замахивается куда-то поверх его дома. Под ногами у нее снует и тявкает недоразумение – то самое, что обоссало ему всю плитку. Кто знает, может, это и не собака. Так, валенок с глазками.

Бледная немочь орет в сторону дома. Так истошно, что черные очки съезжают на кончик носа. Валенок заливается пуще прежнего. Тетка, видно, вконец спятила, решает Уве, предусмотрительно останавливаясь в нескольких шагах от нее. Тут только до него доходит, к чему вся эта жестикуляция. Тетка кидается камнями. В кошака.

Тот забился в дальний угол за сараем. На шкуре пятнышки крови. Вернее, на остатках шкуры. Валенок скалит зубы. Кошак шипит в ответ.

– Ах, ты еще шипеть на Принца! – ярится бледная немочь, хватая камень с клумбы Уве и швыряет в кота.

Кошак уворачивается. Камень попадает в оконный отлив.

Бледная немочь готовится кинуть новый камень. Уве в два прыжка подскакивает к ней, дышит ей в затылок:

– Ну-ка, кинь еще камень в мой дом – сама вверх тормашками полетишь!

Она поворачивается кругом. Взгляды их скрещиваются. Руки Уве преспокойно лежат в карманах, ее же кулаки пляшут у него под носом, будто отгоняя двух мух величиной с микроволновку. Ни один мускул не дрогнул на лице у Уве – не дождется.

– Эта тварь поцарапала Принца! – Глаза ее возвращаются от бешенства.

Уве переводит взгляд на валенок. Собачонка рычит на него. Уве смотрит на кошака – тот сидит под домом драный, весь в крови, но с гордо поднятой головой.

– Да и у него кровь. Выходит, квиты, – заключает Уве.

– Да я урою эту скотину! – выпаливает немочь.

– Если я тебе позволю, – невозмутимо отрезает Уве.

– Это же лишай ходячий, рассадник бешенства, чумки, фиг знает чего! – угрожающе подступает она.

Уве смотрит на немочь. Потом на кошака. Кивает:

– Небось и ты тоже. Я ж в тебя за это бульниками не швыряюсь.

Нижняя губа у нее трясется. Немочь поправляет съехавшие очки. Рывкает:

– Не хамите!

Уве кивает. Указывает на валенок. Тот норовит цапнуть его за икру, Уве вдруг резко топает – валенок едва успевает увернуться.

– Собаку надо выгуливать на поводке! – замечает Уве немочи.

Мотнув крашеными лохмами, та громко хмыкает: из правой ноздри показывается сопля – или это Уве только чудится?

– А этого, значит, не надо? – машет немочь в сторону кота.

– Не твоя забота, – парирует Уве.

Немочь смотрит на Уве взглядом, исполненным превосходства и в то же время смертельной обиды. Валенок щерится и негромко ворчит.

– А ты что, старпер, всю улицу купил? – спрашивает блондинка.

Уве снова невозмутимо указывает на валенок:

– И чтоб твоя псина больше не ссала возле моего дома, не то я напряжение на плитку дам.

– Принц не ссыт на твою гребаную плитку, урод! – фыркает немочь и, сжав кулаки, подступает к Уве на два шага.

Уве бровью не ведет. Она останавливается. Гневно дышит. Тут, видимо, в ней просыпаются остатки здравого смысла.

– Пошли отсюда, Принц, – командует она.

Потом грозит пальцем Уве:

– Я все Андерсу скажу, ты об этом пожалеешь!

– Скажи ему лучше, чтоб хозяйство свое поменьше чесал у меня под окном, – отвечает Уве.

– Долбаный маразматик! – ругается она, уходя на стоянку.

– Да еще скажи: машина у него – говно! – кричит ей вдогонку Уве.

Она показывает ему палец, Уве не понимает смысла этого жеста, но

догадывается, что какой-то смысл быть должен. Немочь с валенком направляются к дому Андерса.

Уве сворачивает к сараю. На плитках у клумбы видит свежую собачью лужицу. Жаль, не будь после обеда дел поважнее, отправился бы напрямиком к Андерсу и сделал бы из валенка коврик для прихожей. Теперь недосуг. Уве идет в сарай, берет дрель и коробку с набором сверл.

Выйдя из сарая, замечает, что кошка сидит, как сидел, и пялится на него.

– Все, ушли – ступай по своим делам, – говорит ему Уве.

Кошак ни с места. Уве качает головой:

– Ну, ты, захребетник. Ты в товарищи-то ко мне не набивайся.

Кот сидит. Уве разводит руками:

– Елки-моталки, если я разок вступился за тебя, когда эта задрыга камня швыряла, это еще не значит, что ты мне нравишься, леший тебя задери. Просто эта фифа еще хуже тебя.

Машет в сторону Андерсова дома.

– Но больше поблажек не жди, уяснил?

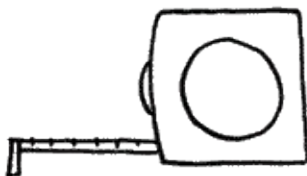
Кошак, кажется, тщательно обдумывает услышанное. Уве указывает на дорожку:

– Сгинь!

Кошак между тем без лишней суеты зализывает израненную шкуру. Держится чинно, точно на переговоры пришел и теперь анализирует предложение. Наконец неспешно встает и вразвалочку скрывается за сараем. Уве даже не глядит. Идет напрямиком домой. Заходит, захлопывает дверь.

Все, хватит. Уве собрался умереть.

7. Уве вбивает крюк

Уве наряжается в парадные брюки и рубашку. Бережно, словно ценные полотна, укрывает пол пленкой для ремонта. Пол пусть не новый, да ведь всего два года, как отциклевал. А укрывает его Уве, собственно, не из-за себя. Испачкать точно не испачкает – крови от висельника, почитай, никакой; запылить, когда сверлить станет, тоже особо не боится. Табуреткой и той не поцарапает – когда ее ногой отодвинет. Потому как на ножки Уве предусмотрительно наклеил пластиковые подкладки, никаких следов не останется. Так что пленка, которой Уве столь тщательно застилает и прихожую, и гостиную, и даже добрую половину кухни (словно собрался сделать из дома бассейн), вовсе не из-за Уве.

Нет, просто он представил, что тут потом начнется: санитары небось еще тело вывезти не успеют, как сюда всей ненасытной оравой сбегутся вшивые риелторы. Чтоб они шаркали по полу своими башмаками – это уж хрен! Даже через его труп! Пусть так и знают.

Уве ставит посреди комнаты стремянку. На ней пятна – семи цветов. С некоторых пор жена решила, что раз в полгода Уве должен перекрашивать одну из комнат. Вернее, придумала, что хорошо бы перекрашивать стены раз в полгода. С этой причудой жена пришла к Уве, но получила решительный отказ. Тогда она обратилась к малярам – сговорились о цене. После чего пошла к мужу. Услышав, сколько она собирается отвалить за ремонт, Уве бросился в чулан за стремянкой.

Потеряв близкого, мы вдруг принимаемся тосковать по каким-то вздорным пустякам. По ее улыбке. По тому, как она ворочалась во сне. По ее просьбам – перекрасить ради нее стены.

Уве вносит коробку со сверлами. Сверла – наиглавнейший компонент. Сверла, а не дрель. Точь-в-точь как поставить добротные шины куда важней, чем заморачиваться всякой хренью типа керамических колодок. Кто ездил, тот знает. Уве встает посреди комнаты, прикидывает на глаз. Потом обводит взглядом сверла, точно хирург свои скальпели. Выбирает

одно, вставляет в дрель, пробует, нажимает на кнопку. «Грррр», – говорит дрель. Уве качает головой – нет, не годится! Меняет сверло. И так четырежды, пока не подберет подходящее. А выбрав, проходится по комнате с дрелью наперевес, точно это не дрель, а большой револьвер.

Снова останавливается посередине, смотрит на потолок. Вдруг понимает: прежде чем сверлить, хорошо бы примериться. Найти центр. А то хуже нет – дырявить потолок на авось.

Он идет за рулеткой. Измеряет. От каждой стороны. Дважды – для верности. Ставит крестик ровно по центру.

Уве слезает со стремянки. Обходит дом, проверяя, улеглась ли пленка. Отпирает входную дверь (а то будут вскрывать – поломают, с них станется). Дверь-то хорошая. Много лет еще прослужит.

Надевает пиджак, проверяет внутренний карман – на месте ли конверт.

Напоследок Уве отворачивает портрет жены лицом к окну. Не хочет, чтобы она видела это, но и положить портрет лицом вниз не решается. Жена всегда безумно расстраивалась, если некуда было смотреть. «Лишь бы что-то живое, чтобы было на что любоваться», – твердила она. Вот и пусть любитесь на сарай. Глядишь, опять кошка прибежит. Уж как она их обожает, кошек этих.

Уве берет дрель, берет крюк, лезет на стремянку, сверлит. Когда в дверь звонят в первый раз, он уверен: ослышался. И именно поэтому решает не открывать. Но звонок повторяется – и Уве понимает: нет, не ослышался. И именно поэтому решает не открывать.

В третий раз Уве бросает сверлить и сердито смотрит на дверь. Словно силой мысли старается спровадить непрошеного гостя: поди прочь. Силы его мысли явно не хватает. Непрошенный гость, очевидно, думает, что единственным разумным объяснением того, почему его не впускают, является предположение, что хозяева не слышат звонка.

Уве слезает со стремянки, решительным шагом идет по пленке из комнаты в прихожую. Ну что ты будешь делать? Уж и помереть нельзя спокойно!

– Чего еще? – ворчит он, распахивая дверь.

Увалень едва успевает убрать здоровенную башку – еще чуть-чуть и схлопотал бы створкой по морде.

– Привет! – радостно выпаливает беременная приезжая, стоящая рядом, – ее голова находится на полметра ниже.

Уве смотрит на увальня, потом – на нее. Увалень тем временем осторожно ощупывает лицо – не лишился ли ненароком какой выступающей детали.

– Это вам. – Соседка дружелюбно сует Уве в руки синий пластмассовый коробок.

Уве смотрит скептически.

– Это печенье, – весело объясняет она.

Уве степенно кивает. Мол, ясно.

– Какой вы нарядный! – улыбается соседка.

Уве кивает.

Следует немая сцена: все трое стоят и ждут, когда кто-нибудь что-нибудь скажет. Наконец, взглянув на супруга, соседка неодобрительно качает головой. Толкает его в бок, нашептывает:

– Дорогой, может, хватит ковырять лицо?

Увалень, опомнившись, глядит на нее, кивает. Смотрит на Уве. Уве – на беременную. Увалень тычет в коробок, скалится:

– Она из Ирана. У них там без еды шагу из дома не ступят.

Уве смотрит на него, как в пустоту. Увалень, робея, добавляет:

– Так я вот... как раз подхожу для иранок. Они любят готовить. А я люблю... – Губы его уже расплываются в широкую улыбку.

Но замирают. Уве всем видом выражает полнейшее безразличие.

– ...поесть, – договаривает увалень.

И уже собирается описать в воздухе пальцами эдакую загогулину. Но, глянув на супругу, передумывает – вдруг это не самая удачная мысль?

Уве отворачивается от него к соседке. Устало, как мамаша отворачивается от сластены, когда тот переест варенья.

– Чего вам? – повторяет он вопрос.

Она приосанивается, складывает руки на пузе.

– Мы пришли знакомиться, мы же теперь соседи, – улыбается ему.

Уве коротко и твердо кивает:

– А! Ну, будьте здоровы! – и хочет уйти.

Она придерживает дверь.

– А еще хотим поблагодарить, что помогли с прицепом. Так выручили, так выручили!

Уве хрюкает. Нехотя остается в дверях.

– Да чего там, не стоит благодарности.

– Стоит, стоит, – возражает соседка.

Уве, явно польщенный, смотрит на увальня:

– Я к тому: чего тут благодарить, когда взрослый мужик не может управиться с прицепом.

Увалень глядит, словно гадая: оскорбили его или нет. Пусть гадают, решает Уве. Снова хочет закрыть дверь.

– Я – Парванé, – говорит беременная приезжая, ставя ногу на порог.
Уве смотрит на ногу, потом на лицо ее обладательницы. Словно силится понять, не снится ли ему это.

– А я – Патрик! – говорит увалень.

Ни Уве, ни Парване не обращают на него внимания.

– А вы всегда такой колючий?

Уве обиженно бурчит:

– Ничего я не колючий.

– Ну, немножко-то колючий.

– Ничего не колючий!

– Конечно, конечно. Ваши слова просто ласкают слух! – отвечает она.
Что-то в ее тоне подсказывает Уве, что думает она совсем по-другому.

– А, арабское курабье? Так? – бормочет он наконец.

– Персидское, – поправляет она.

– А?

– Я из Ирана. Там живут персы.

– Перцы?

– Да.

– Хороши, нечего сказать, – соглашается Уве.

Она вдруг хохочет, совершенно огорошив его. Так газировка, если слишком быстро плеснуть в стакан, вспенится и польется через край. Никак не вписывается этот хохот ни в серый бетон, ни в прямоугольную геометрию каменной плитки. Шумный, хулиганский, против всех предписаний и правил.

Уве пятится. Цепляет скотч, которым приклеил пленку к порогу. Раздраженно трясет ногой, пытаясь стряхнуть ленту, но лишь свозит кусок пленки в углу. Пытаясь освободиться от липких пут, оступается и отдирает еще больший кусок. Еле удерживается на ногах. Становится на пороге, собирается с силами. Взявшись за ручку, смотрит на увальня, резко меняет тему:

– Ну а ты чем занимаешься?

Увалень чуть поводит плечом, смущенно улыбается:

– Я айтишник.

Уве с Парване качают головой. Удивительно слаженно – хоть на соревнованиях по синхронному плаванию выступай. И Уве пусть крайне неохотно, пусть на пару мгновений, но как будто чуть меньше недолюбливает ее.

А увалень словно и не слышит, будто речь и не о нем вовсе. Зато с любопытством разглядывает дрель – Уве держит ее как-то небрежно, но

вместе с тем так естественно – словно рисуется, словно он африканский повстанец с «калашом», дающий интервью западной прессе за минуту до штурма правительственного дворца. Надивившись досыта, увалень вытягивает шею и заглядывает внутрь дома.

– А что вы делаете?

Уве в ответ глядит на увальня так, как глядел бы любой человек с дрелью в руке, у которого спросили: «А что вы делаете?»

– Сверлю.

Глянув на увальня, Парване закатывает глаза. За такое Уве мог бы даже слегка зауважать ее, если бы не пузо – красноречивое свидетельство того, что баба совершенно добровольно вынашивает третью по счету генную модификацию этого олуха.

– А, – кивает увалень.

Снова заглядывает внутрь и видит, что полы в гостиной аккуратно застелены пленкой. Вдруг оживает, с улыбкой подмигивает Уве:

– А такое чувство, будто замышляете убийство.

Уве молча наблюдает.

Кашлянув, увалень добавляет, уже нетвердым голосом:

– Просто похоже на эпизод из «Декстера».

Ухмылочка на его лице теряет прежнюю уверенность.

– Сериал есть такой... про одного типа... убийцу, – едва слышно лепечет увалень и начинает ковырять ботинком зазор между пленкой и порогом.

Уве качает головой. Немного непонятно, по поводу какой именно из сказанных увальнем глупостей.

– Мне некогда, – коротко говорит он Парване, покрепче ухватывая дверную ручку.

Парване многозначительно пихает увальня в бок. Тот косится на нее, словно собираясь с духом. Наконец смотрит на Уве – затравленно, словно весь мир собрался расстрелять его из рогатки.

– Мы вообще-то пришли попросить у вас парочку вещей...

– Каких еще вещей?

– Лестницу. И еще шестилапик?

– В смысле, шестигранник?

Парване кивает.

Увалень озадачен:

– А не шестилапик, нет?

– Шестигранник, – в один голос восклицают Уве с Парване.

Парване победно вскидывает голову, кивает на Уве:

– А! Что я тебе говорила?!

Увалень мямлит что-то чуть слышно.

– А ты мне: «Да ТЫ ЧЁ! Это шестилапик!» – передразнивает его Парване.

Увалень обижается:

– Я не таким тоном говорил.

– Таким, таким!

– Не таким!

– Нет, ТАКИМ!

– Нет, НЕ таким!

Уве только глазами водит с одной на другого, как здоровенный пес на двух мышат, не дающих ему вздремнуть.

– А я говорю – таким, – пищит один мышонок.

– Это ты его так называешь, – отвечает другой.

– Не я, а все!

– А все – что, не могут ошибаться?

– А если погуглим?

– А чё, и погуглим. Зайди в «Википедию».

– Давай мобильник.

– У тебя свой мобильник есть.

– Где? Я не взяла.

– Вот блин!

Уве смотрит на него. Потом на нее. Ссора закипела – не унять. Прямо два чайника на плите – кто кого пересвистит.

– Господи! – бормочет Уве.

Парване пытается пальцами изобразить что-то шестилапое, вроде жука. Жужжит, подначивая увальня. Подначка действует. И на увальня, и на Уве. Уве ретируется.

Он идет в прихожую, кладет дрель, снимает пиджак, надевает шлепанцы на деревянной подошве и направляется мимо соседей в сарай. Те едва ли заметили, как он прошел между ними. Он уж вынес лестницу, а они все лаются.

– Да помоги же ему, Патрик! – командует Парване, вдруг заметив Уве.

Увалень неловко принимает лестницу. Уве глядит на него так, точно увидел слепого водителя за рулем рейсового автобуса. И только тогда замечает: в его отсутствие к дому подтянулась еще одна личность.

Рядом с Парване стоит Анита, жена Руне, из крайнего дома. И благонаравно наблюдает за всем этим цирком. Единственный разумный выход: внушить себе, будто она ничего не видела. Хотя, может, это только

раззадорит ее. Уве протягивает увальню коробку цилиндрической формы – в ней с любовью расставлены шестигранники всех сортов.

– Ой, сколько их! – Увалень чешет в затылке.

– Тебе какого размера? – интересуется Уве.

– Ну, какого... обычного размера, – отвечает увалень, обнаруживая свою принадлежность к породе людей, говорящих прежде, чем успеют подумать.

Уве долго, долго, очень долго смотрит на него.

– И для какой же надобности он тебе, мил человек? – спрашивает он наконец.

– Да мы, когда переезжали, комод из «Икеи» раскрутили. А этот, шестилапик-то, я и не взял, – без тени смущения отвечает увалень.

Уве смотрит на лестницу. Потом на увальня.

– А комод, стало быть, на крышу снес?

Увалень усмехается, мотает головой.

– Скажете тоже, ха! Не-е. Просто на втором этаже раму заклинило. Окошко, в смысле, не открывается. – Последнюю фразу увалень произносит так, словно пытается донести до Уве смысл слова «заклинило».

– И ты хочешь попробовать открыть его снаружи? – недоумевает Уве.

Увалень кивает. Уве собирается что-то сказать, но передумывает. Поворачивается к Парване:

– Ну а ты чего с ним пришла?

– Поддержать его морально, – стрекочет она.

Уве смотрит на нее с некоторым недоверием. И увалень как будто тоже.

Взгляд Уве невольно перемещается на жену Руне. Та все не уходит. Да, много лет минуло с тех пор, как он видел ее в последний раз. Вернее, когда в последний раз толком смотрел на нее. Сдала, постарела. Да и все вроде сдали, постарели.

– Чего тебе? – спрашивает Уве.

Анита мягко улыбается, складывает руки на животе.

– Прости, не хотела тебя тревожить, Уве, но у нас с батареями беда. Не греют совсем, – вкрадчиво объясняет она, улыбаясь по очереди каждому – Уве, увальню, Парване.

Парване с увальнем улыбаются в ответ. Уве смотрит на циферблат пузатых часов. Удивляется:

– Так день на дворе – у нас тут что, вообще никто не работает?

– Я на пенсии, – с виноватым видом отвечает Анита.

– А я в декрете, – беспечно шлепает себя по пузу Парване.

– А я айтишник, – говорит Патрик.

Уве с Парване снова синхронно качают головами.

Жена Руне не сдается:

– Все-таки, мне кажется, это что-то в самих батареях.

– Ты их продувала? – спрашивает Уве.

Она удивленно мотает головой:

– Ты думаешь, проблема в этом?

Уве закатывает глаза.

– Уве! – строго, как школьная училка, одергивает его Парване.

Уве округляет глаза. Парване отвечает ему тем же.

– Кончай вредничать, – требует она.

– Блин, да кто вредничает?!

Она не сводит с него глаз. Уве ворчит, хочет вернуться в дом, становится в дверях. Все, довольно, сыт по горло. Хотел всего лишь тихо-мирно повеситься. Неужто эти олухи не могут проявить элементарного уважения?

Парване ободряюще обнимает Аниту за плечи.

– Уве вам обязательно поможет с батареей.

– Ох, Уве, ты бы меня так выручил! – просияв, отвечает жена Руне.

Уве, руки в карманах, ковыряет мыском шлепанца отошедший край пленки.

– А мужик-то твой сам этого не может, что ли? В своем собственном доме?

Анита печально покачивает головой:

– Нет. Руне в последнее время очень болеет. Говорят, вроде Альцгеймер. Он, ну понимаешь, ему уже такое больше не потянуть. И вообще он в инвалидном кресле теперь. Тяжеловато, конечно.

Уве кивает, словно припоминая. Словно жена ему тысячу раз об этом говорила, а он всякий раз умудрялся забывать.

– Ну да, ну да, – произносит он нетерпеливо.

Парване впивается в него взглядом:

– Возьми себя в руки, Уве!

Уве стремительно взглядывает на нее, словно собравшись ответить, но затем опускает глаза.

– Ты ведь можешь сходить к ней и продать батарею, это же не так уж трудно? – Парване решительно скрестила руки над животом.

Уве качает головой:

– Батарею не продать, а проду-у-уть надо... ос-споди.

Он окидывает взглядом всех троих:

– Вы что, никогда батарей не продували?

– Нет, – невозмутимо отвечает Парване.

Жена Руне смотрит на увальня с некоторой опаской.

– Понятия не имею, о чем они толкуют, – преспокойно отвечает увалень.

Жена Руне обреченно кивает. Снова смотрит на Уве:

– Если только тебя не затруднит, Уве, ты так бы меня выручил...

Уве стоит упершись взглядом в порог.

– Раньше надо было думать, когда путч в товариществе затевали, – отвечает Уве так глухо, что слова вылетают будто сами собой между чередой деликатных покашливаний.

– А? – недоумевает Парване.

Анита, тоже кашлянув, оправдывается:

– Уве, дорогой, бог с тобой, ну какой там путч?..

– Самый натуральный, – упрямится Уве.

Жена Руне грустно улыбается Парване:

– Понимаете, Руне и Уве не всегда находили общий язык. До болезни Руне был председателем нашего жилищного кооператива. А до Руне председателем был Уве. А как выбрали председателем Руне, тут между ними и пошел разлад.

Уве вскидывает на нее взгляд и указывает праведным перстом:

– Путч! Форменный путч!

Анита кивает Парване:

– Да, так вот, перед собранием Руне собрал подписи в поддержку своего предложения о замене отопительной системы во всех домах. А Уве решил...

– А много он смыслит в отопительной системе, твой Руне? Ни бельмеса! – нападает на нее Уве, но, перехватив взгляд Парване, воздерживается от дальнейшего натиска.

Анита соглашается:

– Да, да, ты все верно говоришь, Уве. Но Руне ведь сейчас так болен... что это все не так уж и важно.

Нижняя губа ее дрожит.

Справившись с собой, Анита гордо вскидывает голову, откашливается.

– Из социальной службы приходили. Сказали, что заберут его у меня, что поместят в дом престарелых, – вырывается у нее.

Сунув руки в карманы, Уве решительно скрывается за порогом. Все, мочи нет слушать такое.

Увалень тем временем придумал, на что перевести разговор, дабы

разрядить обстановку. Он показывает на пол в прихожей Уве:

– А это чё такое?

Уве глядит на пол – как раз туда, где оторвалась пленка.

– Следы какие-то, вроде как от колес... Вы что, на велике по дому катаетесь? – недоумевает увалень.

Парване пристально следит за Уве, замечает, как он чуть попятился, пытаясь заслонить собой следы.

– Нет там ничего.

– Да вот же они, – удивляется увалень.

– Это жена его, Соня, она... – дружелюбно перебивает Анита, но едва успевает произнести это имя, как Уве обрывает ее – резко разворачивается, глаза бешеные:

– Молчи! ЗАТКНИСЬ!

Все четверо смолкают, потрясенные. Уве уходит, трясущимися руками захлопнув дверь. Из-за двери слышно, как Парване своим ласковым голосом интересуется у Аниты «в чем дело». Слышно, что Анита нервничает, подбирая слова, как наконец выдавливает: «Э, да так, ерунда, пойду-ка я домой. Это он из-за жены... она... да ладно, ничего... Болтлива я стала на старости лет...»

Уве слышит, как натужно смеется Анита. Слышит, как семенит восвояси, как стихает ее шарканье за углом сарая. Постояв немного, уходят и беременная соседка с увальнем.

В прихожей Уве остается только тишина.

Уве падает на табуретку, тяжело дышит. Руки трясутся, точно он угодил в прорубь. Сердце зашлось. Последнее время пошаливать стало. Уве судорожно хватает воздух ртом, точно рыба из опрокинутого аквариума. Путейский доктор сказал, что это хроническое, главное, мол, не волноваться. Ему легко говорить.

«На заслуженный отдых, – сказала ему начальство. – Тем более порок сердца и все такое». Сказали, дают ему досрочную пенсию. А по Уве, так лучше б прямо сказали: «Списываем тебя в утиль». Третий века на одном месте, а тут нате – так вот низвести: «порок», понимаешь.

Уве не помнит, сколько просидел на табуретке с дрелью в руке, сердце зашлось, кровь загудела в висках. Рядом с парадной дверью висит фотокарточка – на ней Уве и жена. Соня. Снимок скоро сорок лет как сделан. В Испанию когда на автобусе ездили. Соня в красном сарафане, загорелая, счастливая. Рядом Уве, держит ее за руку. Проходит час, не меньше, а Уве все смотрит и не может оторвать глаз от фотографии. Вот почему он тоскует больше всего на свете, вот чего страстно желал бы.

Держать Соню за руку. Как она вкладывала свой указательный пальчик в его ладонь, словно в пенал. И когда делала так, чувствовал Уве, что нет в этом мире ничего невозможного. Вот чего ему так не доставало, больше всего на свете.

Он медленно встает. Идет в гостиную. Взбирается на стремянку. Сверлит дырку, намертво вкручивает крюк. Слезает со стремянки, смотрит, что получилось.

Выходит в прихожую, надевает парадный костюм. Проверяет внутренний карман – на месте ли конверт. Уве пятьдесят девять лет. Он потушил весь свет. Помыл за собой кофейную чашку. Вбил крюк. Пора!

Он берет с вешалки в прихожей веревку. На прощание ласково проводит рукой по ее пальто. Идет в гостиную, продевает веревку, делает петлю, становится на табуретку, сует голову в петлю. Отбрасывает табуретку ногой.

Закрыв глаза, чувствует, будто чьи-то огромные жвала сомкнулись вокруг шеи.

8. Уве и отцовские заветы

Она верила в судьбу. Какими бы путями ты ни шел, все они в конце концов «приведут тебя к твоему предназначению». Уве, бывало, как заслышит эти ее речи, лишь промямлит что-то себе под нос да вдруг заспешит-засобирается с озабоченным видом – какой-нибудь исключительно важный винтик прикрутить. Но перечить не перечил. Коли для жены есть «что-то важное», что ж – дело ее. Для него же важнее был «кто-то».

Странное дело – осиротеть в шестнадцать лет. Лишиться семьи, не успевши обзавестись собственной. Это совсем особенное одиночество.

Уве доработал за отца две положенные недели. В поте лица, повзрослому. И почти сразу, к своему изумлению, почувствовал вкус к работе. В ней высвобождалась его воля. Взялся за дело – и из-под рук твоих выходят плоды твоего труда. Не подумайте, что Уве плохо относился к школьной науке, просто он никак не мог понять, какой от нее толк. Он любил математику (и по ней успел года на два обогнать одноклассников). А в другие предметы, сказать по чести, особо и не вдавался. Работа же – совсем другое дело. Она давалась куда легче.

Отстояв последнюю смену, Уве уходил из депо задумчивым и печальным. Не то беда, что предстояло вернуться к учебникам, его вдруг поразила мысль – на что же теперь жить? Отец Уве был, конечно, человеком всевозможных достоинств, вот только добра, как уже сказано, не нажил – оставил Уве лишь ветхую хибарку, старенький «сааб» да пузатые часы. Податься на церковные хлеба – это уж шиш с маслом, не дождется Боженька. Уве так и заявил во всеуслышание, прямо в раздевалке – может, даже не столько Богу, сколько самому себе.

– Отца с матерью прибрал, так и деньги свои себе оставь! – прорычал он в потолок.

Забрал пожитки и пошел восвояси. Услыхал ли его слова Господь или кто другой, неизвестно. Так или иначе, на выходе из раздевалки Уве уже поджидал посыльный из дирекции.

– Ты Уве? – уточнил он.

– Ну?

– Директор доволен твоей работой, – коротко пояснил человек.

– Спасибо, – сказал Уве и собрался уходить.

Посыльный легонько придержал его за рукав. Уве остановился.

– Директор спрашивает, не хочешь ли ты остаться и продолжить в том же духе?

Уве молча уставился на человека. Скорее всего, хотел убедиться – не шутит ли тот. Наконец кивнул.

Он успел отойти на несколько шагов, как человек прокричал ему вслед:

– Директор сказал, ты весь в своего отца!

Уве не обернулся. Только гордо приосанился.

Так и остался – в стоптанных отцовых башмаках. Не отлынивал, не скулил, не хворал. Старшие товарищи из его смены, правда, толковали промеж себя, что паренек какой-то забитый и малость чудной: пиво после работы с ними не пьет, женским полом особо не интересуется (что уже само по себе странно). Впрочем, яблочко от яблони недалеко падает: Уве был сыном своего отца, а с батей его ни у кого из путейцев ссор отродясь не бывало. Просили подналечь – Уве не отказывал, просили подменить – Уве подменял без лишних счетов. Со временем в бригаде почти не осталось мужиков, за которых Уве не отстоял бы одну-две лишние смены. А потому мужики рассудили, что Уве – свой.

А как-то ночью, в самую распутицу, под проливным дождем, в двадцати километрах от города сломался старый грузовик, везший рабочих со смены. И Уве починил развалюху, обойдясь одной отверткой и половиной мотка изолянта. И уже после того, спроси любого путейца, каждый сказал бы, что Уве – парень что надо.

На ужин Уве отваривал картошку с сарделькой. Сядет за кухонный стол да часами глядит в окно. К еде почти не притронется. Наконец встанет, выйдет с тарелкой во двор, усядется в «саабе», там и поужинает.

А наутро снова на работу. Так и зажил. Он любил порядок. Так лучше – когда заранее знаешь, что будет дальше. Со смертью отца Уве все отчетливей видел разницу между людьми, которые заняты делом, и теми, кто ничего не делает. Между теми, что работают, и теми, которые только болтают. И Уве старался болтать поменьше, а делать – побольше.

Друзей у него не было. С другой стороны, откровенных недругов – тоже. Разве что Том – когда его назначили мастером, уж он постарался, чтоб жизнь Уве медом не казалась. Давал парню самую грязную и тяжелую

работу, бранил почем зря, ставил подножки в столовой, отправлял под вагон, а после, когда беззащитный Уве ложился на рельсы, Том пускал вагон. Насмерть перепуганный, Уве едва успеет выскочить из-под вагона, а Том уж стоит рядом и гогочет во все горло: «Смотри, паря, а то раскроит тебя, как папаню твоего!»

Уве опускал голову и помалкивал. Умно ли перечить мужику вдвое больше тебя самого? Он просто ходил каждый день на работу и добросовестно трудился. Отцу этого хватало, а мне и подавно, думал Уве. Остальные товарищи уважали его за это. «Чем меньше болтаешь, тем меньше ерунды мелешь, говаривал твой батя», – сказал как-то днем ему один из старых путейцев, работая вместе с Уве в депо. Уве кивнул: кто-то это понимает, кто-то – нет.

Так и в тот день – кто-то понял, почему Уве так повел себя в директорской конторе, а кто-то – не совсем.

День этот пришелся почти акkurat на вторую годовщину похорон отца. Уве только что исполнилось восемнадцать, а Том погорел на краже. Когда он опустошал билетную кассу в вагоне, видеть его мог только Уве. Да вот беда – в вагоне том кроме Уве и Тома никого не случилось. А когда из дирекции явился человек с серьезным лицом и объявил Уве и Тому, что их вызывают к главному, никто на свете даже представить не мог, что из этих двух виноватым окажется Уве. А Уве, конечно, был совершенно чист.

В конторе ему велели подождать в коридоре. Четверть часа он сидел под дверью на стуле, не подымая глаз от пола, когда наконец отворилась дверь. Из нее вышел Том, кулаки стиснуты так решительно, что кожа на руках побелела чуть не до локтей. Том попытался заглянуть Уве в глаза, но Уве упорно смотрел в пол, даже и тогда, когда его ввели в кабинет.

А в кабинете разные люди в костюмах – кто стоит, кто сидит. Сам директор ходит взад-вперед позади стола, слишком сердитый, по лицу судя, чтоб усидеть на месте.

– Присаживайся, Уве! – наконец говорит один из костюмов.

Уве узнает его. Отец как-то чинил его машину. Синий «Опель-Манту». Со здоровенным движком. Владелец «опеля», приветливо улыбнувшись, лаконичным жестом приглашает Уве занять стул посреди кабинета. Словно говоря: ты среди друзей, ничего не бойся.

Уве покачал головой. Владелец «опеля» понимающе кивнул.

– Ну, как хочешь. Это чистая формальность, Уве. Никто из нас не верит, что ты мог украсть деньги. Ты скажи нам, кто взял их, и все.

Уве смотрит в пол. Проходит полминуты.

– Итак, Уве? – окликнул молчуна владелец «опеля».

Уве молчит. Тут тишину прерывает густой директорский бас:

– Отвечай на вопрос, Уве!

Уве как в рот воды набрал. Глаза приросли к полу. Уверенность на лицах в кабинете меняется на легкое недоумение.

– Уве... ты должен ответить на вопрос, ты понимаешь это? Ты взял деньги? – спросил владелец «опеля».

– Нет, – твердым голосом отвечает Уве.

– Тогда кто?

Уве безмолвствует.

– Отвечай на вопрос! – потребовал директор.

Уве поднимает глаза. Выпрямляется.

– Я не из тех, кто закладывает других, – был его ответ.

Тихо стало в кабинете, немало утекло минут, прежде чем владелец «опеля» продолжил:

– Но, Уве, ты пойми... Если ты не скажешь, кто украл, если найдется свидетель, а то и несколько, которые скажут, что украл ты, а? Нам тогда придется думать, что это был ты, – сказал владелец «опеля» (куда девалась приветливая улыбка).

Уве кивнул. Однако ничего не сказал. Директор пытался прочитать правду по его глазам – словно за карточным столом вычислял, блефует ли соперник. Уве бровью не повел. Директор с досадой сказал:

– Ладно, ступай пока.

И Уве ушел.

Четвертью часа раньше Том, вызванный на директорский ковер, с ходу свалил всю вину на Уве. После обеда отыскались два молодых рабочих из смены Тома и с ретивостью салаг, желающих выслужиться перед старичком, стали кричать, что своими глазами видели, как Уве очистил кассу. Скажи Уве хоть слово против Тома, оно перевесило бы слова Тома. Но Уве ответил на слова молчанием. И потому на следующее утро бригадир велел ему забрать вещи из шкафчика и идти в контору.

Когда он выходил из раздевалки, Том на пороге стал глумиться над ним.

– Мазурик! Мазурик! – шипел он.

Уве прошел мимо, не поднимая глаз.

– Вор! Вор! Вор! – подтянул громко, на всю раздевалку, молодой подпевала, лжесвидетельствовавший против Уве, пока один из стариков, знавших отца Уве, не осадил его, отвесив хорошую затрещину.

– ВОРЮГА! – театрально завопил Том, так пронзительно, что слово это еще несколько дней звенело в голове Уве.

Не оборачиваясь, Уве выскочил на вечерний воздух. Глубоко вдохнул. Он был вне себя. Но не то задело, что назвали вором. Людям его породы мало дела до того, что про них говорят. Нет, ему было стыдно потерять работу, на которую отец положил всю свою жизнь, и стыд этот раскаленным шкворнем жег ему душу.

По пути в контору, куда он направился с ворохом своих спецовок, у Уве было время поразмыслить над собственной судьбой. Ему жаль было уходить. Нормальные задания, нормальный инструмент, стоящая работа. Уве решил для себя: когда полиция надлежащим образом разберется с этой кражей, он подастся в края, где можно сыскать такую же работу. Может статься, придется ехать к черту на рога, прикидывал он. Вероятно также, понадобится немалый срок, прежде чем эта уголовная история подзабудется и не станет никого пугать. Благо здесь его ничто не держит. Да и вообще нигде на свете, вдруг осознал Уве. Ладно, зато не стал стукачом. Уве надеялся, что за это отец простит ему потерю работы, когда они встретятся вновь.

Так он просидел в коридоре на стуле почти сорок минут. Наконец к нему вышла пожилая секретарша в строгой черной юбке и квадратных очках и пригласила в кабинет. Притворила за ним дверь. Уве остался один на один с директором, как был – со спецовками под мышкой. Директор сидел за письменным столом, сцепив пальцы в замок. Оба молча изучали друг друга долго-предолго – хоть картину с каждого пиши да вешай в музей.

– Деньги украл Том, так? – сказал директор.

Это был не вопрос. Скорее констатация факта. Уве не ответил. Директор кивнул.

– Но мужики из вашего рода не закладывают других, так?

И это был не вопрос. И Уве снова ничего не сказал. Только чуть выпрямился на словах «мужики из вашего рода».

Директор опять кивнул. Нацепил на нос очки и, зарывшись в кипу бумаг, принялся что-то строчить. Уве, вытянувшись перед ним во фрунт, на полном серьезе решил, что директор, вероятно, забыл про него. Тогда он тихонько кашлянул. Директор оторвался от бумаг:

– А?

– Мужчину судят по делам его. А не по словам, – вымолвил Уве.

Директор изумился. Паренек за один раз сказал больше слов, чем за два года с тех пор, как поступил на железную дорогу. Уве и сам недоумевал, откуда взялись эти слова. Просто почувствовал, что должен сказать их.

Директор снова уткнулся в бумаги. Написал на одной что-то. Протянул

Уве. Велел расписаться. Пояснил:

– Тут сказано, что ты уходишь по собственному желанию.

Уве подписал. Распрямился, на лице написана непреклонность.

– Зовите их, я готов.

– Кого их? – не понял директор.

– Полицейских, кого же, – ответил Уве, складывая руки по швам.

Директор только головой покачал и вернулся к бумагам.

– По-моему, свидетельские показания куда-то запропастились в этой чехарде.

Уве переминался с ноги на ногу, не совсем понимая, что значат эти слова. Директор махнул рукой, не глядя на Уве.

– Ступай!

Уве повернулся. Вышел в коридор. Закрыв за собой дверь. Голова закружилась. Он уже был у парадной двери, когда к нему подбежала секретарша, – Уве слова не успел сказать, как она всучила ему какую-то бумагу.

– Господин директор передает, что вы приняты ночным уборщиком междугородных поездов, завтра утром вам надо явиться к вашему бригадиру, – сухо уведомила она.

Уве уставился на нее. Потом на бумагу. Секретарша наклонилась к нему:

– Господин директор сказал, что вы не взяли чужой бумажник, когда вам было девять. Что он скорее в черта поверит, чем в то, что вы обворовали кассу. Что будет «последней скотиной», если выкинет на улицу сына достойного человека только за то, что сын тоже поступает достойно.

Вот так Уве стал прибираться ночью в поездах и прибирался там два года. А не стань он ночным уборщиком, никогда бы не пришло то утро, когда, возвращаясь со смены, он увидел ее. Ее красные туфельки, золотую брошку и золотисто-каштановые локоны. А ее смех – как забыть ощущение, будто кто-то босыми ножками пробегает по твоему сердцу.

Она любила говорить: «Все пути ведут тебя к твоему предназначению». И для нее в этом определенно что-то было.

А для Уве скорее кто-то.

9. Уве продувает батареи отопления

Говорят, в момент падения мозг соображает быстрее. Словно от внезапного прилива двигательной энергии ум, хочешь не хочешь, начинает работать с такой лихорадочной скоростью, что мир вокруг нас замедляется.

Так и Уве успел подумать о многом. Прежде всего – о батареях.

Всем известно: дело можно делать либо правильно, либо нет. И хотя теперь, по прошествии стольких лет, Уве уж и не скажет, какой вариант считал правильным сам, зато помнит наверняка, что вариант Руне точно никуда не годился, когда они схлестнулись, выбирая систему отопления для жилищного кооператива.

Разумеется, дело было не только в отоплении. Уве и Руне знали друг друга почти сорок лет и не меньше тридцати семи из них жили в ссоре.

По правде сказать, Уве и не помнил, как они разругались. Однако их ссора не была внезапной. Скорее она постепенно складывалась из множества мелких стычек, так что со временем получилась гремучая смесь, детонирующая от каждого сказанного слова: стоило раскрыть рот, как старые обиды оборачивались новым взрывом. И так все продолжалось и продолжалось. Пока совсем не кончилось.

Машины тут вообще-то ни при чем. Правда, у Уве был «сааб». А у Руне – «вольво». Ежу понятно, при таком раскладе долгой дружбе не бывать. И все же поначалу Уве и Руне дружили. Ну, или, скажем, пытались дружить – при их-то характерах. Да и то в основном ради своих половин. Все четверо переехали сюда в один год – Соня с Анитой тотчас же стали не разлей вода – им ли было не спеться, имея таких мужей, как Уве и Руне?

Уве помнит, что по крайней мере в первые годы он старался нормально относиться к Руне – по мере сил. Вдвоем они организовали правление жилтоварищества. Уве стал председателем, Руне – его замом. Вдвоем держали оборону против местной власти, затеявшей рубить лес за домами Уве и Руне, чтобы понавтыкать там еще домов. Власти, конечно, клялись, что планировали застроить этот участок еще много лет назад. С кем другим

такая аргументация, может, и прокатилась бы, но только не с Уве и Руне. «Ну, все, готовьтесь, гады, к войне!» – прорычал им в трубку Руне. И пошло-поехало. Апелляции и кассации, повестки и сборы подписей, заметки и письма читателей в газетах. Через полтора года чиновники, махнув рукой, перенесли стройку в другое место.

Тем вечером Руне и Уве, собравшись на полянке, пропустили по стопарику виски. Победе своей мужья обрадовались не особо, без энтузиазма отметили их жены. Скорее расстроились, оттого что власти так быстро пошли на попятную. Ведь восемнадцать месяцев этой распри оказались самыми увлекательными в жизни обоих мужчин!

«Неужто нынче никто за принципы свои бороться не хочет?» – удивленно восклицал Руне. «Никто, ни одна сволочь», – отвечал ему Уве.

И они выпили за здоровье своих недостойных врагов.

Разумеется, все это случилось задолго до путча. И до того, как Руне купил БМВ.

«Идиот!» – подумал Уве про Руне в тот день и повторял себе это слово в каждую последующую годовщину этого события. Впрочем, так он думал и во все остальные дни. «Блин, да как тут толком общаться, когда эта бестолочь купила БМВ?» – объяснял Уве Соне, все недоумевавшей, отчего это приятели перестали толком общаться. А Соня закатывала глаза и ворчала: «Нет, ты безнадежен».

Уве, впрочем, безнадежным себя не считал. Просто, по его мнению, вещи любят место и порядок. Нельзя идти по жизни, вот так вот влегкую разбрасываясь и размениваясь ими. Будто постоянство нынче ничего не стоит. Нынче люди меняют старое на новое до того быстро, что умение делать что-то долговечное стало ненужным. Качество – кому оно теперь нужно? Ни Руне, ни другим соседям, ни начальникам с работы. Им только эвээмы подавай – как будто человек научился строить дома только после того, как этот архитектор из бюро, парень в тесной рубашонке, открыл крышку своего ноутбука. Будто Колизей и пирамиды в Гизе строил именно он. Господи, еще в 1889 году Эйфелеву башню смогли поставить, а сейчас, курам на смех, одноэтажный типовой домик начертить не могут, не подзарядив этот свой навороченный телефон.

В нынешнем мире человек устаревает, не успев состариться. Целая страна стоит и рукоплещет тому, что никто больше не умеет работать на совесть. Безудержная овация посредственности.

Никто не способен сам поменять шины. Смонтировать светорегулятор. Положить плитку. Оштукатурить стены. Сдать назад на машине с прицепом. Заполнить декларацию. Все это лишние умения, утратившие

свою актуальность. Вот о чем Уве толковал с Руне. А тот возьми и купи БМВ.

Получается, человек «безнадежен» лишь оттого, что видит черту, за которую нельзя переступить. Нет, Уве так не согласен.

Наверняка он теперь уже не вспомнит, с чего началась их ссора с Руне. Помнит только ее продолжение. Как ссорились из-за батарей и центрального отопления, из-за мест на парковке и из-за рубки деревьев, из-за уборки снега и из-за стрижки газонов, а еще из-за крысиного яда в пруду у Руне. Больше тридцати пяти лет выходили они из своих одинаковых домов на одинаковые лужайки, разделенные забором, и сверлили друг друга долгим-долгим взглядом. И вдруг все кончилось. Руне занемог. Перестал выходить из дому. Уве даже не знал, где теперь тот БМВ.

И краешком души скучал по старому хрычу. Говорят, когда падаешь, мозг работает быстрее. За долю секунды передумаешь тысячу мыслей. Так и Уве успел подумать о многом за то мгновение, когда отлетела табуретка и он, хватая воздух руками, ухнул вниз... тресь! – брякнулся оземь и бешено затрепыхался. И вот беспомощно валяется на полу и, кажется, уже чуть не целую вечность созерцает крюк, который нерушимым утесом торчит из потолка. Потрясенный, таращится на два длинных куска веревки, разорвавшейся пополам.

Вот ведь общество! Веревку – и ту справить не могут, злятся Уве. В сердцах чертыхается, пытаюсь расправить ноги. ВЕРЕВКИ разучились вить! Где ж такое видано, а?

Н-да, не стало качества, заключает Уве, вставая. Отряхивается, озирается по углам. Щеки пылают – то ли от гнева, то ли от стыда. Он поглядывает на окно, на задернутые шторы, будто опасаясь, не увидел ли кто.

Такой нынче гребаный век: даже повеситься по-человечески не дадут. Собрав обрывки веревки, Уве несет их на кухню, кидает в мусорное ведро. Сдирает с пола пленку и складывает в икеевский пакет. Укладывает в коробки дрель и сверла, относит их в сарай.

Ненадолго задерживается там, припомнив, как Соня вечно пилила его: приберись да приберись тут. Уве ни в какую. А то он не знает: чуть где освободится уголок, кто-то стремглав побежит в магазин, чтобы забить его очередным барахлом. А теперь уж вовсе некстати прибираться. Теперь уж некому бежать в магазин за барахлом. Прибраться теперь – только понаделать зияющие, ничем не заполненные пустоты. А Уве ненавидит пустоту!

Он подходит к верстаку, берет разводной ключ и пластмассовое

ведерко. Идет наружу, запирает сарай, трижды дергает за ручку. Пройдя между домами по дорожке, сворачивает у крайнего почтового ящика, звонит в дверь. Ему открывает Анита. Уве молча смотрит на нее. Видит в глубине дома Руне: сидя в инвалидной коляске, сосед бессмысленно пялится в окно. Одна и осталась у него отрада в последние годы.

– Где там твои батареи? – бурчит Уве.

Анита изумленно улыбается, кивает радостно и растерянно.

– Ах, Уве, мне так ужасно неловко беспокоить тебя, это так любез...

Не дав ей договорить и не сняв обуви, Уве проходит мимо нее в дом.

– Да ладно тебе. Один хрен день испорчен.

10. Уве и дом, который он построил

Через неделю после того, как ему исполнилось восемнадцать, совершеннолетний Уве сдал на права, позвонил по объявлению и пешком отмахал двадцать пять километров, чтобы купить свой первый собственный «сааб». Синего цвета. Он продал старый отцов девяносто второй и взял модель поновее. Девяносто третью. Сама машина была новее разве что номинально: потрепанный ветеран. Но Уве считал, что нельзя называть себя настоящим мужиком, пока не купишь свою первую тачку. Поэтому и взял развалюху.

В ту пору в стране происходили большие перемены. Люди срывались с насиженных мест, уезжали на заработки, обзаводились телевизорами, а пресса вовсю трубила о рождении «среднего класса». Что это такое, Уве понимал не до конца, зато знал твердо – сам он к этому классу не принадлежит. Средний класс принялся строить новые микрорайоны с квадратными домами и выбритыми под ноль газонами, и вскоре родительский дом Уве вдруг встал на пути этого прогресса. А для среднего класса, как видно, хуже нет, когда кто-то стоит на пути его прогресса.

Уве получил несколько официальных уведомлений насчет «пересмотра административных границ муниципалитета». Вникнуть в смысл этих уведомлений было мудрено: Уве понял только, что его домишко не особо вписывается в ансамбль новопостроенных особняков, выросших на его улице. Чиновники писали ему, что муниципалитет намерен выкупить его участок. Сломать старый дом и построить что-нибудь эдакое.

Уве не особо понимал, что за черт дернул его отказаться. Может, не понравился надменный тон письма. Может, домик был последней семейной реликвией.

Как бы то ни было, тем вечером он просто въехал на первой собственной машине в садик перед домом. И несколько часов кряду смотрел на дом, сидя на водительском сиденье. Выглядел дом крайне запущенно. С машинами отец был на «ты», а с жилищем управлялся

неважно. Уве, впрочем, ненамного лучше. В последнее время жил он только на кухне да в соседней комнатухе, верхний же этаж мало-помалу превратился в мышинный пансионат. Уве рассматривал дом так пристально, словно надеялся, что, наберись он немного терпения, и тот отремонтируется сам собой. Дом стоял аккурат на границе двух муниципалитетов, то бишь на ничейной полосе, которую чиновники и перетягивали между собой. И оставался последним напоминанием о деревеньке, притулившейся некогда на лесной опушке, а ныне вымершей, – подпирал своим покосившимся боком ослепительное великолепие коттеджного поселка, который заселили со своими семьями солидные господа в галстуках.

Костью в горле торчал у господ этот парень, одиноко ютившийся на отшибе в своей кривой избенке. Детям строжайше воспрещалось играть по соседству с домом Уве. Куда охотней господа предпочли бы соседство себе подобных, это Уве мог понять. И в принципе особых возражений не имел: их право. Но ведь это не он переехал на их улицу. А скорее наоборот.

И вот сердце его, преисполнившись какого-то диковинного, мятежного упрямства, впервые застучало чуть ретивее положенного, и Уве решил ни за какие коврижки не продавать дом муниципалитету. А поступить наперекор. Отремонтировать дом.

Как ремонтируют дома, Уве не имел ни малейшего понятия. Спроси его тогда, он едва ли отличил бы ватерпас от кастрюли с картошкой. Но смекнув, что при теперешней ночной работе у него освободились дневные часы, Уве отправился устраиваться на ближайшую стройку. Где, как не там, осваивать строительное ремесло, рассудил Уве, а спать – много ли мне надо? На стройку требуются только разнорабочие, сообщил ему прораб. Уве согласился.

Добрую половину суток он драил поезд, отбывающие из города на юг, затем спал часа три и весь остаток дня сновал вверх-вниз по строительным лесам, слушая, как мужики в пластмассовых касках обсуждают строительные хитрости. Раз в неделю, в свой единственный выходной, Уве без перерыва, по восемнадцать часов таскал мешки с цементом и бревна, курочил и заново отстраивал единственную ценность (не считая «сааба» и отцовских часов), перешедшую ему от родителей. Сноровка его росла не по дням, а по часам, мышцы крепили.

Как-то в пятницу под вечер прораб, которому понравился этот работающий паренек, подвел Уве к заброшенной дровяной куче. Строительный мусор, сломанные доски, которые надо было сжечь на костре.

– Я отлучусь, и ежели вдруг какая доска тебе понадобится, будем считать, что ты бросил ее в костер, – сказал прораб и с тем удалился.

Проведав о ремонте дома, старшие товарищи Уве стали интересоваться его успехами. Когда Уве ставил несущую стену в гостиной, к нему зашел каменщик, жилистый и кривозубый: минут двадцать он распекал Уве, обзывая бестолочью, не удосужившейся освоить азы, после чего научил, как определять допустимую нагрузку. Когда Уве укладывал плитку на кухне, появился дюжий плиточник, у которого недоставало мизинца: раз тридцать обругал Уве халтурщиком, зато научил правильно мерить.

Однажды вечером, когда пора было идти домой, рядом со спецовкой Уве кто-то оставил ящик со старыми инструментами. На ящике лежала бумажка с надписью: «Салаге!»

Дом медленно, но верно приобретал божеский вид. Шуруп за шурупом, дощечка за дощечкой. Похвалиться было не перед кем, да оно и не требовалось. Хорошая работа сама себя хвалит, говаривал отец, и Уве был совершенно с ним согласен.

Он, сколько мог, избегал соседей. Видел, что те невзлюбили его, и, чтобы не злить их еще больше, обходил стороной. Правда, после одного случая сделал исключение – для старика, что жил со своей женой через забор от Уве. Этот старик единственный на всю округу не носил галстука. Когда был чуть помоложе, конечно, носил, в этом Уве почти не сомневался.

А случай приключился вот какой. Строго через день, с тех пор как умер отец, Уве ходил подкармливать птиц. Но как-то утром позабыл. Когда же на следующее утро решил исправиться, то чуть не сшибся лбом с соседом, тянувшимся к кормушке со своей стороны штакетника. Старик обиженно посмотрел на Уве, держа в руках пакет с птичьим кормом. Ни старик, ни Уве не сказали друг другу ни слова. Потом Уве коротко кивнул. Сосед так же коротко кивнул в ответ. Уве вернулся в дом и с той поры кормил птиц только по своим дням.

Разговаривать с соседом они не разговаривали. Как-то Уве, докрашивая штакетник, увидел, как старик выходит на крыльцо. Докрасив свою половину забора, Уве заодно покрасил соседскую половину. Сосед ничего не сказал на это, однако вечером, когда Уве случилось идти мимо соседского кухонного окна, они кивком поприветствовали друг друга. А наутро Уве обнаружил на крыльце яблочный пирог явно домашней выпечки. Яблочного пирога Уве не едал с той поры, как умерла матушка.

Чиновники тем временем слали и слали письма, все более грозные требования продать участок. Под конец Уве стал выбрасывать их послания,

не вскрывая конвертов. Хотите отобрать отчий дом, что ж, придите попробуйте – Том однажды попробовал отобрать чужой кошелек.

Несколько дней спустя, проходя мимо соседского дома, Уве заметил, что сосед кормит птиц не один – на пару с мальчуганом. Внук, смекнул Уве. И украдкой наблюдал за ними из окна спальни. Старик и мальчик секретничали вполголоса, словно делясь огромной тайной, и этот полусшепот их отозвался в душе Уве чем-то давно забытым.

Тем вечером он ужинал в «саабе».

А спустя несколько недель Уве закончил ремонт, и, когда солнце вышло из-за горизонта, Уве, забив последний гвоздь и сунув руки в карманы синих штанов, гордо стоял в саду и любовался своей работой.

И вдруг обнаружил: дома ему по душе. Их можно понять умом. Их можно рассчитать, начертить на бумаге. Они протекут, если не латать крышу. Они рухнут, если не укреплять фундамент. Они справедливые, эти дома, всегда платят тебе тем, что ты заслужил. Не то что люди.

Дни шли за днями. Уве ходил на работу, питался сардельками с отварной картошкой. И хотя жил бобылем, не страдал от одиночества. Но вот когда Уве привычно перетаскивал какие-то доски, в его ворота, откуда ни возмись, постучался какой-то круглолицый весельчак в мешковатом синем костюме. Обливаясь потом, он просил Уве не отказать ему в стакане воды похолоднее. Уве поднес, почему бы и нет, и, пока весельчак пил, они разговорились. Вернее, ясное дело, разговорился-то круглолицый весельчак. Оказалось, он страшно интересуется домами. Живет, мол, на другом конце города, и у самого ремонт полным ходом. И тут же напросился на кухню к Уве – кофейку выпить. С непривычки Уве опешил от такой бесцеремонности, но, побеседовав часок-другой на строительные темы, даже готов был признать, что иной раз не так уж и худо посидеть на кухне в компании.

Уже прощаясь, весельчак вдруг спросил про страховку. Уве ответил, что ему в голову не приходило страховать дом. Отец вот не больно жаловал страховщиков.

Круглое лицо весельчака вдруг вытянулось. Он стал уговаривать Уве: приключись что с домом, без страховки – беды не оберешься. Уве, поддавшись на уговоры, отчасти признал свой промах. Сам-то он прежде не задумывался над последствиями. Это ж надо быть таким балбесом!

Круглолицый спросил, нельзя ли ему позвонить от Уве. Уве разрешил. И что же: растроганный гостеприимством Уве в этот погожий солнечный денек, весельчак решил отблагодарить хозяина за радушие. Он (по

счастливой случайности) как раз работал в страховой компании и, коротко переговорив с конторой, предложил Уве страховку по замечательной цене.

Уве поначалу ломался, долго торговался, сбивая цену еще.

– Ну и хваткий же вы делец! – восхитился весельчак.

Уве сам не ожидал, что будет так польщен этими словами. А весельчак всучил ему бумажку со своим телефоном и сказал, что охотно зайдет еще – попить кофе, о ремонте побеседовать. Впервые кто-то изъявил желание подружиться с Уве.

Уве заплатил за страховку наличными. Пожал круглолицему руку.

И больше его не видел. Как-то пытался дозвониться – никто не ответил. Шильцем кольнула было обида, но Уве решительно запретил себе расстраиваться на этот счет. Зато когда позвонил человек из другой страховой компании, Уве с чистой совестью ответил, что уже застрахован. Нет худа без добра.

Соседей он по-прежнему обходил за версту. Была охота – искать себе проблем! На беду, проблемы будто сами искали его. Прошло несколько недель с окончания ремонта, как грабаныли дом одного из галстуков. Второе ограбление за недолгий срок. На следующее утро галстуки ни свет ни заря собрались на сход и всем миром постановили, что без молодого бирюка из «халупы под снос» тут никак не обошлось. Иначе «на какие средства он бы отгрохал такой ремонт». Вечером кто-то пришил к двери записку: «Уматывай, пока цел!» Следующей ночью в окно влетел кирпич. Уве выбросил кирпич, вставил новое стекло. Он не ответил галстукам. Какой смысл? Но и съезжать не собирался.

А наутро проснулся от едкого запаха дыма.

* * *

Уве единым духом вылетел из постели. Первая мысль была: видимо, расколоть окошко кирпичом кому-то показалось маловато. Сбегая вниз по лестнице, Уве машинально ухватился за молоток. Нет, от природы парень не был кровожадным. Но кто их знает, мало ли?

Он выскочил на веранду как был – в одних трусах. Месяцы перетаскивания бревен на стройке не прошли без следа: из юнца Уве превратился в дюжего мужика. Вид голого торса и молотка, зажатого в правом кулаке, смутил столпившихся зевак – на миг оторвавшись от зрелища пожара, они оглянулись на него и, как один, благоразумно посторонились.

Тут только Уве понял, что горит не он. Горели его соседи. Галстуки повыскакивали на улицу и пилились на пожар, будто косули, ослепленные светом прожектора. Из дыма вдруг показалась фигура старика, под руку выводившего жену. Та задыхалась от кашля. Отдав жену на руки одной из соседок, старик обернулся и кинулся в огонь. Толпа закричала: «Куда? Поздно! Дождись пожарных!» Дед не стал слушать. Хотел уже кинуться в самое пекло, как обрушилась горящая притолока.

За эти долгие секунды Уве, стоя у своих ворот, успел оценить обстановку. Ветер дул в его сторону, рдеющие головешки уже подпекали сухую траву на полянке, отделявшей дом Уве от соседского. Скорей бежать за шлангом, иначе через несколько минут огонь перекинется на его жилище. Уве видел, как старик пробивается внутрь, пытаясь перелезть через рухнувший ему навстречу книжный шкаф. Галстуки окликали его, уговаривали вернуться, но старуха, жена его, вдруг выкрикнула другое имя.

Имя их внука.

Уве переминался с пятки на пятку. Переносил вес то на одну, то на другую ногу. Огонь змейкой полз по траве. По правде сказать, в ту минуту Уве размышлял не столько о том, чего хочет сам, сколько о том, как поступил бы на его месте отец. И, поразмыслив, понял, что выбора, собственно, нет.

Недовольно буркнул что-то, взглянул напоследок на свой дом, прикидывая, сколько часов потратил, чтобы привести его в божеский вид. И кинулся в огонь.

Нутро соседского дома заволокло густым липким дымом, который бил в лицо жаром, словно лопатой. Старик все пытался перелезть через шкаф, загородивший проход. Уве одним махом отшвырнул шкаф в сторону, будто бумажку, – путь был свободен. Когда в лучах вечерней зари они выбрались наружу, на руках старика, грязный и закопченный, лежал мальчик. Грудь и руки Уве были исполосованы в кровь.

Люди заполошно кричали, бегали взад-вперед по улице. Выли сирены. Вышедших из огня кольцом обступили пожарные в касках.

Уве, как он был, в одном исподнем, с саднящими легкими, вдруг заметил, как над его домом взметнулись первые огненные языки. Опрометью кинулся было на лужайку, но тут понабежала пожарная команда, бесцеремонно и жестко скрутила его. Заполонила весь двор. Не подпустила к дому.

Какой-то человек в белой рубашке, по виду вроде брандмейстер, широко расставив ноги, объявил Уве, что не пустит его тушить собственный дом – чересчур опасно. А сами мы тушить не можем, –

продолжал он, тыча в какую-то казенную бумагу, пока не получим надлежащий приказ от начальства.

Дом-то стоял на границе двух муниципалитетов, вот пожарные и ждали четкой отмашки по рации от своего начальства: а тогда уж туши кто во что горазд. Но сперва надо выдать санкцию, поставить печать.

– Закон есть закон, – равнодушным голосом сообщал брандмейстер в белой рубашке в ответ на протесты Уве.

Уве вырвался, помчался за шлангом. Но тщетно, огонь было не унять. Когда же пожарные дождались четкого приказа, дом уже полыхал вовсю.

Уве понуро стоял в саду, глядя, как догорает его дом.

А несколькими часами позже, позвонив из телефонной будки в страховое агентство, он узнал, что о круглолицем весельчаке там впервые слышат. И никакой страховки на дом не выписывали. Сотрудница агентства посочувствовала:

– Столько прохиндеев развелось: ходят по домам, людей обманывают. Ну вы хоть не платили ему наличными?

Одной рукой Уве повесил трубку. Другая, в кармане, сжалась в кулак.

11. Уве и увалень, который окна не откроет без того, чтоб не грохнуться с лестницы

Время – без четверти шесть. Первый снег холодным одеялом лег на дремлющий таунхаусный поселок. Сняв с вешалки синюю куртку, Уве собирается на традиционный утренний обход, как вдруг, к своему изумлению – и неудовольствию, – натывается на кошака: тот сидит на снегу прямо под дверью. И похоже, сидел тут всю ночь.

Уве погромче хлопает дверью: авось котяра удерет. Напугал тоже: кот и не думает убегать. Сидит себе в снегу да пузо лижет. Хоть бы хны. Очень не по нраву Уве эта кошачья безбоязненность. Уве качает головой: широко расставив ноги, становится перед ним, точно спрашивая: «Это как же понимать, а?» Кошак задирает головешку, смотрит нахально. Уве замахивается на него. Кот ни с места.

– Это частная территория, слышь, ты! – уведомляет Уве.

На кошака и эти слова не действуют. Тут уж Уве, не стерпев, с ноги запускает в него шлепанцем с деревянной подошвой. Впоследствии он вряд ли смог бы поручиться, что сделал это не нарочно. Жена бы убила, если б увидела.

Ну да не важно. Кошак все одно не реагирует. Шлепанец дугой пролетает в полтора метра левее кота и, мягко стукнувшись о стену сарая, падает в снег. Кот равнодушно смотрит то на шлепанец, то на Уве. Испуга нет и в помине. В конце концов делает одолжение: поднимается и нехотя трусит, скрываясь за углом сарая.

Уве босиком идет по снегу за шлепанцем. Смотрит на него с укоризной: ну как же ты так промазал! Потом собирается с духом и отправляется на обход. Да, ты нынче собрался помереть, но это еще не повод дать разгуляться вандалам.

Уве дергает ручки гаражных ворот, бьет мыском шлепанца по столбам

с предупреждениями, переписывает номера машин на гостевой стоянке, осматривает мусорные баки.

На обратном пути пробирается по снегу к сараю, открывает. Внутри пахнет уайт-спиритом и плесенью, как и должно пахнуть в порядочном сарае. Уве перелезает через штабель летней резины для «сааба», отодвигает банки с нерассортированными саморезами. Бочком протискивается мимо верстака, стараясь не задеть банки с олифой, из которых торчат кисти. Убирает в сторону баллонник, выдергивает совковую лопату. Примеряется к ней, как, верно, богатырь прикидывал бы вес двуручного меча. Стоит в тишине, придирчиво разглядывает.

Одно он знает точно: дальше так жить нельзя. Работал себе, жил правильно, экономил. Купил первый «сааб». Получил образование, диплом, прошел собеседование, устроился на приличную работу, спасибо тебе пожалуйста, болеть не болеешь, платишь налоги. Все чинно-благородно. Повстречал женщину, женился, вкалывал как бобик, дали ссуду. Купил «сааб», новую модель. Пошел в банк, взял ипотеку на пять лет, купил облюбованный женою домик – как хорошо было бы в нем деток растить. Платил проценты. Ужимался. Купил новый «сааб». Поехали в отпуск в места, где в ресторанах играет зарубежная музыка и подают красное вино, такое экзотичное, на вкус жены. А потом домой и снова на работу. И поступаешь ответственно. Живешь правильно. Все чинно-благородно.

Ремонтируешь дом. Медленно, но верно, по отверточке, собираешь солидный набор инструментов. Меняешь водосточные трубы. Обдираешь лак. Ставишь в сарае верстак, на него банки с олифой и кистями. Раз в два года, надо не надо, перекладываешь плитку у сарая. Короче, делаешь все это. Но совсем не для того, чтобы в конце концов превратиться в старпера, которому в разгар рабочего дня только и осталось, что мазать пропиткой столешницу на кухне.

Он выходит во двор с лопатой, а там, в снегу, его снова поджидает кошка. Уве выкатывает глаза: вот наглец так наглец! Стаявший снег капельками сбегает по шерсти. Хотя какая там шерсть! Меха клок, а так сплошная дрань. Ежели у кошек взаправду девять жизней, то этот огрызок свою седьмую, а то и восьмую доживает.

– Брысь, тебе говорят, – рывкает Уве.

Кот наблюдает за ним, словно экзаменует, словно вызвал на собеседование и теперь сидит за столом на месте начальника отдела кадров.

Уве зачерпывает лопатой малость снега, швыряет в кошака. Тот, отпрянув, злобно таращится. Фыркает. Чихает от снега. Поворачивается и

бежит обратно за угол сарая.

Уве упирается лопатой в землю.

За четверть часа успевает расчистить площадку между домом и сараем. Работает тщательно. Выкладывает сугробы в струнку, ровняет по краям. Народ нынче разучился убирать снег. Так, разгребут кое-как, снегоотбрасывателем или еще чем. Понакидают сугробов абы как. Лишь бы проехать, будто в жизни только оно одно и важно.

Кончив дело, он ненадолго задерживается – стоит на сугробе у дорожки. Опершись на лопату, то наваливается на нее, то отпускает. Над дремлющими домами разгорается солнце. Уве, почитай, всю ночь глаз не сомкнул: все обдумывал, как ему лучше свести счеты с жизнью. Таблицы даже с диаграммами рисовал, прикидывал различные варианты. Тщательно взвесив все за и против, решил, что нынче же следует опробовать наименее неприятный вариант. Радости, конечно, тоже мало: ведь когда он задохнется, машина продолжит работать на холостом ходу и попусту сожрет прорву дорогущего бензина. Но тут уж ничего не поделаешь: с этим обстоятельством придется смириться, иначе не помрешь.

Уве относит лопату в сарай, возвращается в дом. Надевает синий костюм. Пятна на нем, конечно, останутся, провоняет, ну и ладно: жена, по крайней мере, будет довольна, что он пришел к ней при параде.

Уве завтракает, слушает радио. Моет посуду, насухо вытирает мойку. Обходит дом, перекрывает все батареи. Тушит весь свет. Проверяет: выдернул ли шнур кофеварки из розетки. Надевает синюю куртку поверх пиджака, обувает шлепки на деревянной подошве, снова идет в сарай, обратно выходит уже с толстым пластиковым шлангом, длинным, скрученным в моток. Запирает сарай, дом, дергает ручки дверей – каждую по три раза. Идет по дорожке между домами.

Слева на него вдруг выворачивает белая «школа», Уве от неожиданности и изумления едва не плюхается в сугроб перед сараем. Несется по дорожке, грозя машине кулаком.

– Читать не умеешь, баран? – орет ей вслед.

Водитель, худощавый тип с сигареткой в руке, кажется, услышал его. Когда «школа» сворачивает у велосипедной стоянки, тип глядит в боковое окно, и взгляд его пересекается со взглядом Уве. Тип опускает стекло, не отводя взгляда. Надменно приподнимает бровь.

– Движение запрещено! – повторяет Уве, показывая на соответствующее предупреждение, и идет на «школу» с кулаками.

Водитель высовывает левую руку, лениво стряхивает пепел. В его синих глазах ни капли беспокойства. Они смотрят на Уве как на зверя в

зоопарке. Без злости, с полнейшим безразличием. Точно Уве нарисованный – стер влажной тряпкой, и нет его.

– Знаки чита... – подходя к машине, суровым голосом заводит Уве, но тип уж поднял стекло.

Уве кричит ему вслед, худощавый – ноль внимания. Машина не срывается с места, взвизгнув шинами. Нет, она равнодушно катится к гаражам, оттуда – на дорогу, словно вся жестикуляция Уве возымела не больше действия, чем помигивание неисправного уличного фонаря.

Уве останавливается, кулаки аж трясутся от негодования. Когда «школа» скрывается из виду, он поворачивается и, чуть не спотыкаясь, устремляется по дорожке между домами. Перед домом Руны и Аниты (как пить дать, тут эта «школа» стояла) находит два бычка. Поднимает их с земли, словно ключи к разгадке запутанного преступления.

– Доброе утро, Уве! – несмело приветствует его голос Аниты.

Уве оборачивается. Анита стоит на крыльце, набросив на спину серую кофту. Рукава кофты словно пытаются поймать ее тело – так руки ловят скользкое мыло.

– А, ты... Здравствуй, здравствуй, – здоровается Уве.

– Это из социальной службы, – кивает она вслед белой «шкоде».

– Ездить по территории запрещено! – говорит Уве.

Она несмело кивает:

– Он сказал, что получил разрешение от муниципалитета подъезжать к самой двери.

– Какое, НА ХЕ... какое, на фиг, разрешение... – начинает заводиться Уве, но, спохватившись, прикусывает язык.

Губы у Аниты дрожат.

– Они хотят забрать у меня Руны, – вздыхает она.

Уве молча кивает – в одной руке пластиковый шланг, другая, в кармане, сжалась в кулак, – на миг задумывается, что бы ответить, и, не найдясь, прячет глаза и плетется восвояси. Отойдя на несколько метров, вдруг осознает, что ненароком сунул окурки в карман, ну да теперь уж поздно, какая разница.

И тут ему попадаетесь бледная немочь. Ее валенок, едва завидя Уве, заливается истошным лаем. Они стоят перед домом, дверь открыта. Видно, Андерса своего ждут. У валенка из уголков пасти торчат какие-то клочья, вроде шерсти. Немочь злорадно ухмыляется. Проходя мимо, Уве пристально смотрит ей в глаза, та не отводит взгляда. Только лыбится еще злорадней. Точно над ним насмехаясь.

Уве идет по дорожке между своим домом и соседним – увальня с его брюхатой перчанкой. На крыльце возникает увалень.

– Здорово, Уве! – кричит.

Уве замечает свою лестницу: она приставлена к фасаду соседского дома. Увалень приветливо машет. Должно быть, встал ни свет ни заря. По крайней мере, раньше, чем принято у айтишников. В руке у него блестит серебряный столовый ножик. Ясно: хочет заклинившее окошко на втором этаже ножом поддеть. А заберется, конечно, по лестнице Уве, криво воткнутой в глубокий сугроб.

– Удачного дня! – бодро кричит увалень вдогонку Уве.

– Ладно, ладно, – бормочет Уве, не оглядываясь.

Валенок жмется к Андерсову дому и тьякает истошно. Уголком глаза Уве видит, что рядом топчется немочь и с прежней злорадной усмешкой смотрит ему вслед. И от этой усмешки Уве не по себе. Пробирает эта усмешка его до самых печенок, кто его знает почему.

Он идет между домами, минует велосипедный сарай, выходит на парковку и вдруг, помимо воли, ловит себя на мысли, что шарит глазами в поисках кошки. Куда он запропастился?

Уве отпирает ворота, ключом открывает «сааб». Сунув руки в карманы, молчит в полумраке гаража. Стоит так (как выясняется впоследствии) полчаса. Зачем – сам не знает, просто чувствует потребность предварить свой уход эдаким торжественным покоем.

Лак на «саабе», пожалуй, после всего этого здорово закоптится. Стыд и срам, но ничего не попишешь. Уве слегка пинает колеса, проверяя покрышки на прочность. Ничего, резина крепкая. Еще зимы три протянет, решает он, пнув последнее колесо – единственный способ оценить их надежность. И тут вспоминает о конверте с письмом, лежащем во внутреннем кармане пиджака, – Уве хватается за письмо, пробегает глазами: вдруг забыл проинструктировать насчет летней резины? А, нет, не забыл. Тут, под пунктом «„Сааб“+запчасти». «Летние шины в сарае», а далее инструкция, такая подробная, только круглый дурак не разберет, даже сказано про колесные болты, что хранятся в багажнике. Уве кладет письмо обратно в конверт, прячет за пазуху.

Через плечо поглядывает в сторону стоянки. Не то чтобы за кошку переживает, нет, конечно. Лишь бы с этим чучелом ничего не стряслось. А то жена его и с того света сживет, ежу понятно. Не хватало еще из-за кота нагонять получить. Только и всего.

В отдалении воет сирена, куда-то спешит «скорая», Уве-то что с того.

Он садится за руль, заводит мотор. Нажимает на кнопку, опускает заднее стекло сантиметров на пять. Выходит из машины. Плотно вставляет пластиковый шланг в выхлопную трубу. С другого конца шланга потихоньку wypлывают струйки грязного дыма. Уве сует конец шланга в приоткрытое окно. Садится в машину. Захлопывает дверь. Поправляет зеркало заднего вида. Выкручивает колесо настройки радиоприемника до половины оборота, возвращает в исходное положение. Откидывается на спинку сиденья. Зажмуривается. Чувствует, как выхлопные газы кубический сантиметр за кубическим сантиметром наполняют гараж и его легкие.

Нет, совсем иначе представлял он себе конец. Работаешь, гасишь кредит, платишь налоги, живешь по справедливости. Женишься. В горе и в радости, пока смерть не разлучит нас, так договаривались? Так, Уве это точно помнит. А чтоб она первой померла, такого уговора не было. Подразумевалась ведь его смерть – У-В-Е, черт бы ее задрал, вот какой был уговор. Или, может быть, нет?

Кто-то барабанит в двери гаража. Плевать. Уве расправляет стрелки на брюках. Глядит на себя в зеркало. Может, стоило все-таки нацепить галстук? Ей нравилось, когда он надевал галстук. Сразу становился самым элегантным мужчиной на свете – в ее глазах. Как-то она посмотрит на него теперь? Может, ей станет неловко за него, когда он явится на тот свет – безработный, в закопченном костюме? Не назовет ли она его балбесом – за то, что не удержался на приличной работе, вышел в тираж со своими допотопными знаниями, дал себя обойти каким-то вычислительным машинам? Станет ли Соня по-прежнему смотреть на него как на свою надежду и опору? Как на мужчину положительного и ответственного, который даже бойлер сумеет починить, если что? Будет так же крепко любить его теперешнего – старого хрыча у разбитого корыта?

Кто-то снова что есть мочи барабанит в ворота. Уве недовольно смотрит на них. Опять? Нет, ну может, хватит ломиться?

– Эй, может, хватит ломиться? – рычит он, распахивая дверь «сааба» – от такого рывка шланг, просунутый между уплотнителем и задним стеклом, выскальзывает, падает на бетонный пол.

Газовые струи расползаются во все стороны.

В ситуации, когда с той стороны стоит Уве, беременной персиянке, будь она осмотнительней, не стоило бы подходить к воротам слишком близко. В результате, не успев отскочить, она схлопотала створкой по носу: Уве распахнул ту резко, будто сдергивая лассо с забора.

Уве, завидя соседку, цепенеет. Парване хватается за нос. Выразительно смотрит на Уве: выражение это известно каждому, кому однажды расквашивали сопатку дверью. Из проема выплывает грязное плотное облако, половину парковки заволакивает вонючей склизкой пеленой.

– Да ты... да я чуть на хрен... смотреть надо, когда двери открывают... – лепечет Уве.

– Совсем сдурел? Ты чем тут занимаешься? – огрызается соседка, удивленно глядит на заведенный «сааб», на струйки выхлопов, растекающиеся над полом из пластмассовой кишки.

– Я-то?.. Да так, ничем, – запинается Уве и, видимо, больше всего на свете желает поскорее закрыть ворота.

Из ее ноздрей показались густые алые капли. Одной рукой соседка ощупывает лицо, другой – машет ему.

– Мне надо в больницу, – говорит она, откидывая голову.

Уве морщится:

– Из-за такой фигни? Подумаешь, кровь из носа!

Она произносит какое-то ругательство (персидское, должно быть), щепотью берется за переносицу. Нетерпеливо мотает головой, алые капли падают ей на куртку.

– При чем тут нос?

Уве озадачен. Сует руки в карманы.

– Ни при чем? Вот как. Что ж...

Она жалуется:

– Патрик с лестницы упал.

Запрокидывает голову сильнее: Уве беседует уже с ее подбородком.

– Кто такой Патрик? – интересуется Уве у подбородка.

– Мой муж, – отвечает тот.

– Уваленъ, что ли?

– Он самый, – соглашается подбородок.

– И он свалился с лестницы, – уточняет Уве.

– Да. Полез открывать окно.

– А! Ну, так ясен перец, я как увидал, сразу...

Подбородок вдруг исчезает, на его месте появляются два огромных карих глаза. А в них тоска.

– Хочешь поговорить об этом? Прения откроем?

Уве смущенно чешет макушку.

– Да нет... нет... а что ж ты, сама его отвезти не можешь? В той японской швейной машинке, на которой вы сюда приехали, – не сдается он.

– У меня прав нету, – отвечает соседка, отирая кровь с губы.

– То есть как это «прав нету»? – изумленно переспрашивает Уве, словно не в силах уловить смысл этих слов.

Она опять нетерпеливо вздыхает:

– Так, нету прав, и все, а что такого?

– А лет-то тебе сколько? – почти с любопытством интересуется Уве.

– Тридцать, – выпаливает она.

– ТРИДЦАТЬ! И нету прав? А что, с тобой что-то не так?

Она стонет. Держась одной рукой за переносицу, пальцами другой щелкает под носом Уве.

– Очнись, Уве! Больница! Отвези нас в больницу!

Уве, обиженно:

– Кого это «нас»? Это твой летчик окошка открыть не может, с лестниц падает, вот ты и вызывай «скорую»...

– Да вызвала я «скорую». Уже забрали его. Только я в «скорую» не влезла. А все такси в городе нарасхват: снег выпал, на автобусе только застрянешь где-нибудь.

Кровь струится по правой скуле. Уве стискивает челюсти, аж скрипит зубами.

– Да, на автобусы надежды никакой. Там одни бухарики работают, – бормочет тихо, опуская подбородок, со стороны может показаться, будто он прячет слова под ворот рубашки.

Она, похоже, заметила, как он изменился в лице, едва услышав слово «автобус». А может, нет. Во всяком случае, соседка кивает ему, словно это обстоятельство решает все дело.

– Вот-вот. Ты должен отвезти нас.

Уве собирается устроить ей выволочку, поставить на место. Но, к собственному ужасу, вместо грозной тирады выдавливает лишь жалкое:

– Никто никому не должен. Я тебе не бюро добрых услуг!

Парване только крепче зажимает переносицу пальцами. Кивает, словно пропустила все только что сказанное им мимо ушей. Нетерпеливо машет свободной рукой в сторону гаража и плюющей кишки на полу, над которой облаком сгущаются выхлопные газы.

– Некогда мне базарить с тобой. Готовь машину. А я схожу за детьми.

– За какими такими ДЕТЬМИ??? – кричит вдогонку Уве.

Вопрос остается без ответа.

Парване вразвалку семенит к велосипедному сараю, оттуда – к домам. Ее и без того миниатюрные ножки кажутся крохотными по сравнению со здоровенным пузом.

Уве застыл, словно ждет: сейчас кто-нибудь догонит ее, вернет, скажет,

что Уве не договорил. Только догонять некому. Уве упирается кулаками в бока. Взгляд его падает на шланг. Сами берут лестницу, сами падают, а ему – отвечай? Он не согласен.

Но тут ему, конечно, никак не отвязаться от мысли «а что сказала бы на это жена, окажись она здесь». Понятно что, со вздохом признаёт Уве.

Делать нечего, он подходит к шлангу, ногой выбивает его из трубы. Садится в «сааб». Поправляет зеркала. Включает первую, выезжает на стоянку. Не то чтобы его тревожило, как беременная Парване доберется до больницы. Просто Уве представил, какой адский нагоняй устроит ему супруга, ежели Уве уйдет вот так: расквасит напоследок нос беременной соседке, а после отправит ее на автобусе.

Все одно бензин жечь – можно ее и обратно привезти, Уве не убудет. Может, хоть тогда отстанет от него эта несносная баба.

Надеялся он, разумеется, зря.

12. Уве и день, когда его достали

По мнению окружающих, Уве и жена вместе были как ночь и день. Под ночью, понятное дело, подразумевался Уве. Его самого это сравнение не задевало нимало. Зато жена всегда веселилась, услышав такое, и, прыскавая в кулак, отвечала: мол, если Уве и ночь, то лишь в том смысле, что слишком скуп, чтобы попусту жечь солнце.

А Уве все гадал, ну почему она выбрала его. Она ведь любит всякие абстрактные вещи – музыку там, книги, всякие чудные слова. Уве же человек дела. Ему по душе отвертки и масляные фильтры. Он шел по жизни, сунув руки в карманы брюк. Она – танцуя.

– Одного солнечного луча довольно, чтобы прогнать все тени, – ответила она, когда он поинтересовался, откуда в ней эдакая прорва оптимизма.

Какой-то монах по имени Франциск написал это в одной из ее книг.

– Кого-кого, а меня ты не проведешь, мой милый, – игриво улыбнулась она, забираясь к нему в охапку. – Ты тоже танцуешь, Уве, но внутри себя, когда никто не видит. Вот за это я тебя и люблю. Хочешь ты или нет.

Уве так и не понял, что она имела в виду. Танцевать он, прямо скажем, был не горазд. Что танцы – только чехарда и суматоха. То ли дело математика. Уве предпочитал прямые линии и четкие решения. Ответ бывает либо правильный, либо нет. А не как по прочим предметам, которыми школьникам голову морочат, поди, мол, обоснуй свою точку зрения. Точно правильность зависит от того, кто больше скажет заумных слов. А по Уве, что верно, то верно, а что неверно, то, стало быть, неверно.

Уве прекрасно знал: кое-кто называет его старым бирюком, который не доверяет людям. Ну так люди сами покамест ни разу не дали ему для этого оснований.

Ведь в жизни каждого мужчины наступает пора, когда надо решить для себя, кто ты. Позволишь ли вытирать о себя ноги. Дашь ли отпор. И если вы впервые слышите про это, вы вообще ничего не знаете о мужчинах.

Когда сгорел дом, Уве стал ночевать в «саабе». Наутро после пожара

принялся было в одиночку разгребать золу и завалы. На другое утро смирился, осознав, что не сдюжит. Дом не вернуть, а все труды по его ремонту пошли прахом.

На третье утро явились два типа в белых рубашках – точь-в-точь таких же, какая была на брандмейстере. Встали у его ворот, нимало не смущаясь видом пепелища. Назвались, только не своими именами, а учреждением, которое представляли. Точно ракеты, запущенные авианосцем.

– Мы посылали вам уведомления, – заявила первая белая рубашка, вываливая перед Уве кипу бумаг.

– Много уведомлений, – подтвердила вторая рубашка, помечая что-то в своем кондуите.

– Вы нам не ответили, – сказала первая рубашка наставительно, точно дрессируя собаку.

Уве стоял перед ними, широко расставив ноги. Молчал.

– Надо же, беда такая. – Первая рубашка коротко махнула рукавом туда, где раньше стоял дом.

Уве кивнул.

– Пожарный инспектор сообщает, все произошло из-за безобидного замыкания, – сказала первая рубашка, тыча пальцем в какой-то отчет.

У Уве тотчас возникли определенные возражения насчет «безобидности».

– Мы направляли вам копии постановления, – повторилась вторая рубашка, потрясая кондуитом.

Уве снова кивнул.

– Об изменении административной границы округов, – продолжает вторая рубашка.

– Земельный участок, на котором стоит ваш дом, отводится под строительство новых домов, – подхватывает первая рубашка, указывая на ряды новых коттеджей, где поселились галстуки.

– Точнее, стоял ваш дом, – поправляет ее вторая белая рубашка.

– Муниципалитет готов выкупить ваш участок по кадастровой стоимости, – сообщает первая рубашка.

– Кхм, м-да... но только участок, дома-то больше нет, – спешит поправить ее вторая рубашка.

Уве принял бумаги. Стал читать.

– Выбор у вас невелик, м-да-с, – сказала первая рубашка.

– Нечего делать, решение принято муниципалитетом, – добавляет вторая.

Первая белая рубашка нетерпеливо постучала ручкой по бумагам. Уве

поднял глаза. Рубашка ткнула в низ бумаги: там стояло слово «подпись».

Уве, стоя у своих ворот, молча читал писанину. В груди его пекло. Долго-долго соображал Уве, что же там такое горячее.

Ненависть!

Ненависть к белым рубашкам. Никогда прежде Уве не испытывал такой ненависти – той, что ныне раскаленным шаром выжигала его нутро. Этот дом купили его родители. В этом доме Уве рос. Ходил под стол пешком. В этом доме отец научил его разбираться в саабовских движениях. И вот какой-то чужой человек из муниципалитета решил строить тут что-то свое. А тот круглолицый втюхал страховку, которая не страховка. А брандмейстер в белой рубашке не давал тушить пожар, и эти вот двое в белых рубашках теперь втирают про какую-то «кадастровую стоимость».

Выбор у Уве и правда был невелик. Упрямясь он хоть до второго пришествия, то и тогда бы не смог ничего изменить.

И он подмахнул бумажку. Одной рукой. А другую, в кармане, сжал в кулак.

А тогда Уве покинул участок, где некогда стоял отчий дом, и больше туда не возвращался. Снял в городе комнатку у одной бабульки. Целый день сиднем просидел в ней, тупо уставившись в стену. Вечером пошел на работу. Драил вагоны. Утром ему и другим уборщикам велели не переодеваться в свою одежду, а явиться в контору, где выдадут новые спецовки.

Уве шел по коридору, когда вдруг наткнулся на Тома. Впервые после того, как Уве наказали за кражу вагонной кассы. Будь Том благоразумней, отвел бы глаза. Притворился, будто ничего не было. Увы, благоразумием Том не отличался.

– Туши свет! Наш воришка пришел! – гаркнул он, вызываясь скалясь.

Уве не ответил. Хотел пройти мимо, но получил локтем от одного из молодых прихвостней, которыми окружил себя Том. Уве поднял глаза. Прихвостень заржал.

– Граждане, прячьте ваши лопатники, вор идет! – заголосил Том – крик его эхом разнесся по коридору.

Уве только крепче вцепился в свои вещи одной рукой – другая, в кармане, сжалась в кулак. Зашел в пустую раздевалку. Стянул с себя грязную заношенную спецовку, снял отцовские пузатые часы, положил их на лавку. Когда обернулся, собравшись в душ, в дверях вырос Том.

– Слыхали, ты погорел? – спросил он, почесывая черную бороденку.

Том явно ждал, что скажет Уве. А Уве решил не отвечать: этого

удовольствия он верзиле не доставит.

– Вот папашка твой гордился бы тобой! У того то же руки из жопы росли, но чтобы хату свою спалить, это, сука, уметь надо! – кинул Том вслед Уве, когда тот входил в душевую.

Уве слышал, как хором загоготали молодые шакалы. Закрыв глаза, уткнулся лбом в стену, подставил тело под струи теплой воды. Простоял так минут двадцать. Дольше он в жизни своей не мылся.

Вернувшись же в раздевалку, обнаружил, что отцовы часы пропали. Перерыл одежду, пошарил по полу, проверил во всех шкафчиках.

В жизни каждого мужчины настает пора, когда надо решить для себя, кто ты. Позволишь ли вытирать о себя ноги. Или дашь отпор.

Из-за того ли, что Том свалил на него кражу вагонной кассы. Или из-за пожара. А может, из-за круглолицего мошенника. Либо из-за белых рубашек. Или, может, просто все достало. Только из головы Уве словно кто-то выдернул чеку. И в глазах у него вдруг почернело. Он вышел из раздевалки в чем мать родила, капли сбегали по мускулистому телу. Направился в другой конец коридора, к раздевалкам мастеров, вышиб ногой дверь, растолкал ошарашенных людей, расчищая себе дорогу. Том стоял у дальней стены, перед зеркалом, подравнивая свою бороденку. Уве ухватил его за плечо и рявкнул что есть мочи, аж плитка задрожала:

– Отдавай часы!

Том презрительно глянул на парня сверху вниз. Фигура его огромной черной колокольной возвышалась над Уве.

– Какие, на хер, ча...

– ОТДАВАЙ ЧАСЫ! – заорал Уве, не дав ему договорить. Заорал так, что остальные в раздевалке инстинктивно вжались в шкафчики.

Миг, и куртку из рук Тома рванули с такой яростью, что даже Том не осмелился перечить. Молча, точно пристыженный ребенок, наблюдал он, как Уве извлекает свои часы из его внутреннего кармана.

А потом – бац. И все. Хватило одного удара. Том грохнулся об пол, как намокший куль с мукой. Могучая туша его едва успела упасть, как Уве развернулся и вышел вон.

В жизни каждого мужчины наступает пора, когда надо решить для себя, кто ты. Позволишь ли вытирать о себя ноги. Дашь ли отпор. И если вы впервые слышите про это, вы вообще ничего не знаете о мужчинах.

Тома увезли в больницу. Стали допытываться, что с ним стряслось, но Том только прятал глаза и отвечал, что «поскользнулся». И странное дело, у всех присутствовавших при его падении разом отшибло память.

Больше Уве Тома не видал. А еще, решил он для себя, впредь никому не дам обмануть себя.

Он остался мыть вагоны, но со стройки ушел. И то, дома-то у него теперь не было, да и к тому времени он уже так понаторел в строительном ремесле, что едва ли мужики в пластмассовых касках могли научить его чему-то еще.

Зато на прощание подарили ему ящик с инструментами. Новенькими на этот раз. «Салаге. Попробуй построить что-нибудь стоящее!» – стояло на бумажке.

Употребить инструмент по назначению Уве было негде, а потому он бесцельно таскался с ним повсюду несколько дней. Наконец его сердобольная хозяйка, сжалившись, разрешила ему поискать по дому: вдруг отыщет чего для починки. И жить обоим стало сразу как-то спокойнее.

А на другой год Уве призвали в армию. Все физические нормативы он сдал на «отлично». Начальнику призывной комиссии понравился этот немногословный молодец с медвежьей хваткой, и он предложил юноше стать кадровым военным. Предложение пришлось по душе Уве. Он видел, что военные носят форму и живут по уставу. Каждый знает, что ему делать. Делает свое дело. Порядок и дисциплина. Солдат бы из меня получился, прикинул Уве. А потому отправился этажом ниже на обязательную медкомиссию, и на сердце у него вдруг стало так легко, как не было много лет. У него будто снова появилась цель. Смысл. Ради чего жить.

Радость его длилась десять минут.

Начальник сказал, медкомиссия будет «пустой формальностью». Но стоило поднести к грудной клетке Уве стетоскоп, как в ней обнаружили неположенные звуки. Уве направили в городскую поликлинику. Неделью спустя дали диагноз: редкий врожденный порок сердца. Уве вручили белый билет. Забраковали. Уж сколько он звонил, обивал пороги. Писал письма. Сходил к трем врачам, надеясь, что тут какая-то ошибка. Без толку.

– Закон есть закон, – сказал ему тип в белой рубашке, когда Уве в последний раз пришел уламывать призывную комиссию.

Уве так расстроился, что, не дождавшись автобуса, пешком добрел до железнодорожной станции. Там, на платформе, душу его вдруг обуял такой же мрак, как в тот день, когда умер отец.

Через несколько месяцев, прохаживаясь по той же самой платформе, Уве встретит девушку, свою будущую жену. Но куда он не мог этого знать.

И вернулся мыть вагоны. Сделался еще тише прежнего. Бабулька,

квартирная хозяйка, напуганная мрачным видом Уве, выхлопотала ему неподалеку место в гараже. Паренек-то вечно возится со своей машиной. Может, хоть так развеется.

На другое утро Уве в гараже разобрал «сааб» до винтика. Почистил детали и скрутил обратно. Просто хотел убедиться в своем умении. Ну, чтоб хоть чем-то себя занять. А когда скрутил, продал «сааб» с выгодой и купил другой – тоже девяносто третьей модели, но поновей. Первым делом раскрутил его до винтика. Чтобы убедиться, что умеет. Убедился.

Так и поплыли его дни, медленно и размеренно. И вот однажды утром он встретил ее. Каштановые волосы, синие глазищи, красные туфли и большая золотая заколка.

С того самого дня Уве утратил покой и сон.

13. Уве и больничный клоун Беппо

– Уве сме-е-есно-о-о-ой, – заливается смехом младшая.

– Ага, – без особого энтузиазма бормочет старшая сестра, берет младшую за руку и решительно, точно взрослая, шагает к входу в больницу.

Их мама хотела что-то высказать Уве, но передумала: недосуг. Вразвалку она шествует к входу, придерживая рукой колыхающееся пузо, словно боится, что вот-вот родит.

Уве плетется за ней. Легко ей говорить: «Чем лаяться, проще заплатить». Нет уж: тут дело принципиальное. Когда охранник на вопрос, с какой стати надо платить за стоянку у больницы, выписывает штраф, кто другой смолчит, но только не Уве: липовый полицейский – он липовый полицейский и есть. Так-то вот.

А то Уве не знает: людей в больницу возят помирать. Довольно того, что государство берет с нас деньги за каждый чих при жизни, такое его, Уве, мнение. А требовать деньги за парковку с умирающего, не жирно ли этому государству будет? О чем Уве и поинтересовался у охранника с парковки. А тот сразу махать своим штрафным блокнотом. И тут Парване влезла, мол, давайте я заплачу, давайте я заплачу. Как будто речь шла о ДЕНЬГАХ!

Бабы – разве они понимают, что значит дело принципа?!

Старшая девчушка, идущая чуть впереди, жалуется, что платье воняет выхлопом. Даром он все стекла опустил на «саабе», все равно до конца не выветрилось. Парване еще спросила, что нужно было делать, чтоб так задымить гараж, но Уве в ответ только скрежетнул, как ванна по кафельному полу. Младшенькая, конечно, обрадовалась: ехать в морозную погоду с опущенными стеклами – лучшее приключение в ее жизни. Старшая же, напротив, зарылась носом в шарф и настроена была явно критически. Еще и потому, что ей пришлось елозить попой по газетам, разостланным Уве, чтоб они с сестрицей «не изгваздали ему сиденье». Уве и спереди газетку подостлал, но Парване, усаживаясь, бесцеремонно скинула ее с сиденья. Уве обозлился, однако промолчал. А только сидел и

всю дорогу до больницы бросал косые взгляды на пузо соседки – как бы у нее воды не отошли прямо на обивку.

– Ждите здесь, – сказала Парване детям, когда вошли в фойе.

Вокруг прозрачные стены, спинки кресел пахнут шампунем. Врачи в белых халатах и цветных бахилах и старички на тряских ходунках с колесиками, шаркающие взад-вперед по коридору. На полу стоит тумба, на ней информация: «лифт № 2 в секции “А” не работает, просьба к посетителям палаты № 114 пользоваться лифтом № 1 в секции “В”». Под ней другая: «лифт № 1 в секции “В” не работает, просьба к посетителям палаты № 114 пользоваться лифтом № 2 в секции “А”». Еще ниже – третья: «палата № 114 закрыта на ремонт». А в самом низу висит картинка – на ней нарисован клоун. И подпись: «Сегодня клоун Беппо придет в больницу навестить детей».

– А куда Уве подевался? – спохватывается Парване.

– Наверно, в туалет пошел, – бормочет старшая.

– Клёун! – Младшенькая радостно показывает на картинку.

– Подумать только, у них тут даже туалет п-л-а-т-н-ы-й! – восклицает Уве за спиной у Парване.

Парване разворачивается к нему, нервно смотрит:

– А, вот он ты, тебе денег дать?

– Денег? На что мне деньги? – обиженно спрашивает Уве.

– В туалет сходить.

– Да мне не надо в туалет.

– Ты ведь сам сказал... – начинает она, но осекается, лишь покачав головой: – Все, ладно, проехали... Сколько ты заплатил за стоянку? – меняет она тему.

– За десять минут.

Она стонет:

– Как же так? Ты же знаешь, что мы дольше тут пробудем.

– Если пробудем – через десять минут выйду и доплачу, – невозмутимо отвечает Уве.

– А чего сразу за все не заплатить? – удивляется она, однако тотчас жалеет, что спросила.

– Да им только того и надо! Перебьются – а вдруг я заплачу лишнее, вдруг мы столько не простоим, ясно тебе?

– Фу, с меня хватит... – Парване, вздохнув, щупает свой лоб. Глядит на дочерей: – Будьте умничками, посидите тут с дядей Уве, а мама сходит посмотрит, как там папа. Хорошо?

– Ладно, – кривится старшая.

– Уйа-а! – ликует младшенькая.

– Чего? – изумляется Уве.

Парване встает.

– В каком смысле – «с дядей Уве»? А ты куда? – взвизгивает Уве.

Он в ярости, а соседка, похоже, не замечает степени его неудовольствия.

– Посиди тут, присмотри за ними, – коротко велит она и, прежде чем Уве успевает возразить, скрывается в глубине коридора.

Уве остолбенев смотрит ей вслед. Словно надеясь, что соседка немедленно прибежит обратно, крикнет, что пошутила. Но та ушла. Делать нечего, Уве поворачивается к сестрам. С таким видом, точно сейчас посветит им в лицо настольной лампой и спросит, где они находились в момент убийства.

– КНИСЬКА! – восклицает младшая, кидаясь в угол приемной, где громоздится куча пластмассовых машинок, плюшевых мишек и детских книжек с картинками.

Уве кивает про себя, одобряя самодостаточность трехлетнего ребенка, и переключается на семилетнюю девчушку.

– Ну а ты что же?

– Что я? – строптиво отвечает та.

– Ну, там, может, ты есть хочешь? Или пописать тебя отвести? Чего еще там?

Девчушка смотрит на него так, словно он предложил ей пиво и сигарету.

– Мне ВОСЕМЬ скоро. Я писать САМА хожу!

Уве, извиняясь, разводит руками:

– А, черт, ну да, точно. Ну тогда прости, что спросил.

– М-м-м, – хмыкает старшая.

– Ты лугаисся! – вопит младшенькая, выныривает ниоткуда и давай вертеться вокруг его штанины.

Уве недоверчиво разглядывает это трехлетнее стихийное лингвистическое бедствие. Малышка поднимает к нему глаза, все лицо цветет улыбкой.

– Читай! – весело командует девочка и, вытянув руки вперед так, что едва не падает, тычет ему книжку.

Уве смотрит на книжку, точно это нигерийское «письмо счастья», предлагающее «очень фантастичный эксклюзивный бизнес-жертва», стоит только указать «такой мелочь», как банковские реквизиты.

– Читай! – повторяет трехлетка, с ногами забираясь на диван.

Уве нехотя усаживается на диван в метре с лишним от девчушки. Та нетерпеливо вздыхает, куда-то ныряет, через секунду ее головка высовывается у него из-под мышки, пальцы цепляются за его коленку, как за рычаг, а нос утыкается в красочные иллюстрации.

– Жил да был один паровозик, – начинает Уве голосом человека, вслух зачитывающего текст своей налоговой декларации.

Хочет перевернуть страницу. Младшая не дает – переворачивает назад. Старшая устало качает головой.

– Ты должен рассказать, что происходит на картинке. На разные голоса, – поясняет она.

Уве удивленно смотрит на нее:

– На какие еще, на хре...

Спохватывается посреди фразы. Поправляется:

– Что еще за голоса?

– Сказочных героев, – объясняет старшая.

– Ты лугаисся, – дружелюбно замечает ему младшенькая.

– Ничего я не ругаюсь, – возражает Уве.

– Лугаисся!

– Какие еще, на х... никаких голосов! – упрямится Уве.

– Кто-то, наверно, просто совсем не умеет читать сказки, – выносит вердикт старшая.

– Нет, кто-то, наверно, просто совсем не умеет слушать! – парирует Уве.

– Нет, кто-то, наверно, просто совсем-совсем не умеет РАССКАЗЫВАТЬ! – язвит старшая.

Уве без особого энтузиазма разглядывает книгу.

– Что это вообще за ерунда? Какой-то говорящий паровоз! А о машинах ничего нет?

– А о глупых старикашках-таракашках ничего нет? – передразнивает старшая.

– Какой я тебе старикашка?! – фыркает Уве.

– Клёун! – кричит в восторге младшая.

– Какой я тебе КЛОУН? Тоже мне! – вспыхивает Уве.

Старшая закатывает глаза, ну копия мамы – та вот так же закатывает их, стоит Уве сморозить что-то не по делу.

– Да она не про тебя. Она про клоуна.

Подняв глаза, Уве замечает взрослого мужика – тот, видно, на полном серьезе вырядился клоуном и ждет у дверей. На роже, от уха до уха, намалевана дурацкая улыбка.

– КЛЁУ-У-У-УН! – взывает младшая, прыгая на диване. Может, дите пичкают наркотиками, начинает подозревать Уве.

Он слышал про такое. Что детям дают амфетамин при каких-то психических диагнозах.

– Кто тут у нас? Девочка! А что мы покажем девочке? Может, фокусы? – дружелюбно кудахчет клоун и ковыляет к младшей, точно пьяный лось, путаясь в непомерных красных башмаках. Уве с ходу определяет, что обуться в такое может только абсолютное ничтожество, – нет чтобы найти себе нормальную работу.

Клоун весело подмигивает Уве:

– А дядя, случайно, не даст нам пять крон?

– Держи карман шире. Случайно, не даст, – отвечает Уве.

Клоун, похоже, растерян – состояние, надо сказать, не самое подходящее для клоуна.

– Но... послушайте... это просто фокус, у вас же есть монетка? – мямлит клоун уже не таким придуренным голосом: из-под идиота-клоуна проглядывает обычный идиот, молодой, лет двадцати пяти.

Уве смотрит на клоуна так, что тот тут же благоразумно пятится.

– Да что вы... в самом деле... Я тут при больнице клоуном работаю. Это ж для детей. Я верну.

– Дай ему пять крон, – велит старшая сестра.

– КЛЁУ-У-У-УН! – восклицает младшая.

Уве смотрит на нее. Морщит нос.

– А, вон чего, – бормочет он, вынимая из кошелька пятак.

Потом тычет пальцем в клоуна:

– Но чтоб вернул! Сразу же, понял? А то мне еще за парковку платить.

Клоун, энергично кивая, выхватывает у него монетку.

Через десять минут в фойе из коридора возвращается Парване. Останавливается и растерянно водит глазами влево-вправо, сканируя обстановку.

– Дочек своих ищите? – словно выстрел из-за спины, звучит вопрос медсестры.

– Ищу, – растерянно говорит Парване.

– Там они, – говорит медсестра как-то не слишком одобрительно и машет в сторону стеклянных дверей, ведущих на стоянку.

Перед ними на банкетке, скрестив руки на груди, сидит Уве, злой как черт. По бокам сидят девочки – старшая, скучая, смотрит в потолок, у младшей рот до ушей – точно ей только что разрешили ежедневно в

течение месяца завтракать мороженым. С обоих краев к скамейке приставлены два дюжих мордоворота из больничной охраны.

– Ваши дети? – спрашивает один.

Судя по насупленному лицу, ему завтракать мороженым не разрешили.

– Мои, а что, они что-то натворили? – почти с испугом спрашивает Парване.

– Нет. ОНИ-то как раз нет, – отвечает другой мордоворот и укоризненно смотрит на Уве.

– А я что? Я тоже ничего, – обиженно бурчит Уве.

– Уве побил клёуна! – заходится от восторга младшая.

– Ябеда, – досадует Уве.

Парване смотрит на него раскрыв рот, не зная, что сказать.

– Да ладно, фокусы у него все равно отстой, – вздыхает старшая. – Ну что, поедem домой? – интересуется она, вставая со скамьи.

Парване смотрит то на старшую, то на младшую, то на Уве, то на охранников.

– Зачем... стойте... что за... какого еще клоуна?

– Клёуна Беппо, – растолковывает младшая, кивая с умным видом.

– Он хотел фокус показать, – добавляет старшая.

– Да туфта это, а не фокусы, – вставляет Уве.

– Ну, тот, с исчезающей монеткой. Взял у Уве пятак, – рассказывает дальше старшая.

– Ага, а потом хотел подсунуть мне чужие пять крон, во как, – замечает Уве и с чувством оскорбленного достоинства смотрит на стоящих рядом охранников, словно его замечание объясняет всю ситуацию.

– Уве ПОБИЛ клёуна, ма. – Младшая хохочет так, будто в жизни ничего веселей не видела.

Парване долго смотрит на Уве, на младшую дочку, на старшую, на обоих охранников.

– Мы пришли навестить моего мужа. Его привезли сюда после несчастного случая. Пустите детей повидаться с ним, – объясняет она охранникам.

– Папа упай! – сообщает младшенькая.

– Ладно, – говорит первый мордоворот.

– А этот пусть остается здесь, – говорит второй, указывая на Уве.

– Скажет тоже: побил. Так, ткнул маленько, – бормочет Уве. И добавляет для верности: – Тоже мне полицейские нашлись, дурилки картонные!

– Да этот клоун все равно не умеет колдовать, – ворчит в защиту Уве

старшая, когда ее ведут в палату к отцу.

Час спустя все вместе стоят возле гаража Уве. Увальню наложили гипс на руку и на ногу – выпишут через несколько дней, так сказала Уве Парване. Хотел Уве ответить ей, что увалень ее – пентюх, каких свет не видывал, но не ответил, лишь губу прикусил, чтоб не вырвалось. Чутье подсказывало: Парване и сама думает о муже не лучше. Уве убирает газеты с сидений «сааба», в салоне все еще воняет выхлопом.

– Уве, дорогой, ну, может, тебе все-таки отдать деньги за парковку? – спрашивает Парване.

– Это твоя машина? – хмурится Уве.

– Нет.

– Ну и все, – отрезает он.

– Но мне как-то неудобно, как будто тебя наказали из-за меня, – хлопочет она.

– Мне муниципалитет выписывал штраф. А не ты. Стало быть, виновата не ты, а эти козлы из муниципалитета. – Уве захлопывает дверцу «сааба». – А еще эти липовые полицейские, – добавляет он, все еще сердчая на мордоворотов, заставивших его томиться на банкетке, пока Парване не пришла и не сказала, что пора ехать домой.

Будто он такой неблагонадежный, что ему нельзя свободно прохаживаться по больнице, как другим посетителям.

Парване долго смотрит на него, задумчиво молчит. Старшей дочке надоедает ждать, она направляется через стоянку к домам. Младшая блаженно улыбается Уве.

– Ты кьяссный! – говорит ему.

Уве, глянув на нее, сует руки в карманы.

– А? Да ладно. Из тебя тоже, гляжу, человек вырастет.

Малышка радостно кивает. Парване смотрит на Уве, потом на пластмассовый шланг на полу гаража. Снова – на Уве: по лицу пробегают тревога.

– Не поможешь мне... лестницу оттащить? – просит она его как бы в глубокой задумчивости.

Уве рассеянно ковыряет носком асфальт.

– А еще у нас батарея не работает, – добавляет она как бы между прочим. – Может, посмотришь? Патрик в этом ни бум-бум, сам видишь, – говорит она, беря младшую за руку.

Уве медленно кивает:

– Да уж. Вижу, что руки не из того места растут.

Парване кивает. Лицо ее вдруг расплывается в улыбке.

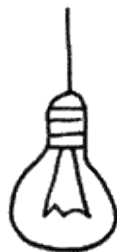
– Ты же не дашь девчонкам замерзнуть ночью, правда, Уве? Хватит с них того, что ты у них на глазах избиваешь клоунов!

Уве обиженно смотрит на нее. Молча, словно на переговорах с самим собой, нехотя соглашается: конечно, не дам замерзнуть – дети же не виноваты, что их непутевый папаня окна не может открыть так, чтоб не грохнуться с лестницы. Небось супруга ему покажет райскую жизнь, явись он к ней после того, как заморозит детей.

Он поднимает пластмассовый шланг с пола, вешает на гвоздь. Закрывает ключом «сааб». Запирает ворота. Трижды дергает за ручку. Идет в сарай за инструментами.

Покончить с собой можно и завтра. Успеется.

14. Уве и девушка из поезда

На ней были красные туфли, в волосах – крупная золотая заколка, на груди блестела золотая брошка – разбегавшиеся от нее солнечные зайчики озорно резвились на вагонном стекле. На часах половина седьмого утра. Уве как раз сменился и уже собрался сесть в другой поезд, чтобы ехать домой. Как вдруг увидел с перрона в вагонном окне эти каштановые волосы и эти ее синие-синие глаза и услышал этот ее переливчатый смех. И вернулся в поезд. Сам еще толком не понимая зачем. Никогда прежде не знал он за собой ни внезапных порывов, ни особой охоты до женского пола. Но тут, когда увидал ее, его, как он рассудил впоследствии, точно перемкнуло.

Он упросил знакомого проводника одолжить ему сменные штаны и рубашу, чтобы она не приняла его за ночного уборщика, а потом подошел и сел подле Сони. И, надо сказать, это было лучшее решение за всю его жизнь.

Он не знал, как заговорить, но все вышло само собой. Не успел он опуститься на лавку, как она, бодро повернувшись, тепло улыбнулась ему и сказала: «Здравствуйте!» И он тоже сказал: «Здравствуйте!» – не пришлось ломать голову, как подъехать к ней. Она же, заметив, что взгляд его упал на книги у нее на коленях, любезно протянула ему всю стопку, чтобы он смог прочесть названия. Уве не разобрал и половины слов.

– Вы любите читать? – восторженно спросила она.

Уве неопределенно покачал головой, но, похоже, ее это ничуть не смутило.

– А я обожаю! – поспешила сообщить она.

И пошла пересказывать содержание книжек, снова вернувшись к ней на колени. А Уве тотчас понял, что до самой смерти готов слушать ее рассказы о том, что она обожает.

В жизни он не слышал ничего чудесней ее голоса. Он всегда звучал так, будто она вот-вот рассмеется. А уж если рассмеется, то, чудилось Уве,

будто пузырьки шампанского заиграют. Сам он боялся слово сказать – выставить себя неучем и дураком. Но все оказалось не так страшно. Она любила болтать, Уве – помалкивать. Впоследствии Уве предположил, что именно это имеют в виду, говоря, что они с женой дополняют друг друга.

Годы спустя Соня призналась мужу, что когда он подсел к ней в вагоне, то показался ей малость чудным. Угрюмым и неотесанным. Но у него были широкие плечи и большие бицепсы, бугрившиеся под рубашкой. А еще – добрые глаза. Он слушал, как она рассказывала, и ей нравилось его смешить. К тому же ездить каждое утро на учебу – такая скуотища, а так, в компании, куда веселее.

Она училась в пединституте. Каждый день садилась на поезд и, проехав несколько десятков километров, пересаживалась на другой, а затем на автобус. Всего полтора часа пути не в ту сторону, куда надо Уве. Когда они в первый раз вместе вышли на станции и дошли до автобусной остановки, она поинтересовалась, куда он, собственно, едет. Уве вдруг сообразил, что всего в пяти километрах отсюда стоит воинская часть, в которую его собирались направить, не подведи его порок сердца. И машинально соврал, сам не зная зачем:

– А я на службу вон еду. – Он неопределенно махнул рукой.

Она радостно кивнула:

– Ну, тогда увидимся в поезде на обратном пути. Я домой еду в пять!

Уве не нашелся что ответить. Он-то знал, что из гарнизона никого не отпускают в пять, но она-то, может, не знает? А потому просто пожал плечами. И она села в свой автобус и уехала.

Уве прикинул, что такой расклад непременно сулит ему прорву неудобств. Но делать нечего. Он развернулся, отыскал знак, указывавший направление в центр университетского городка, куда занесла его нелегкая, – в двух часах пути от его дома. И пошел пешком. Через сорок пять минут расспросов разыскал единственного в округе портного, степенно постучался и поинтересовался, возьмется ли тот отутюжить ему рубаху и брюки и сколько на это уйдет времени. «Минут десять, если подождешь», – был дан ему ответ.

– Тогда я зайду в районе четырех, – сказал Уве и вышел.

Он пешком вернулся на станцию, улегся на лавку в зале ожидания и закемарил. В четверть четвертого снова пешком дошел до портного, подождал, сидя в туалете в одном исподнем, пока портной погладит рубашку и брюки, потом полтора часа ехал с Соней в поезде до ее станции. А потом еще полчаса обратно – на свою станцию. На другой день все повторилось. И на третий. На четвертый станционный кассир растормошил

Уве, заявив, что спать на станции не положено, чай, не побродяжка. Уве ответил, что все прекрасно понимает, но тут дело касается женщины. Услыхав это, кассир кивнул и с того дня позволил Уве спать в багажном отделении. Кассиры тоже хоть раз в жизни да влюбляются.

Так Уве и катался три месяца кряду. Пока ей не надоело: хоть бы поесть куда пригласил. И она пригласила сама.

– Завтра в восемь вечера буду ждать тебя здесь. Надень пиджак и своди меня в ресторан, – без лишних церемоний приказала она, сходя с поезда в пятницу вечером.

Ну коли так, значит, так.

Уве ни разу не задавался вопросом, как жил до того, как повстречал ее. Но если б задался, ответил бы, что никак.

В субботу вечером он напялил на себя старый коричневый отцов пиджак. Тянувший в плечах. Съел две сардельки, семь картофелин, которые сварил на плитке у себя в комнатенке. Прошелся по дому с отверткой, прикрутил все, что просила хозяйка.

– На свидание, что ли? – громко поинтересовалась она у Уве, спускавшегося по лестнице.

Она впервые видела его в пиджаке. Уве угрюмо кивнул.

– Угу, – ответил он тоном, не позволяющим понять, ответ это или просто мычание.

Бабулька кивнула, пряча улыбку:

– Небось красоточка – ишь, как вырядился!

Вздыхнув, Уве коротко кивнул. Он уже был в дверях, когда хозяйка крикнула из кухни:

– Цветы, Уве!

Всунув голову в кухню, Уве вопросительно уставился на нее.

– Цветы ей подари! Ей понравится! – с нажимом сообщила хозяйка.

Уве кашлянул и скрылся за дверью.

Четверть часа томился он, поджидая ее на вокзале в своем куцем коричневом пиджачишке и надраенных башмаках. Он скептически относился к людям непунктуальным. Отец его всегда говорил, что нельзя доверять тому, кто опаздывает. «Какое важное дело можно поручить человеку, коли он даже прийти вовремя не сумел», – ворчал отец, глядя, как кто-нибудь из путейцев, опоздав на три, а то и на целых четыре минуты, как ни в чем не бывало отмечает на проходной пропуск. А железная дорога, стало быть, жди!

Как вы понимаете, каждую из этих пятнадцати минут под станционными часами Уве провел с чувством легкого раздражения. Впрочем, минуты шли, и раздражение начало перерастать в беспокойство. Уве уже готов был поверить, что на самом деле Соня назначила свидание, чтобы подшутить над ним. Разумеется, она и не думала приходить, размышлялся тоже! Едва эта мысль укрепилась в нем, как в душу стремительной лавой хлынул стыд: Уве захотелось швырнуть букет в первую попавшуюся урну и бежать с вокзала без оглядки.

Впоследствии он сам бы не смог вразумительно объяснить, почему так и не ушел. Может, чувствовал, что уговор есть уговор, даже если дело касается свидания. А может, по какой другой причине. Трудно сказать.

Знай его отец, сколько еще таких же мучительных минут проведет его сын в ожидании этой девушки, глаза его вылезли бы из орбит, и он навсегда остался бы лупоглазым. Но сын тогда и сам этого еще не знал. Когда же она наконец выпорхнула к нему в цветастой юбке и клубничного цвета кофте – настолько аппетитного, что Уве, потоптавшись, решил: ничего страшного, такой девушке позволительно и опоздать.

Цветочница в киоске спросила: «Чего желаете?» – «А мне почему знать? – ответил он. – Твой товар – не мой, тебе лучше знать». Цветочница было смешалась, но тут же нашлась – спросила, какой цвет любит та, которой предназначается букет. «Розовый», – без тени сомнения ответил Уве. Хотя точно не знал, так ли это.

И вот она стоит перед ним в этой кофте цвета спелой клубники, на фоне которой блекнут все остальные краски, и счастливо прижимает цветы к груди.

– Какая красотища! – радуется она так искренне, что Уве опускает глаза и начинает ковырять носком пристанционную щебенку.

Уве не понимал этих хождений по ресторанам. Кому это нужно – оставлять в заведениях такие деньжищи, нельзя разве поужинать дома? Что за радость – сидеть на вычурных стульях и жевать странную стряпню, особенно когда прекрасно знаешь, что за столом двух слов связать не можешь? Ну, хоть поел заранее – теперь, по крайней мере, сможет угостить ее, чем она сама пожелает, а сам возьмет из меню что подешевле. А спросит она о чем, так хотя бы не придется отвечать с набитым ртом. Чем не план, ликовал Уве.

Принимая ее заказ, официант угодливо улыбался. Уве и сам догадывался, о чем и он, и все посетители подумали, когда они с Соней вошли в ресторан. Слишком хороша для него – вот о чем они подумали. И Уве сразу почувствовал себя глупо. Поскольку целиком и полностью

разделял их мнение.

А она оживленно щебетала – про учебу, про книги, какие прочла, про фильмы, какие посмотрела. И любовалась им, впервые давая почувствовать, будто он – единственный мужчина в мире. И тогда Уве решил, что нечего больше врать, надо рассказать все как есть. Откашлялся, собрался с духом и выложил ей всю подноготную. Что никакой он не солдат, что он – простая поломойка на ночных поездах, что у него больное сердце, а врал он ей лишь потому, что очень уж ему понравилось кататься с ней на поезде. Он был уверен, что в последний раз ужинает с ней в ресторане, что она слишком хороша, чтобы ходить по ресторанам с таким обманщиком. Исповедавшись так, он положил салфетку на стол, вытащил бумажник, желая расплатиться, подняться и уйти.

– Виноват, – пробормотал он сконфуженно, пнул ножку своего кресла, потом прошептал чуть слышно: – Мне просто хотелось узнать: каково это – быть парнем, который тебе глянулся?

Он уже вставал, когда она, перегнувшись через стол, накрыла его руку своей.

– Никогда еще не слышала от тебя столько слов за один раз, – улыбнулась она.

Он пролепетал что-то невнятное, мол, наверное, может быть, но это дела не меняет. Соврать-то он ей все одно соврал. Она же попросила его снова сесть, и он исполнил просьбу – опустился в кресло. Вопреки его ожиданиям, она не рассердилась. Она рассмеялась. А отсмеявшись, сказала: мол, догадаться, что Уве не солдат, было нетрудно – он ни разу не надел форму.

– А кроме того, где это видано, чтобы солдат возвращался со службы в пять дня каждый будний день?

С таким умением шифроваться Уве вряд ли сгодился бы в русские шпионы, прибавила она. Но предположила, что, верно, у него были резоны для такого поведения. А еще ей нравится, как он слушает ее. И нравится его смешить. И этого, подытожила она, вполне довольно.

А потом поинтересовалась, чем бы он мечтал заняться, если бы мог мечтать о чем угодно. И он, не раздумывая, ответил, что хотел бы строить дома. Конструировать. Чертить. Вычислять, как их лучше поставить там, где они встанут. И тут она, вопреки его ожиданию, вдруг перестала смеяться. Но рассердилась.

– Так почему до сих пор не СТРОИШЬ? – потребовала она ответа.

А Уве, понятное дело, не нашелся что ответить.

В понедельник она пришла к нему домой, принесла брошюры с

информацией об инженерных курсах. Бабулька, у которой квартировал Уве, совершенно ошалела, когда юная незнакомка уверенной поступью направилась к нему вверх по лестнице. После чего бабулька постучала его по спине и шепнула, что инвестиция в цветочки-то оказалась ого-го какая удачная! С этим Уве не мог не согласиться.

Когда он вошел к себе, она уже сидела на кровати. Уве застыл на пороге, руки в карманах. Увидев его, она засмеялась.

– Тут, что ли? – спросила.

– Ну, это, что ж, можно и тут, – ответил он.

Так и решили.

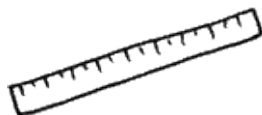
Она отдала ему брошюры. Учиться предстояло два года, впрочем, Уве не так уж напрасно положил столько сил и трудов на стройку, как казалось ему самому. Да, котелок у него варил не так чтобы очень, в обычном смысле, зато Уве петрил в цифрах и разбирался в домах. Этого хватило с лихвой. Он успешно сдал первый семестр. Потом еще один. И еще один. И наконец устроился в строительную контору, где и проработал треть века. Вкалывал, не болел, платил налоги, возвращал ссуды, жил по чести, по совести. Купил двухэтажный таунхаус в новом поселке на лесной опушке. Она хотела замуж, что ж – он сделал предложение. Хотела детей – родим, согласился Уве. Только жить будем в поселке, чтобы детки росли с другими детьми, порешили они.

И вот сорока лет не прошло, а вокруг дома уж не осталось леса. А только лес домов. И настал день, когда она, лежа на больничной койке, вдруг взяла его за руку и попросила не тревожиться. Сказала, что все будет хорошо. Легко ей говорить, думал Уве, а сердце рвалось из груди от злой тоски. Но она шепнула: «Все будет хорошо, мой милый Уве» и склонила головку ему на руку. А после бережно вложила ему в ладонь указательный пальчик. Потом закрыла глаза и умерла.

Так он и сидел, не выпуская ее пальчика, много, много часов. Пока не пришли врачи: ласковыми словами и мягкими движениями убедили его, что надо вынести тело. Тогда Уве встал со стула, кивнул сам себе и пошел в похоронное бюро оформлять документы. В воскресенье ее похоронили. В понедельник Уве вышел на работу.

Но спроси его кто угодно, Уве ответил бы как на духу: у него не было жизни до нее. И после нее – тоже нет.

15. Уве и опоздавший поезд

Дежурный за плексигласом: хомячьи щеки, зализанные вихры. Да руки сплошь в татуировках. Будто одной прически мало. Мало ему, что на голову точно опрокинули бутылку с подсолнечным маслом. Нет, нужна еще эта пачкотня на теле, думает Уве. И ладно бы рисунки были. А то и не рисунки, а так – разводы какие-то. Где это видано, чтобы взрослый мужик в здравом уме по собственной воле ходил с голыми руками, на которые словно пиджак линялый накинули?

– Турникет твой не работает, – сообщает ему Уве.

– Правда? – спрашивает дежурный.

– Что «правда»?

– Правда, что не работает?

– Конечно, я ж говорю!

Дежурный за плексигласом смотрит с каким-то сомнением.

– А может, с вашей карточкой что-то не так? Может, грязь на магнитную ленту попала?

Уве одаривает дежурного таким взглядом, будто тот только что назвал Уве импотентом. Дежурный за плексигласом замолкает.

– Какая грязь? Нет у меня никакой грязи на ленте, понятно?! – тычет пальцем в стекло Уве.

Дежурный за плексигласом кивает. Но, спохватившись, мотает головой. Пытается растолковать Уве, что «вообще-то турникет весь день работал безотказно». Уве отменяет его отговорку как совершенно неуместную, поскольку очевидно, что если турникет и работал, то теперь явно вышел из строя. Тогда дежурный за плексигласом предлагает купить билет за наличные. Ага, разбежался, отвечает ему Уве. Воцаряется напряженная тишина.

Наконец дежурный за плексигласом просит просунуть ему в окошко карточку – «для проверки». Уве делает такие глаза, будто встретился с дежурным в темном переулке и тот попросил его снять часы – «для проверки».

– Смотри, чтоб без фокусов, – предупреждает Уве, недоверчиво

просовывая карту в окошко.

Дежурный за плексигласом, взяв карту, бесцеремонно вытирает ее о штаны. Но Уве не лыком шит. Небось читали мы в газетах про всякие ваши фокусы.

– Ты чё там ХИМИЧИШЬ? – кричит Уве, барабани по стеклу.

– Попробуйте теперь, – говорит дежурный.

На лице у Уве написан ответ: хватит попусту переводить мое время. Ежу ведь понятно: если карта не работала полминуты назад, то не заработает и сейчас. Уве высказывает это соображение вслух.

– Ну пожалуйста, – просит дежурный за плексигласом.

Уве демонстративно вздыхает. Не отводя глаз от плексигласа, прокатывает карту. Та срабатывает.

– Ну! – лыбится дежурный за плексигласом.

Уве таращится на карту как на предателя и сует обратно в бумажник.

– Удачного дня! – энергично желает ему дежурный из-за плексигласа.

– Это мы еще поглядим, – ворчит Уве.

Все последние двадцать лет кто только не норовил попрекнуть Уве, что тот не пользуется пластиковыми картами. Он же считал, что живые деньги надежней, как-то обходилось ими человечество тыщи лет, и ничего. Ну не доверяет Уве банкирам и ихней электронике.

А жена – та, понятное дело, тут же, наперекор ему, стала клянчить себе такую карточку, как ни предостерегал ее Уве. Когда жена умерла, банк просто прислал ему новую карту, переделанную на его имя и привязанную к ее счету. На эту карту он покупал цветы, которые носил на могилку, и вот теперь, спустя полгода, на счете оставалось 136 крон 54 эре. И Уве прекрасно известно, что, ежели умереть вот так, не потратив эти кроны, их непременно прикарманит какой-нибудь олигарх.

Вот почему Уве не удивлен, что как только он захотел использовать эту долбаную карту, она тотчас отказала. А сунься с ней в магазин, там такую комиссию сдерут! Значит, Уве с самого начала был прав. Вот так и скажет жене, как только встретит ее вновь, пусть так и знает.

Ну а теперь баста – хорошего понемножку. Теперь Уве собрался умереть.

Он вышел из дому затемно, раньше, чем ленивое солнце кое-как вскарабкалось на небо, и куда как раньше, чем выползли из кроватей ленивые соседи. Стоя в прихожей, Уве скрупулезно изучил расписание электричек. После чего погасил весь свет, перекрыл все батареи и, перед тем как запереть входную дверь, положил под коврик в прихожей конверт

со всеми инструкциями. Когда придут забирать дом, небось отыщут, предположил он.

Взял лопату, расчистил снег перед домом, убрал лопату в сарай. Запер дверь сарая. Будь Уве чуть наблюдательней, он, прежде чем отправиться в сторону парковки, вероятно, приметил бы в одном весьма немаленьком сугробе аккурат у сарая немаленькую нору, напоминающую кошачий лаз. Но Уве был занят делом и лаза не приметил.

Наученный горьким опытом, он не поехал на машине, а прогулялся до станции пешком. Для верности – теперь-то всякие беременные соседки, бледные немочи, жены Руны и веревки сомнительного качества точно не смогут расстроить утренних планов Уве. Он продувал им батареи, одалживал инструменты, возил по больницам. Но теперь баста, хватит. Пора в путь.

Он еще раз сверился с расписанием. Терпеть не мог опаздывать. Из-за этих задержек рушатся все планы. Все идет наперекосяк. Жена, та с пунктуальностью не дружила вовсе, планировать с ней что-то – пустые хлопоты. В принципе, как и с любой другой женщиной. Им расписание хоть на лоб приклей, один хрен разница, уж поверьте опыту Уве. Собираясь куда-нибудь, он всегда составлял маршрут и график, пытался распланировать поездку – где заправиться, где попить кофе. Штудировал карты, вычислял, сколько точно по времени займет каждый этап, как не угодить в пробки и какой дорогой выйдет короче, – наука, недоступная дятлам со всякими навигаторами. У Уве всегда была наготове четкая стратегия. Жена же, наоборот, порола чушь, призывая «положиться на чутье» и «не переживать». С эдаким отношением далеко ли уедешь во взрослой жизни? А еще она обязательно забудет какой-нибудь платочек или перед самым выездом начнет трепаться по телефону. Или до последнего перебирает – какое пальто положить в чемодан. Или еще что. А потом, уже в дороге, вдруг вспомнит – «Ой, а термос-то мы не взяли!» – блин, самое важное-то и забыла. Итого: четыре пальто в чемоданах, будь они неладны, и ни капли кофе. Вот больше делать нечего, как ежечасно сворачивать в придорожные забегаловки и хлебать там прогорклую лисью мочу, которая у них идет за кофе! Но стоило Уве надуться, жена тут же спрашивала, на что ему сдалось это расписание, мол, все равно ведь на своей машине едем. «Куда нам спешить?» – удивлялась она. При чем тут спешка? Не в том ведь дело.

На перроне он сует руки в карманы. Пиджак остался дома. Весь в пятнах, выхлопом провонял, вот Уве и не стал надевать его: жена такую бучу поднимет, посмей он явиться к ней замухрышкой. Рубашка и свитер,

что теперь на нем, ей тоже особо не нравились, ну да те хотя бы чистые, не драные. На улице где-то минус пятнадцать! Уве забыл сменить осеннюю куртку на теплую, зимнюю – студеный ветер пробирает до костей. Последнее время я рассеянный какой-то стал, вынужден признать Уве. Не успел толком поразмыслить, в какой одежде пристало отправляться на тот верхний этаж. Вначале хотел принарядиться поприличней. Теперь же чем больше он об этом думает, тем более склоняется к мысли, что на том свете, верно, уж придумали какую-нибудь стандартную одёжу, не то такой винегрет выйдет! Покойнички-то там соберутся всех сортов и мастей, как пить дать. Иностранцы и прочий разношерстный люд, один наряд чудней другого. Придется, стало быть, приводить это войско к единому знаменателю. А значит, какое-никакое обмундирование выдают.

На перроне, почитай, никого. Только по другую сторону пути стоит парочка заспанных патлатых малолеток со здоровенными рюкзаками (набитыми наркотой, уверен Уве). Чуть поодаль от них читает газету сорокалетний мужик в сером костюме и черном полупальто. Еще чуть дальше треплются две дамы в расцвете лет – на груди муниципальные логотипы ландстинга, в волосах лиловые пряди, в руках длиннющие сигаретки с ментолом.

По эту сторону – только Уве, не считая троих крупногабаритных работяг из коммунальной службы в ватных штанах и строительных касках. Сгрудившись, глазеют в разрытую ими же яму. Яма кое-как огорожена маркировочной лентой. Первый работяга пьет кофе в стаканчике из «Севен-Элевен», второй жрет банан, третий, не скинув рукавиц, силится набрать что-то на мобильнике. Получается не очень. Нет бы сперва яму зарыть. Потом еще удивляются, отчего это весь мир скатывается в финансовую дыру, думает про себя Уве. А что ж ему туда не катиться, когда народу только бы бананы трескать да на яму пялиться?

Уве смотрит на часы. Последняя минута. Становится на самый край. Раскачивается на подошвах. Падать метра полтора, прикидывает на глазок. Самое большее – метр шестьдесят. В том, что его задавит поезд, есть что-то символичное, но Уве от этого не легче. Не по душе ему, что машинист станет невольным свидетелем его конца. И потому Уве решает подпустить состав как можно ближе – тогда, прыгнув, угодит не в лобовуху, а в боковину первого вагона, который затянет тело и разможжит о рельсы. Уве смотрит туда, откуда должен появиться поезд. Главное – правильно выбрать момент. Солнце, всходя, бьет ему в глаза озорным лучом, словно шаловливый ребенок, что слепит вас фонариком.

Раздается первый крик.

Уве вовремя замечает, как мужика в костюме и полупальто вдруг зашатало взад-вперед, будто панду, перебравшего валерьянки. Секунда – глаза у мужика обморочно закатываются под лоб, по телу пробегает какая-то судорога. Руки трясутся в конвульсиях. Дальше мгновение раскладывается на длинную серию кадров: газета выпадает из рук, мужик отключается. Грузно шлепается с платформы на рельсы, точно мешок с цементом. И остается лежать.

Курильщицы с муниципальным логотипом на груди вопят от ужаса, патлатые малолетки смотрят на рельсы, вцепившись в лямки своих рюкзаков так, словно боятся свалиться сами. Уве же, стоя на краю с другой стороны, возмущенно зыркает то на одних, то на других.

– Ах, чтоб тебя за ногу... – ругается он про себя.

И прыгает на рельсы.

– ТУТ! ХВАТАЙСЯ! – велит он самому патла тому из малолеток, стоящему ближе к краю.

Патлатый осторожно подходит к краю. Уве приподнимает мужика в костюме так, как, пожалуй, сделал бы всякий, кто ни разу не качался в фитнес-клубе, зато всю жизнь перетаскивал бетонные бордюры – по паре под каждой мышкой. Обхватив тело, ядром выталкивает точнехонько наверх – большинство молодых пижонов на «ауди», которые накупили себе фосфоресцирующих беговых штанишек, пупок бы надорвали.

– Тут поезда ходят, нечего ему на рельсах отдыхать, понял?

Патлатые растерянно кивают, в конце концов, поднатужившись, все вместе кое-как вытаскивают обмякшее тело на перрон. Курильщицы вопят как вопили – видимо, искренне полагают, что вопль – единственное конструктивное и действенное средство в данной ситуации. Мужика в костюме кладут на спину – грудь его медленно, но ритмично вздымается. Уве стоит на рельсах. Слышит, как подходит поезд. Задумывалось иначе, но и так сойдет.

Уве спокойно становится по центру, сует руки в карманы, смотрит на приближающийся свет. Слышит глухой гудок – точно пароходный горн зовет сквозь туман. Бешено рвутся из-под ног рельсы – пытаются сбросить его с себя, как ополоумевший бык перед случкой. Уве выдыхает. И вдруг – в самом пекле грохота и лязга, отчаянно-жалостливого визга тормозов – неимоверное облегчение.

Наконец-то.

Смерть.

Мгновение застывает, словно само время нажало на тормоз, и все

вокруг Уве закружилось-завертелось на сверхскоростях. Грохот скрадывается, вливаясь в уши тихим «пшшш», электровоз подползает, словно телега, запряженная парой дряхлых волов. Отчаянно моргает всеми своими огнями. Уве смотрит прямо на свет. В промежутке между слепящими вспышками вдруг встречается глазами с машинистом. Паренек лет двадцати с небольшим. Из тех, кого путейцы постарше зовут салагами.

Уве смотрит салаге в глаза. Сжимает кулаки в карманах, будто кляня себя за то, что сделает сейчас. Но деваться-то некуда. Ответ бывает либо правильный, либо нет.

И когда между ними остается метров пятнадцать-двадцать, Уве, в сердцах помянув нечистого, преспокойно, словно просто вышел прогуляться до соседней кафешки, отходит в сторонку и вскакивает на платформу.

Поравнявшись с Уве, поезд наконец останавливается. От испуга у салаги в лице ни кровинки. Бедняга чуть не рыдает. Оба таращатся друг на друга сквозь стекло электровоза так, словно каждый брел со своего конца ядерной пустыни и вдруг обнаружил, что он – не единственный выживший после светопреставления. Один – с облегчением. Другой – с огорчением.

Машинист несмело кивает. Уве обреченно кивает в ответ.

Одно дело – распрощаться с собственной никчемной жизнью. Другое – испортить чужую, встретившись взглядом с человеком за миг до того, как превратишься в кровавую лепешку на стекле его кабины. Хрен вам, это не про Уве. Ни батя, ни Соня не простили бы ему этого.

– Ты как? Цел? – кричит Уве один из ремонтников.

– В последний момент выскочил! – радуется другой.

Они вылупились на Уве практически так же, как только что разглядывали свою яму. Видимо, работа у них такая – зенки пялить. Уве недовольно смотрит в ответ.

– Еще бы чуть-чуть! – подтверждает третий рабочий.

В руке у него надкушенный банан.

– Плохо бы дело кончилось! – улыбается первый.

– Еще как плохо, – соглашается другой.

– Мог и помереть, чего доброго! – поясняет третий.

– Да ты прямо герой, мужик! – восклицает первый.

– Жизнь спас. Вот это по-нашенски! – охотно кивает другой.

– По-нашему. Не «по-нашенски», а «по-нашему», – поправляет его Уве, точно в него вселилась Соня.

– А то бы помер, – поясняет третий и, как ни в чем не бывало, кусает банан.

На пути, сверкая всеми аварийными огнями, стоит поезд – пыхтит, сопит, охает, стонет, как толстяк, со всего маху влипший в стену. Из вагонов на перрон в растерянности выползают всевозможные личности – вероятно, айтишники и прочий никчемный народ, смекает Уве. Он сует руки в карманы.

– Ну, теперь еще черт знает сколько поездов опоздает, – произносит он и с невероятной досадой взирает на столпотворение на платформе.

– Ага, – говорит первый рабочий.

– Точно, – говорит другой.

– Все расписание коту под хвост, – соглашается третий.

Тут Уве издает звук – как будто кто-то силится выдвинуть заклинивший громоздкий ящик из ржавых пазов комода. Молча проходит мимо рабочих.

– Ты куда? Эй, герой! – удивленно кричит ему вдогонку первый рабочий.

– Постой! – кричит другой.

– Ну, герой же! – кричит третий.

Уве не реагирует. Миновав дежурного за плексигласом, выходит на заснеженную улицу и идет домой. Дремлющий город вокруг него потихоньку оживает, возвращаясь к своим иномаркам, ипотекам, энтернетам и прочей дребедени.

И этот день испорчен, испорчен непоправимо, горько констатирует Уве.

На подходе к велосипедному сараю, возле стоянки, он замечает белую «шкоду». Та движется со стороны дома, в котором живут Руне с Анитой. Рядом с водителем сидит решительного вида женщина – на носу очки, в руках целая кipa папок и бумаг. Водитель – давешний тип в белой рубашке. Машина резко выворачивает из-за угла, чуть не сбив Уве, – тот едва успевает отпрыгнуть.

Поравнявшись с Уве, тип в белой рубашке указывает на него дымящейся сигареткой сквозь лобовое стекло, на роже торжествующая ухмылка. Дескать, сам виноват, что встал на пути, но я, человек в белой рубашке, великодушно прощаю тебе твою оплошность.

– Идиот! – ревет Уве вдогонку «шкоде», но тип в белой рубашке словно не слышит. Машина скрывается за углом. Уве успевает запомнить номера.

– Скоро и тебя упекут, старый хрен! – злобно шипит кто-то позади него.

Уве машинально заносит кулак, оборачивается и вдруг видит себя в

зеркальном отражении очков на носу бледной немочи. Валенок сидит у нее на руках. Злобно щерится на Уве.

– Из социалки приезжали, – кивает немочь на дорогу с ехидной ухмылочкой.

Уве смотрит в сторону стоянки: там пижон Андерс задом выезжает на своей «ауди» из гаража. Фары новые поставил, со ступенчатым отражателем, отмечает Уве. Чтобы даже во тьме всем было видно, что за рулем конченный придурок.

– А тебе какое дело? – отбρίζει Уве немочь.

Силиконовый рот ее страшно кривится, пытаясь растянуться в улыбку, на какую только способна женщина, чьи губы напигованы экологическими отходами и нейротоксинами.

– А такое: сейчас они увезут в богадельню маразматика из крайнего дома. А после – твоя очередь!

Она сплевывает и уходит к машине. Уве глядит вслед, грудь под курткой ходит ходуном. Пока «ауди» разворачивается, немочь выставляет ему в стекло средний палец. Первое желание Уве – наброситься, порвать на куски германского уродца со всем содержимым, включая пижонов, немочей, шавок и ступенчатые отражатели. Но дыхание вдруг перехватывает, как если на полном ходу врезаться в сугроб. Уве наклоняется, упершись руками в колени и, к своему негодованию, понимает, что задохнулся. Сердце колотится так, будто его грудь – это дверь в единственный оставшийся на свете общественный туалет.

Где-то через минуту слабость отступает. В правом глазу далекий мигающий отблеск. «Ауди» скрывается из виду. Уве разворачивается и медленно бредет к дому, держась за сердце.

Перед домом останавливается. Смотрит на сугроб у сарая. На кошачий лаз в сугробе.

Там в глубине лежит кошка.

Сто процентов!

16. Уве и грузовик в лесу

До того дня, как этот угрюмый, нескладный паренек с крепкими руками и грустными синими глазами подсел к ней в поезде, Соня безоговорочно любила только три вещи: книжки, отца и кошек.

Нет, парни по ней, конечно, сохли. Женихи всех мастей. Долговязые шатены и низкорослые блондины, хохмачи и зануды, щеголи и индюки, красавцы и скупердяи – все они были не прочь приударить за Соней, кабы не страшилки про ее отца, которыми полнилась деревенька: якобы у него на этот случай припасено в избушке на лесной опушке не одно ружье. Впрочем, никто из обожателей никогда не смотрел на нее такими глазами, как этот паренек, который опустилсь возле нее на лавку. Будто она – единственная девушка на свете.

Случалось, особенно первое время, подружки спрашивали, куда подевалось ее благоразумие. Она была хорошенькая, о чем неустанно твердили ей все окружающие. А еще вечно смеялась: какие бы шутки ни играла с ней жизнь, Соня умела всегда на все взглянуть оптимистически. А Уве, гм, ну, Уве – это Уве. И на это окружающие тоже не уставали указывать Соне. Такие, как он, уже в начальных классах больше походят на ворчливых старичков. Соня же заслуживает гораздо, гораздо лучшей партии, убеждали ее доброхоты.

Все так, но для Сони Уве не был ни угловатым, ни угрюмым, ни резким. В ее глазах он остался тем, кто подарил ей чуть примятые розовые цветы, когда они впервые пошли в ресторан. И еще она запомнила отцовский кургузый пиджачок, который топорщился на его широких, чуть сутулых плечах. И ту пылкость, с какой он защищал справедливость, порядочность и кропотливый труд, мир, в котором белое должно быть белым. Не ради наград или дипломов, не ради одобрительного похлопывания по спине. Не так уж много осталось на свете таких мужчин, решила Соня. И потому ухватила за него. Ну, не писал он ей стихов, не пел серенад, не осыпал дорогими подарками. Но кто бы другой столько месяцев изо дня в день по столько часов катался не в ту сторону, просто

чтобы сидеть рядом с ней и слушать, что она говорит.

Так что, когда она брала его руку (толщиной с ее ногу) и щекотала, покуда не треснет, расплываясь в улыбку, гипсовая маска на его суровом лице, душа ее пела. И эти мгновения принадлежали ей и только ей.

– «Не согрешив, покаяться нельзя. Мой муж покается. И станет лучше. Гораздо лучше, через грех пройдя»^[1], – ответила она Уве в тот вечер, когда, впервые ужиная с ней, он признался, что обманул ее, сказал, что служит в армии.

Тогда она не рассердилась. Потом, естественно, сердилась на него без счета, но не в тот раз. А он за все пройденные вместе годы больше ни единожды не солгал ей.

– Кто это сказал? – поинтересовался Уве, косясь на тройные редуты столовых приборов, выложенные перед ним на столе, будто кто открыл перед ним каптерку со словами: «Выбери себе оружие».

– Шекспир, – ответила Соня.

– И как он, ничего? – спросил Уве.

– Волшебный, – с улыбкой кивнула Соня. – Из Англии.

– Не нашенский, что ль? – пробубнил Уве в салфетку.

– Не наш, – поправила Соня и ласково положила свою руку на его.

Прожив с ним вместе без малого сорок лет, Соня помогла осилить тома сочинений Шекспира не одной сотне труднообучаемых учеников с дислексией и дисграфией. За все это время Уве, как она ни билась, не прочел ни строчки. Зато, как только они заселились в новый дом, Уве несколько первых недель каждый вечер что-то мастерил в сарае. А смастерив, поставил в гостиной книжный шкаф такой красоты, что Соня только ахнула.

– Где-нибудь же нужно их хранить, – пробормотал Уве, расковыривая концом отвертки ранку на большом пальце.

Она забралась к нему на руки и сказала, что обожает его. Он только кивнул.

Только раз она спросила его, откуда эти ожоги на руках. И потом сама додумывала, восстанавливая по кусочкам историю о том, как ее муж лишился родительского дома, потому что из Уве ей удалось вытянуть лишь несколько односложных ответов. По крайней мере, она выяснила, откуда взялись шрамы. И теперь, спроси кто из подружек, на что ей сдался этот Уве, Соня отвечала, что большинство мужчин бежит от пожара. А Уве бежит на пожар.

Уве по пальцам одной руки мог сосчитать, сколько раз встречался с ее

отцом. Тот жил далеко на севере, в лесной глухомани: при взгляде на топографическую карту создавалось впечатление, что старый хрыч нарочно поселился так, чтобы быть подальше от человеческого жилья. Мать Сони умерла при родах. Больше женщин отец в дом не приводил. «Ништо, есть у меня жонка. Да токмо из дому отлучилась», – изредка фыркал он, если кто в его присутствии набирался смелости поднять соответствующий вопрос.

Соня перебралась в город, поступила на филфак. Отец страшно возмутился, когда она предложила забрать его к себе. «Оно мне нать? Там, поди, люди всяки!» Слово «люди» в его устах звучало как ругательство. Ну, Соня и оставила его в покое. Раз в неделю навещала его, раз в месяц он сам доезжал на грузовичке до бакалейной лавки, а больше ни с кем не водился, только с Эрнестом.

Эрнест этот был беспородный котяра, причем огромного размера. Девочкой Соня могла бы скакать на нем, как на пони. Кот заглядывал в избу, когда заблагорассудится, но жить не жил. А где жил, про то никому не ведомо. Соня назвала его Эрнестом в честь Эрнеста Хемингуэя. Отец ее книги в руках не держал, но когда дочка, пяти лет от роду, самостоятельно освоив грамоту, взялась за чтение газет, отец, даром что дремуч, и тот смекнул, что с этим надо что-то делать. «Не след робятенку гамно читаць, не то умом тронется», – заявил он, подводя дочку к столу в сельской библиотеке. Пожилая библиотекарша могла лишь в общих чертах догадываться о смысле сказанного, однако согласилась, что, спору нет, особый дар у девочки и впрямь налицо. На том они с библиотекаршей и порешили – с тех пор к ежемесячным поездкам в бакалейную лавку добавился поход в библиотеку. К двенадцати годам Соня прочла все имевшиеся там книги, каждую – не менее двух раз. Любимые же, как, например, «Старик и море», читала столько раз, что сбилась со счета.

Итак, Эрнест стал Эрнестом. Но так и остался ничьим. Разговаривать он не разговаривал, зато любил ходить с отцом на рыбалку. Отец уважал кота за эти качества, а потому, вернувшись домой, по-братски делился с ним уловом.

Когда Соня впервые привела мужа в старую лесную избушку, Уве с отцом, уткнувшись в свои плоски, добрый час, точно глухонемые, молча сидели друг против друга, меж тем как она пыталась завязать хоть какое-то подобие цивилизованной беседы. Ни тот ни другой мужчина не могли взять в толк, на что ей сдалась эта беседа, но оба сидели – делая одолжение единственной дорогой для обеих женщине. Оба, каждый со своей стороны, намеренно громко и долго кобенились, противясь смотринам, но напрасно. Сонин отец заранее настроил себя против юнца. Знал отец про него только

то, что тот живет в городе и, со слов Сони, терпеть не может котов. Уже двух этих недостатков, по мнению Сониного отца, было предостаточно, чтобы забраковать ее нового кавалера как человека в высшей степени ненадежного.

Кавалер же, в свою очередь, вообразил, будто его ждет что-то вроде собеседования с начальником отдела кадров, а собеседник из него, по чести сказать, был не ахти. Вот почему, стоило Соне умолкнуть (даром что щебетала она, почитай, без передышки), в избе тотчас воцарялась такая тишь, на какую, пожалуй, способны только два мужика, один из которых ни за что не желает разлучаться с дочкой, а другому пока невдомек, что именно ему уготована участь разлучника. Под конец Соня не выдержала – незаметно пнула Уве пониже колена под столом, чтоб не молчал. Уве, оторвавшись от площадки, оторопело уставился на Соню – уголки ее глаз нервно подергивались. Тогда он кашлянул, пошарил глазами по дому, судорожно выискивая, о чем бы таком спросить старика. Одну науку Уве усвоил крепко – если не знаешь, что сказать, значит, надо о чем-нибудь спросить. Вернейший способ: хочешь заставить другого забыть о неприязни к тебе, позволь ему говорить о себе самом.

В конце концов Уве догадался выглянуть в окно – взгляд его остановился на грузовике.

– Это никак «эль десять»? – ткнул вилкой Уве.

– Ну, – буркнул дед, глядя в плошку.

– Их на «Саабе» делают, – отрывисто кивнул Уве.

– На «Скании»! – рявкнул дед, и в глазах его сверкнула обида.

В избе вновь воцарилась тишина, какую и на свете не сыскать, разве только когда сойдутся избранник дочки и ее отец. Уве уткнулся в свою плошку. Соня же пнула пониже колена отца. Старик было рассердился. Но увидев, как дергаются уголки ее глаз, не будь дурак, почел за благо избежать того, что обыкновенно следует за такими подергиваниями. Покашлял из вредности, для виду еще немного поковырялся в плошке.

– Мало ль что господин из «Сааба», помахавши мошной, фабрику укупил, – фабрика, она как «Скания» была, так и есть, – негромко буркнул он и, уже не так сердясь, отодвинул ногу чуть подальше от дочкиной туфли.

Всю свою жизнь отец Сони ездил исключительно на «сканиях». Других машин не признавал. Но вот, наплевав на годы его непоколебимой верности, «Скания» присоединилась к «Саабу» – такого предательства дед, конечно, простить ей не мог. То ли дело Уве: с того самого момента, как «Скания» объединилась с «Саабом», он вдруг страшно заинтересовался ею. Вот и теперь, жуя картошину, он задумчиво глядел на машину в окошке.

– Ну и как она? На ходу? – любопытствовал он.

– Где там, – буркнул дед и снова уткнулся в плоску. – В этой модели все как есть негодное. Ни одной толком собрать не могут. А в починку поди отдай – механики семь шкур сдерут, – пояснил он, глядя так, словно беседовал с кем-то, кто сидит у него под столом.

– Могу глянуть, ежели позволите, – загорелся вдруг Уве.

А Соня впервые за все время их знакомства увидела, как сверкают его глаза.

Взгляды обоих мужиков встретились. На мгновение. После чего дед кивнул. Уве коротко кивнул в ответ. Они встали из-за стола – солидно и решительно, как если бы двое сговорились выйти во двор и казнить третьего. Не прошло двух минут, как Сонин отец воротился. Прошел, стуча своей палкой, сел на стул, неизлечимо страдавший жалобным скрипом. Посидев, степенно набил трубку, наконец, кивнув на кастрюли, вымолвил:

– Вкусно.

– Спасибо, отец, – улыбнулась она.

– Ты стряпала, не я, – заметил он.

– Я благодарю не за ужин, – ответила она и, собрав плоски, ласково чмокнула старика в лоб, одновременно высматривая во дворе Уве, который как раз нырнул с головой под капот грузовичка.

Отец ничего не сказал, лишь негромко фыркнул, встал с трубкой в одной руке, другой взял со стола газету. Направился было в гостиную, на кресло, да замешкался на полпути, встал, опершись на палку.

– Рыбачит? – буркнул наконец, не глядя на Соню.

– Да вроде нет, – ответила она.

Отец кивнул сурово. Тихо постоял еще.

– Значица, нет. Ну, не беда, небось научим, – пробормотал наконец, сунул трубку в рот и скрылся в гостиной.

Большей похвалы от отца Соня в жизни не слыхала.

17. Уве и кошка в сугробе

– Он жив? – заполошно квохчет Парване, подлетает к сугробу (насколько позволяет беременное пузо), заглядывает в дыру.

– Я не ветеринар, – говорит Уве.

Говорит, впрочем, без ехидства. Просто информирует. А сам изумляется: ну, баба, ну везде поспекает. Только наклонишься глянуть, что там за отверстие в сугробе, будто кошачий лаз, она уж тут как тут. На собственном дворе покоя нет.

– Да вытащи же ты его! – кричит она, хлопая Уве варежкой по плечу.

Уве, скривившись, сует руки поглубже в карманы. Ему все еще тяжело дышать.

– Еще чего, не буду! – отказывается.

– У тебя с головой все в порядке? – накидывается Парване.

– Да просто мы с котами не больно ладим, – информирует ее Уве, зарываясь каблуками в снег.

Тут она разворачивается к нему и смотрит так, что Уве нехотя отодвигается подальше от ее варежки.

– Может, в спячку залег? – пытается пошутить он, заглядывая в отверстие. И добавляет: – А нет, так по весне оттает...

Когда варежка, взметнувшись, пулей летит в него, Уве отмечает про себя, что мысль встать на безопасном расстоянии была очень и очень благоразумной.

Раз – Парване ныряет в сугроб, два – выныривает обратно, держа на худеньких руках промерзшую кошачью тушку. Вид – будто четыре эскимосы вмерзли в облезлый шарф.

– Открой дверь! – кричит она Уве, уже совершенно выйдя из себя.

Уве только крепче упирается каблуками в снег. Нет, правда, начиная этот день, Уве как-то совершенно не планировал впускать в дом полоумных баб с кошками, о чем как раз и собрался заявить Парване. Но та с кошаком наперевес прет на Уве с такой решимостью, что вопрос только в том, хватит ли Уве прыти отскочить – пройдет она мимо или же насквозь. Знавал Уве

баб, которые не слушают, что им добрые люди говорят, но чтобы настолько! Уве снова начинает задыхаться. Борется с желанием схватиться за сердце.

Она прет напролом. Он уступает, отходит. Она топает мимо. А заиндевшая тушка в ее руках, в гроздьях сосуллек, будит в памяти целый рой воспоминаний о коте Эрнесте, и те стремительно проносятся по извилинам головного мозга Уве. Глупый, жирный, дряхлый Эрнест – Соня обожала его всем сердцем: при виде зверюги оно билось с такой силой, что положи сверху монетку, и та подпрыгнет.

– ОТКРЫВАЙ, ТЕБЕ ГОВОРЯТ! – рычит Парване и кивает Уве так, словно решила вывихнуть себе шею.

Уве, точно под гипнозом, выуживает из кармана ключи, будто уже не владея собственным телом. Будто голова его вопит: «СТОЙ! КУДА?!» – а туловище назло ей продолжает идти, словно взбунтовавшийся подросток.

– Неси одеяло! – командует Парване и врывается в дом, не разуваясь.

Уве замирает на несколько мгновений, пытаясь отдышаться, идет вслед за ней.

– Тут же холодина! Ну-ка, включи батареи посильнее! – распоряжается Парване как у себя дома и нетерпеливо машет, веля Уве пошевеливаться, сама же кладет кота на диван.

– И не подумаю! – отвечает Уве.

Потому как всему есть предел. Застыв на пороге гостиной, Уве размышляет, сказать ли ей, чтоб хотя бы подложила газетку под кошака, или рискованно – снова запустит варежкой. Но когда Парване оборачивается к нему, Уве тотчас понимает, что про газетку лучше и не заикаться. Такой разъяренной фурии он, пожалуй, еще не встречал.

– Одеяло у меня наверху, – бормочет он, поспешно отводя глаза, словно вдруг страшно заинтересовавшись абажуром у себя в прихожей.

– Так сходи за ним! – приказывает она.

Вид у Уве такой, будто он повторяет ее приказ про себя, тихо усмехаясь и передразнивая противным голосом. Однако не перечит, а скинув башмаки, спешит через гостиную, обходя Парване на безопасном расстоянии, вне досягаемости вездесущих варежек.

Всю дорогу вверх по лестнице Уве ворчит под нос что-то про соседей, от которых вовсе не стало житья. Наверху останавливается перевести дух, делает несколько глубоких вдохов. Боль в груди прошла. Сердце бьется нормально. Не впервой пошаливает – он уж перестал пугаться. Ничего, всегда отступает. Да и на что ему теперь сердце, все одно недолго осталось.

Снизу доносятся голоса. Уве не верит своим ушам. Уж эти соседи! Вечно суются, другим нормально помереть не дают, при случае же сами без

всякого стеснения любого до умопомрачения и самоубийства доведут. С них станется.

Спустившись с одеялом в руке, Уве видит в гостиной юношу – толстяка из соседского дома. Тот с любопытством разглядывает кошака и Парване.

– Хей, чувак! – приветливо машет он Уве.

Юнец в одной футболке, даром что на дворе морозище.

– Чего? – говорит Уве, про себя отмечая, что нынче и за одеялом наверх не сходить: спустишься, а уж кто-то открыл у тебя постоянный двор.

– А я слышу, кричат, чувак, дай, думаю, загляну, чё за ахтунг, – бодро кудахчет пончик, пожимая плечами, – жир широкими складками проступает под футболкой.

Парване отбирает у Уве одеяло, принимается кутать кошака.

– Так ты его не отогреешь, – дружелюбно замечает пончик.

– А ты не лезь, не твое дело, – одергивает его Уве.

Сам он, конечно, не ахти какой специалист по размораживанию кошаков, просто его бесит, когда всякие толстяки мало того что врываются в дом, так еще пытаются порядки свои наводить.

– Тише, Уве! – кидает Парване и с мольбой смотрит на юношу: – Что нам делать? Он весь как ледышка!

– Чего это ты меня затыкаешь? – обижается Уве.

– Он же умрет, – говорит Парване.

– Да ладно, умрет... Подумаешь, замерз малость, – замечает Уве, пытаюсь овладеть ситуацией, которая, по его мнению, вышла из-под контроля.

Парване приставляет палец к его губам, говорит «тсс». Уве в ярости выворачивается у нее из-под руки.

– Давайте его мне, – вклинивается юноша и показывает на кота, словно в упор не видит, что рядом вообще-то стоит Уве и пытается дать понять: мало того что вперся тут, понимаешь, незнамо кто без спроса в чужое жилище, – да еще и кошаками туда-сюда размахивает.

Парване вынимает кота – тот из синюшно-лилового превратился в белого. От такой картины решимость Уве колеблется. Он мельком смотрит на Парване. И нехотя делает шаг назад, уступая дорогу.

Пончик скидывает футболку.

– Ты чего это... заголяешься? Какого, понимаешь... – запинается Уве.

Его взгляд мечется от рук Парване, в которых оттаивает кот, на капли, стекающие на пол, потом на толстого юношу, оголившегося посреди его гостиной, на его телеса, на рыхлые наплывы от груди до самых колен,

словно кто-то взял да растопил здоровенный брикет пломбира, а после опять заморозил.

– Ну, давай его сюда, – говорит юноша, нимало не смущаясь, и протягивает к Парване две ручищи толщиной с бревно.

Парване подает ему кошака, юноша хватает его, сжимает в объятьях, укрывая в своих непомерных телесах – ни дать ни взять гигантская шаурма с кошатиной.

– Меня Йимми зовут, – сообщает он, улыбнувшись Парване.

– А меня Парване, – говорит она.

– Классное имя, – говорит Йимми.

– Спасибо! Оно означает «бабочка».

– Клево! – восхищается Йимми.

– Кота задушишь, – говорит Уве.

– Отвянь, Уве, – отвечает Йимми.

Уве поджигает губы в тонкую белую нитку. С досадой пинает носком плитус. Не совсем понятно, что именно имеет в виду молодой человек, советуя ему «отвянуть», однако абсолютно ясно: совету этому Уве следовать не намерен.

– Он наверняка предпочел бы умереть как-нибудь поприличней: лучше уж на морозе околеть, чем так вот задохнуться.

Круглая физиономия Йимми расплывается в добродушной улыбке.

– Да не загоняйся, Уве! Сам видишь, какой я кабан. Нас, жирных, можно троллить по-всякому, зато, чувак, мы вырабатываем до хранища тепла!

Парване с тревогой посматривает на колышущееся жирное плечо, осторожно прикладывает ладошку к кошачьей морде. Сияет.

– Отогревается потихоньку, – ликует она, победоносно взглянув на Уве.

Уве кивает. Хочет в ответ как-нибудь подколоть ее, но вдруг ловит себя на том, что от слов ее у него камень с души свалился. Не зная, что делать с этим чувством, он поспешно хватается за телевизионный пульт, пытаясь укрыть от глаз Парване свой неожиданный душевный порыв.

Не то чтобы он беспокоился за кошака. Просто из-за Сони: вот бы она порадовалась. Вот и все.

– Пойду нагрее воды! – едва вымолвив это, Парване проскальзывает мимо Уве и уже орудует у него на кухне, хлопает дверцами шкафов.

– Ах, леший тебя забери, – ругается Уве и, отшвырнув пульт, кидается вслед за ней.

Вбежав, видит растерянную Парване – та застыла посреди кухни, в

руке – его электрочайник. Словно пораженная внезапной догадкой, словно только сейчас дотумкала. Уве впервые видит эту бабу в таком замешательстве, что ей просто нечего сказать. Кухня прибрана, посуда по полочкам, только пылью покрылась вся. Запах застоявшегося кофе, грязь на стыках и повсюду мелочи, оставшиеся от жены Уве. Ее безделушки, украшающие окно, заколка, забытая ею на сосновом столе, на холодильнике под магнитом – записка, написанная ее рукой.

И пол – весь исчерченный следами протекторов. Словно кто-то бессчетно катался туда-сюда на велосипеде. А мойка и плита заметно ниже обычного. Словно изготовлены для ребенка. Парване пялится теперь на них точь-в-точь, как пялится всякий, кто впервые заглянул к Уве. Уве не привыкать. После аварии он сам приспособил кухню. Муниципалитет в помощи, разумеется, отказал – ничего, обошелся своими силами.

Парване словно окаменела. Не глядя на нее, Уве выдергивает чайник из ее простертых рук. Неспешно наполняет водой. Втыкает в розетку.

– Я не знала, Уве... – пристыженно шепчет она.

Уве стоит спиной к ней, ссутулясь над низенькой мойкой. Парване подходит к нему, осторожно трогает за плечо:

– Прости меня, Уве. Правда. Нечего мне было вламываться к тебе на кухню без спросу.

Уве кашляет, кивает, не оборачиваясь. Сколько они так стоят, Уве не знает. Руку Парване с плеча не убирает. Пусть.

Тишину нарушает голос Йимми.

– А похавать есть чё? – кричит он из гостиной.

Плечо Уве выскальзывает из руки Парване. Мотнув головой, он поспешно смахивает что-то со щеки. Идет к холодильнику, все так же не глядя на Парване. Выходит в гостиную, сует Йимми бутерброд с колбасой – тот благодарно кудахчет. Уве становится поодаль, вид печально-серьезный.

– Ну как он? – отрывисто кивает на морду, зажатую под мышкой толстяка.

Капает талая вода, к морде, впрочем, медленно, но верно возвращаются кошачьи черты и расцветка.

– Лучше, чем было, чувак, – ржет толстяк, в один прием заглатывая бутерброд.

Уве критически смотрит на толстяка. Тот покрыт испариной, словно шмат сала, брошенный на банную каменку. Он смотрит на Уве, и во взгляде его вдруг проскакивает какая-то печальная искорка.

– Знаешь... такая... фигня вышла с твоей женой, Уве. Она мне всегда нравилась. И хавчик такой отпадный готовила.

Уве поднимает на толстяка глаза, и впервые за утро в них нет раздражения.

– Да, готовила она... вкусно, – соглашается.

Он отходит к окну, дергает для порядка за ручку. Не поворачиваясь, с нажимом водит пальцем по штапикам. На пороге кухни, обхватив руками пузо, стоит Парване.

– Пуцай остается, покуда оттает. А тогда заберешь его, – громко объявляет Уве, локтем указывая в сторону кошака.

Краем глаза замечает, как соседка сощуривается. Словно сидит за игорным столом и пытается угадать козыри соперника. От этого прищур Уве становится не по себе.

– Не, не получится, – говорит она. Потом добавляет: – У девочек... аллергия.

Уве слышит, как она запнулась перед словом «аллергия». С недоверием глядит на ее отражение в стекле. Вместо ответа поворачивается к Йимми.

– Ну, тогда ты возьмишь, – говорит толстяку.

С толстяка пот ручьями, сам весь пятнами пошел, рожа пунцовая, но на кошака смотрит с умилением. Тот уже мало-помалу шевелит огрызком хвоста и только глубже зарывается мордой в сальные закрома под мышками Йимми.

– Хочешь, чтобы я взял котэ? Сорри, чувак, не прокатит. – Йимми пожимает плечами – кошка подскакивает за ними: вверх-вниз, как на американских горках.

– Это почему? – интересуется Уве.

Толстяк, отведя кота чуть в сторону, задирает руку. Кожа под мышкой горит огнем.

– У меня типа тоже аллергия...

Парване, ойкнув, бросается к юноше, отнимает кошака, быстро заворачивает в одеяло.

– В больницу, живо! – кричит.

– Да не пускают меня больше в больницу, – ворчит Уве, не подумав хорошенько.

Скосившись на соседку, понимает, что сейчас кошка полетит в него. Уве опускает глаза и обреченно вздыхает. «Всего-то и хотел – помереть», – думает он про себя, нажимая носком на половицу. Та чуть подается. Уве смотрит на толстяка. Смотрит на кошака. Переводит взор на лужу на полу. Кивает Парване:

– Ладно уж, но только поедем на моей.

Сняв с вешалки куртку, выходит наружу. Через пару секунд просовывает голову в прихожую. Строго глядит на Парване:

– И это, по двору не поеду, потому что запреще...

Она перебивает, затараторив по-персидски. Уве не понимает ни слова, но тирада тем не менее кажется ему слишком театральной. Закутав кошака в одеяло, соседка идет мимо Уве, выходит на заснеженный двор.

– Правила есть правила, вот и весь сказ, – строго кидает Уве вдогонку соседке, которая направляется к гаражам. Та не отвечает.

Уве поворачивается к Йимми. Наказывает:

– А ты надень майку. Иначе на километр тебя к «саабу» не подпущу. Понял?

Парване оплачивает парковку у больницы. Уве предпочитает не спорить.

18. Уве и кот Эрнест

Уве не питал какой-то особой неприязни к этому коту. Отнюдь. Просто не любил их брата в принципе. Никогда не знаешь, какой фортель кошки выкинут в следующий момент, а потому он никогда не доверял им. Особенно таким мордоворотам, как Эрнест, – величиной с мопед. С первого взгляда мудрено даже понять, что за зверь перед вами: то ли кот-переросток, то ли лев-недомерок. И не знаешь наперед: проснешься ли наутро или эта тварь сожрет тебя (а она может, если захочет). Какая уж тут может быть дружба? – такова была жизненная позиция Уве.

Соня же любила Эрнеста безоговорочно, так что Уве научился держать свои резоны при себе. В разговорах он никогда не задевал тех, кого она любила, – уж кому-кому, а ему было прекрасно известно, каково это – полюбиться ей, когда все вокруг только разводят руками в недоумении. А потому они с Эрнестом кое-как притерпелись друг к другу, приноровились ладить между собой (не считая того случая, когда Эрнест цапнул Уве, севшего ему на хвост, мирно покоившийся на табуретке) в те дни, когда Уве бывал в лесной избушке. Ну, или, по крайней мере, старались не мозолить друг другу глаза. Так же общался Уве и с отцом Сони.

И даже если Уве считал, что негоже кошаку, будь он неладен, сидеть на одной табуретке, а хвост положить на другую, с безобразием этим приходилось мириться. Ради Сони.

Рыбачить Уве так и не научился. Зато за две осени, минувшие с той поры, как Соня привела его в лесную избушку, крыша не протекла ни разу – впервые за время существования дома. И грузовик заводился, стоило только повернуть ключ. Сонин отец, понятно, не расточал ему за это благодарностей. Однако ни разу не обозвал Уве «городским». Что в данном случае служило знаком чуть ли не наивысшего расположения.

Так минули две весны. И два лета. А на третье, холодной июньской ночью, старик скончался. Никогда еще Уве не видел, чтобы кто-то рыдал

так безутешно, как рыдала Соня. Первые дни почти не вставала с постели. Уве, даром что столько смертей повидал на своем веку, и тот не знал, как быть со столь неутешным горем, а потому просто неприкаянно бродил по кухне, пристроенной к лесной избушке. Зашел пастор из деревенской церкви, поговорили насчет похорон.

– Справный был мужик, – коротко сказал священник и показал на висящую на стене фотографию, на которой старик сидел с Соней.

Уве кивнул. Да и что бы он мог прибавить? А потому вышел во двор – посмотреть, не надо ли чего в грузовике подкрутить.

На четвертый день Соня встала с постели и принялась мести избу – да с таким остервенением, что Уве старался не попадаться ей на глаза – так всякий благоразумный человек прячется от надвигающегося смерча. Он целыми днями пропадал во дворе, выискивая себе занятия. Поправил дровяной сарай, завалившийся от весенних бурь. Потом несколько дней колот дрова, пока не набил сарай под самую крышу. Косил траву. Обкорнал ветки, залезшие из лесу на участок. Вечером шестого дня позвонили из бакалейной лавки.

Вслух все, конечно, сказали, мол, несчастный случай. Однако никто из знавших Эрнеста в жизни не поверил бы, что этот кот мог угодить под колеса случайно. На то оно и живое существо: каких только глупостей не наделает с горя.

Ночными проселками Уве мчал так, как ни до, ни после того. Всю дорогу Соня держала здоровенную башку Эрнеста в своих ладошках. Когда добрались до ветеринара, кот еще дышал, но раны были слишком велики, и слишком много крови он потерял.

Два часа она сидела подле него на коленях в операционной, а тогда поцеловала в мощный лоб, шепнув: «Прощай, котик, любимый мой Эрнестик!» И добавила – слова эти выплыли из ее уст, словно укутанные облачком: «И ты, папочка, любимый мой, прощай!»

И тут кот закрыл глаза и умер.

А Соня, выйдя из лечебницы, уткнулась лбом в широкую грудь Уве.

– Я так тоскую, милый! Словно у меня сердце вынули из груди.

Долгонько стояли они так, держа друг дружку за руки. Наконец она подняла на него глаза, сказала очень серьезно:

– Обещай теперь любить меня вдвое сильнее прежнего.

И Уве пообещал. Хотя прекрасно знал, что любить сильнее, чем любит сейчас, просто невозможно.

Они похоронили Эрнеста на берегу ручья – там, где кот рыбачил вместе со стариком. Пришел пастор, сказал прощальное слово. А затем Уве,

покидав пожитки в «сааб», повез Соню неезженными тропами – она сидела, склонив головку к его плечу. Они возвращались в город, по пути Уве остановился в ближайшем торговом центре. У Сони была назначена встреча. С кем – Уве не знал. И это была та черта, которую Соня ценила в нем превыше прочих (как признавалась сама Соня много лет спустя). Кто еще согласился бы прождать ее в машине битый час, не спрашивая ни о чем и не проявляя никаких признаков нетерпения? Не то чтобы Уве никогда не роптал – роптал так, аж небесам было тошно. Особенно если приходилось раскошеливаться за парковку. Но ни разу не спросил, где она была. И всегда ждал.

И вот наконец Соня вышла. Вышла и села, бесшумно затворив дверцу «сааба» – научилась не хлопать ею, чтобы Уве не глядел на нее каждый раз, словно она бьет живое существо, – и бережно вложила свою ручку в его ладонь.

– Похоже, нам придется купить дом, Уве, – сказала ласково.

– На что нам дом? – удивился Уве.

– Детям нужно расти в собственном доме, – ответила она и бережно приложила его ладонь к своему животу.

Тут Уве надолго потерял дар речи. Хотя и так не был особо словоохотлив. Задумчиво вперился в ее живот, точно ожидая, что над ним вот-вот взвьется какое-нибудь знамя. Наконец, не дождавшись, уселся поудобнее, крутанул колесо настройки радиоприемника до половины оборота, вернул в исходное положение. Поправил зеркала заднего вида. Кивнул деловито:

– Что ж, тогда, стало быть, придется брать комби.

19. Уве и обмороженный драный кошак

Уве смотрит на кошака. Кошак смотрит на Уве. Уве не любит кошаков. А кошки не любят Уве. Уве в курсе. Даже Эрнест и тот не любил Уве, а уж Уве и подавно не любил Эрнеста, хотя и считал его наименее вредным из всех кошаков, встретившихся ему на жизненном пути.

Этот же спиногрыз, как ни крути, ни капельки не похож на Эрнеста, заключает Уве. Разве только самодовольной харей, ну да это сущность всей их породы, предполагает Уве. А так экземпляр весьма мелкотравчатый и тощий, больше смахивает на крупную крысу. К тому же за ночь шкурка его полысела еще больше. Хотя, казалось бы, куда уж плешивей.

– Да не уживаюсь я с кошаками, пойми ты, женщина! – целый вечер уговаривал Уве Парване.

А под конец вообще накричал, сказал – ни за что не возьму, только через мой труп.

И нате – Уве стоит и смотрит на кошака. А кошак – на него. Причем Уве и близко не напоминает труп. Последнее особенно раздражает.

Раз шесть за ночь Уве просыпался оттого, что кошак, весьма бесцеремонно запрыгнув к нему в постель, пытался прикорнуть у него под боком. И Уве всякий раз, как бы ненароком, спихивал его ногой на пол.

А когда Уве встает, без пятнадцати шесть, кот уже расселся посреди кухни, скрививши морду так, будто Уве задолжал ему денег. На эту наглость Уве отвечает взглядом, исполненным подозрительности, – словно кошак позвонил ему в дверь и с Новым Заветом в лапах начал выпытывать, готов ли Уве «впустить Христа в свою жизнь».

– Жрать небось хочешь, – выдавливают Уве наконец.

Кошак не отвечает. Только подгрызает остатки шерстки на пузе да самозабвенно вылизывает подушечку на лапе.

– Шалишь, нам тут попрошаек не надо, чай, не айтишники, ишь, губы-то раскатал, – добавляет Уве и строго тычет пальцем в кошака на случай, если тот не понял, к кому обращаются.

Кошак глядит с издевкой, будто вот-вот надует в ответ розовый пузырь бабл-гама.

Уве подходит к столешнице. Ставит кофе. Смотрит на часы. Парване, после того как отвезли в больницу Йимми, насилу вызвонила какого-то приятеля, ветеринара или вроде того. Тот пришел, осмотрел кота, поставил диагноз – «серьезное обморожение и сильное истощение». И оставил Уве подробные инструкции, как кормить да как «ухаживать». Прямо не кот, а кожаный диван. А Уве – фирма по ремонту котов.

Уве так прямо и заявляет кошаку:

– Я тебе не кошачий ремонт!

Кот молчит.

– Просто связываться с брюхатыми склочницами неохота, а так – остался бы ты тут, жди, – поясняет Уве, кивая в сторону гостиной, на окошко, в котором виднеется дом Парване.

Кошак меж тем вылизывается, чуть не доставая языком до глаза.

Уве вынимает четыре носочка. Это ветеринар для кошки выдал. Сказал: тому сейчас главное – побольше двигаться. Ну, тут-то Уве поможет, даже с радостью. Чем дальше кошачьи когти – тем целее обои, рассуждает Уве.

– На, надевай да пошли. А то я припозднился.

Кошак встает с самым вальяжным видом и шествует к выходу. Вышагивает, точно кинозвезда по красной дорожке. Сперва смотрит на носки с недоверием, после все же уступает, если и артачится немного, то лишь в ответ на бесцеремонность, с которой Уве спешит напялить на него эту кошачью обувь. Насилу управившись, Уве встает, смотрит сверху, что вышло. Качает головой:

– Кот в носках! Вот ведь извращенцы, елки-мotalки. Тьфу!

Кошак же, напротив, с любопытством изучив свой новый прикид, вдруг приходит в неопиcуемый восторг, страшно довольный собой. Осталось только сфоткать себя да выложить свои луки в инстаграм. Напялив синюю куртку, Уве сует руки в карманы, кивает на дверь:

– Хорош уже фотомодель из себя корчить, так никакого утра не хватит. А ну, марш на двор!

Так Уве впервые в жизни выходит инспектировать двор не один, но с товарищем. Пинает столбик с табличкой, запрещающей проезд по территории поселка. Без обиняков указывает на другой знак, пониже, – он установлен на газоне чуть подальше, если пройти вперед по дорожке, – только макушка торчит из сугроба. Там написано: «Выгул домашних животных на территории запрещен». Знак этот поставил сам Уве, ну, когда

еще председательствовал в жилтовариществе, и теперь сурово доводит этот факт до сведения кошки.

– Ну, при мне-то хотя бы порядок был, – добавляет Уве и топает дальше, к гаражам.

Кота же, похоже, больше занимает вопрос, что бы еще такое пометить.

Уве подходит к воротам своего гаража, дергает за ручку. Затем инспектирует мусорку и велосипедный загон. Следом выступает кошка, морда кирпичом, точно он и не кот, а как минимум ротвейлер весом в шестьдесят кило, состоящий на службе у наркоконтроля. Уве начинает подозревать, что именно за такое безрассудство кошка поплатилась хвостом и доброй половиной шкуры. Когда же напарник с неподдельным интересом принюхивается к ароматам, идущим от мешков с пищевыми отходами, Уве грубо отпихивает животное ногой, спроваживая за воротца мусорки.

– А ну, кыш, говно мне всякое жрать будешь!

Кот сердито зыркает, но не отвечает. Уве поворачивается к нему спиной, кошка идет напрямиком на газон и дует на знак, торчащий из сугроба.

Уве специально заглядывает на крайний двор. У дома Руны и Аниты поднимает окурок. Перекатывает пальцами. Этот чинуша на «шкоде» разъезжает по территории, будто все тут купил. Выругавшись, Уве сует бычок в карман.

Вернувшись домой, Уве открывает банку тунца, ставит на кухонный пол.

– Да уж, ежели тебя голодом уморить, тут такой хай поднимется!

Кошка трескает прямо из банки. Уве пьет кофе стоя. После еды Уве отправляет чашку с банкой в мойку и, тщательно вымыв, ставит сушиться. Кошка удивляется, словно хочет спросит – зачем банку-то сушить, – но от вопроса удерживается.

– У меня еще дел невпроворот, нечего дома штаны просиживать, – управившись с посудой, говорит Уве.

И хотя сожительство с мелкотравчатой скотиной навязано Уве совершенно против его собственной воли, но не оставлять же дом на растерзание одичалой зверюге, будь она неладна. Стало быть, надо взять ее с собой. Несмотря на разногласия, тотчас возникшие относительно того, как разместить кота на переднем сиденье «сааба» – на газетке или без. Первоначально Уве сажает кошку задницей на два листа с новостями шоу-бизнеса. Кошка, гадливо передернувшись, тотчас сбрасывает задними лапами эту мерзость на пол и укладывается поудобней на мягкой сидухе.

Тогда Уве берет кота за шкурку, встряхивает хорошенько (кот шипит, и шипит весьма не вяло, а очень даже свирепо) и подкладывает под него три слоя культурных заметок и книжных рецензий. Кошак, пока Уве опускает его, смотрит лютым зверем, но, опустившись, неожиданно смиряется, тихонько сучает на газете, с едва заметным презрением смотрит в окно. Впрочем, Уве рано торжествует, когда, довольно кивнув, включает первую скорость и выезжает из поселка на широкую дорогу. Едва они успевают отъехать, как кошак медленно и демонстративно проводит тремя когтями по газетной полосе. Выдрав огромный клочок, просовывает лапы сквозь газету, ставит их на сиденье. Ехидно смотрит на Уве, будто спрашивает: «Ну и что ТЕПЕРЬ делать будешь?»

Уве бьет по тормозам, кошак в ужасе влетает мордой в приборную доску. Теперь уже Уве смотрит, будто отвечает: «А ВОТ ЧТО!» После такого кошак всю дорогу смотреть не хочет на Уве, забившись в самый угол сиденья, и с видом, полным ушибленного достоинства, трет лапкой пострадавший нос. Когда же Уве выходит купить цветов, мстит, обильно слюнявя и руль, и ремень, и обивку водительской дверцы.

Вернувшись, Уве видит, что машина вся в кошачьих слюнях. Гневно машет у кота под носом указательным пальцем, точно кривой саблей. Кот, не будь дурак, хватить его за кривую саблю. После такого Уве всю дорогу не хочет разговаривать с кошаком.

Приехав на кладбище, Уве, наученный горьким опытом, предусмотрительно сворачивает остаток газеты в трубочку и безжалостно выгоняет животину из машины. Достает из багажника цветы, запирает машину, обходит ее кругом, проверяя каждую дверь. Кошак сидит на земле и наблюдает за ним. Уве шагает мимо, будто не замечая.

Затем оба поднимаются на кладбищенский холм по смерзшейся щебенке. Сворачивают в нужном месте, пробираются по снегу, наконец становятся перед Сониной могилой. Уве ладонью сметает порошу с камня, легонько потрясает букетом.

– Вишь, веник какой тебе принес, – бормочет он. – Розовые. Как ты любишь. В цветочном сказали, померзнут, да они всегда так говорят – лишь бы всучить что подороже.

Кот усаживается задницей в снег. Уве строго смотрит – сперва на кошака, потом на могилку.

– А, да... Вот еще чума на мою голову. Кошака вот пришлось приютить. А то бы дуба дал прямо у нас под домом.

Кошак смотрит как будто с обидой. Уве прочищает горло.

– Ну, по крайней мере, мне так показалось, – словно оправдывается

Уве, кивает сперва на кота, потом на могилку. – А то, что облезлый малость, так я тут ни при чем. Уже был такой, – прибавляет он для Сони.

Камень и кот сосредоточенно молчат друг против друга. Уве тем временем разглядывает носки своих башмаков. Кряхтит. Опускается одним коленом на землю, чистит камень от снега. Бережно дотрагивается до камня.

– Я скучаю по тебе, – шепчет.

Капелька, блеснув, тут же гаснет в уголке его глаза. Рука вдруг нащупывает что-то мягкое. Уве не сразу понимает: это кот бережно положил морду ему на ладонь.

20. Уве и интервент в белой рубашке

Добрых двадцать минут Уве сидит в «саабе» на водительском сиденье, гаражные двери распахнуты настежь. Первые пять минут кот с беспокойством посматривает с соседнего сиденья: а не цапнуть ли водителя за ухо? Следующие пять минут уже ерзает, не на шутку встревоженный. Потом, встрепенувшись, пытается самостоятельно открыть дверь. Когда же выбраться не получается, кот, недолго думая, укладывается обратно и засыпает.

Уве бросает взгляд на кошака – тот уже похрапывает, свернувшись калачиком. Вот бы у кого поучиться – как не мудрствуя лукаво выходить из затруднений. Дока!

Уве переводит взгляд на стоянку. На гараж напротив. Сколько раз – должно быть, сотни – сходились они с Руне возле того гаража. Ведь дружили же. По пальцам можно пересчитать тех, кого Уве мог бы назвать своим другом. Уве с женой первыми въехали в таунхаусный поселок, и не упомянуть, сколько годков тому назад. Только-только построенный, кругом еще росли деревья. А на другой день заселился Руне со своей Анитой. Анита тоже ждала ребенка. На этой почве Соня и Анита, ясное дело, вскорости стали не разлей вода, подружались настолько крепко, насколько только возможно сойтись двум женщинам. И как все лучшие подружки, они, естественно, тут же придумали подружить и Уве с Руне. У тех ведь столько «общих интересов». Уве вообще не мог понять этой дурацкой затеи. Дружить? С Руне? Который ездит на «вольво»?

Не то чтобы Уве имел против Руне что-то еще. Мужик работающий, основательный, не трепло, не помело. Ездит, правда, на «вольво», что да, то да, но, как справедливо заметила супружница, одного этого недостаточно, чтобы считать его полным придурком. И Уве кое-как смирился с существованием Руне. Дальше больше – позволил тому пользоваться своими инструментами. И вот в один прекрасный вечер они сошлись на стоянке и, заложив большие пальцы рук за ремни, стали обсуждать цены на газонокосилки. А расходясь, уже пожали друг другу руки. Деловито так, словно не подружиться решили, а заключили контракт.

Прослышав, что в скором времени в четыре соседних таунхауса нагрянет толпа самого разношерстного народа, срочно собрались на кухне у Уве и Сони и стали держать совет. А когда вышли, на руках у них уже были готовые правила поведения на территории поселка, таблички с предписаниями, что можно, а чего нельзя, и новоиспеченный устав правления жилищного товарищества. Уве выбрали председателем, Руне – замом.

В последующие месяцы даже на свалку ездили вдвоем. Вдвоем же распекали соседей, что те ставят где попало свои колымаги. Вдвоем уламывали красильщика уступить подешевле фасадную краску, вдвоем ругались с жестянщиком, сбивая цену на водосточные трубы. С обоих боков обступили монтера, когда тот пришел прокладывать кабель и устанавливать розетки, с обеих сторон строго объясняли, как и что ему делать. Оба смутно представляли, как тянуть телефонный кабель, зато прекрасно знали: если недобдеть, ушлые телефонисты обязательно на чем-нибудь да объегорят. Как пить дать.

Бывало, обе четы собирались поужинать вместе. Поужинать – это, правда, громко сказано. Большую часть вечера Уве и Руне коротали на стоянке: обстукивали шины любимых драндулетов, сравнивали объемы багажников, богатство частот на радиоприемниках и прочие немаловажные мелочи. Но тем не менее.

Животы у жен тем временем неуклонно росли, отчего Анита, по выражению Руне, перестала «дружить с головой». Когда беременность ее перевалила на четвертый месяц, Руне, открывая холодильник, практически каждый день доставал оттуда кофейник. Сонечка же стала непредсказуема, как смерч: слетала с катушек быстрее, чем вышибают двери таверны в вестернах с Джоном Уэйном, – Уве, страшась этих бурь, старался вообще не раскрывать рта. А это, конечно же, бесило ее еще пуще. А она не потеет, так мерзнет. Когда же Уве, устав препираться с ней, отправлялся к батареям подбавить толику тепла, ей вдруг снова жарко. А ему опять бегай, подкручивай обратно. Еще бананы – она поглощала их такими дозами, что продавщицы в супермаркете только диву давались: не завел ли Уве, часом, домашний зверинец, больно уж к ним зачастил.

– Гормоны пляшут, – глубокомысленно изрек Руне как-то вечером, когда они с Уве сидели у того во двореке за домом, тогда как супруги их трещали на кухне у Уве и Сони, обсуждая свои бабьи дела.

Еще Руне поведал, как давеча Анита, слушая транзистор, вдруг разрыдалась из-за того, что «уж больно песенка была задумевная».

– Чего? Песенка? – переспросил Уве.

– Ага, задушевная песенка, – подтвердил Руне.

Синхронно покачав головами, оба вперились в вечернюю мглу. Помолчали.

– Пора траву стричь, – наконец сказал Руне.

– А я как раз нож для газонокосилки купил, – ответил Уве.

– За сколько? – поинтересовался Руне.

Так вот и общались.

По вечерам Соня ставила музыку для беременных – утверждала, что под нее малыш лучше ворочается в утробе. Уве, усевшись в кресло, притворялся, будто смотрит телевизор, сам же с некоторым сомнением наблюдал, как жена слушает музыку. Оставшись наедине со своими мыслями, он мучился вопросом: что будет, когда ребеночек наконец надумает вылезти наружу. Что будет, если он, к примеру, невзлюбит Уве за то, что тот не особо уважает музыку?

Не то чтобы Уве боялся этого. Нет, он просто не знал, как лучше подготовиться к роли отца. Даже спросил, нет ли какого-нибудь специального руководства или инструкции. Соня в ответ лишь посмеялась над ним. Он не понимал почему. Есть же инструкции для всего прочего?

Уве сомневался, годится ли он хоть в чьи-то отцы. Он и детей-то не особо любил. Да и сам ребенком был никудышным. Соня посоветовала спросить об этом Руне – мол, у него та же ситуация. В каком смысле та же, не понял Уве. Не Руне же его ребенка воспитывать будет, у Руне свой ребенок будет, совсем другой.

Ну, Руне, тот, по крайней мере, согласился с Уве в том, что обсуждать тут особо нечего, и то хлеб. Так что, когда вечером Анита заглядывала к ним на кухню, чтобы на пару с Соней поохать, где у них чего болит, Уве и Руне уходили в сарай, дескать, надо кое-чего обсудить, и простаивали там, молча перебирая молотки и рубанки Уве.

Проведя так за закрытой дверью сарая три вечера кряду и не зная, куда себя деть, мужчины решили, что неплохо бы найти себе какое-нибудь дело, а то как бы новые соседи про них «чего не подумали».

Уве согласился – так, пожалуй что, будет лучше. Ну и нашли себе дело. За работой больше помалкивали, но чертили сообща и углы обмеряли тоже сообща, чтоб ничего не запороть. И вот однажды ближе к ночи – Анита с Соней были уже на четвертом месяце – в обеих детских встало по кроватке лазоревого цвета.

– Можно зашкурить и в розовый перекрасить, если девчонка родится, – проямлил Уве, показывая Соне кроватку.

Соня кинулась к нему на шею, и Уве почувствовал, как шея стала

мокрой от слез. Бестолковые эти гормоны, что тут сказать.

– Скажи, что хочешь, чтоб я вышла за тебя замуж, – шепнула она.

Ну, замуж так замуж. Расписались в ратуше, без затей. Родных не осталось – ни у него, ни у нее, так что на свадьбу к ним пришли только Руне с Анитой. Соня и Уве обменялись кольцами, а потом вчетвером отправились в ресторан. Платил Уве, но Руне помогал – проверил, не накрутили ли счет – «чтоб комар носу не подточил». Комару, надо признать, этого так и не удалось. Битый час рядились они с официантом, уговаривая для его же пользы вполтину скинуть итоговую сумму, не то пожалуются «куда следует». Правда, пока мужчины еще сами не понимали, куда именно, на что именно и надо ли вообще, однако официант, хотя был стойкий малый, в конце концов сдался – убежал на кухню и долго выписывал новый квиток, отчаянно жестикулируя и бранясь. А Руне и Уве ехидно переглядывались, даром что жены, по своему обыкновению, уж двадцать минут как уехали на такси.

Уве кивает про себя, глядя из «сааба» на гараж Руне. Трудно вспомнить, когда в последний раз открывались эти ворота. Уве выключает «сааб», шпыняет кота, от тычка тот просыпается, вскакивает.

– Уве! – слышится незнакомый голос.

В проем просовывается голова: голос, очевидно, принадлежит ей. И голова, и голос принадлежат женщине лет сорока пяти, на ней потертые джинсы и «аляска» лягушачьего цвета не по росту. Лицо ненакрашенное, волосы убраны в конский хвост. Женщина без лишней робости заходит в гараж, с любопытством озирается по сторонам. Кошак, выступив вперед, шипит для острастки. Женщина останавливается. Уве сует руки в карманы.

– Чего?

– Уве? – повторяет она наигранно бодрым тоном, точно скаут, который, постучавшись в дом обывателя, не хочет выдать с порога, что на самом деле постучался единственно ради того, чтоб впарить ему свои печеньки.

– Мне ничего не нужно, – отвечает он и кивком указывает гостье на ворота гаража, ясно давая понять: других дверей тут нет, проваливай, милая, отсюда через ту же, в которую вошла.

А ей хоть бы хны.

– Я Лена. Журналистка. Из местной газеты. Я... – Она протягивает руку.

Уве смотрит на руку. Смотрит на журналистку.

– Мне ничего не нужно, – повторяет он.

– А? – не понимает она.

– Ну, вы ж на газету подписать меня хотите. Мне не надо.

Она в изумлении:

– Да... То есть нет... Не подписать. Написать. Я журналистка, – нарочито выговаривает она каждый слог, налегая на согласные – избитый приемчик журналистов, которые почему-то думают, что если другой человек не понял их с первого раза, то лишь потому, что плохо слышит.

– Понятно, но мне все равно ничего не надо, – отвечает Уве, выставя ее наружу.

– Но мне надо поговорить с вами, Уве! – упирается она, пытаясь протиснуться внутрь.

Уве отмахивается обеими руками. Как бы трясся перед ее носом невидимым дверным ковриком, чтобы спровадить.

– Вчера на станции вы спасли человека! Я пришла взять у вас интервью, – с жаром начинает она.

И хочет продолжить, как вдруг замечает, что Уве ее не слушает. Взгляд его переключается на что-то позади нее. Зрачки сузились.

– Вот сволочь! – бормочет он.

– Я хотела узнать, как вы... – пытается спросить она, но Уве уже протиснулся наружу и бросается в погоню за белой «шкодой», которая, обогнув парковку, едет в сторону домов.

Нагнав машину, Уве принимается барабанить по стеклу – женщина в очках, сидящая справа от водителя, от неожиданности подбрасывает свои папки – бумажки вываливаются ей на голову. Водитель в белой рубашке, напротив, бровью не ведет. Опускает стекло.

– Что такое? – спрашивает.

– По территории ездить запрещено, – клокочет Уве, поочередно указывая вытянутой рукой на дома, на «шкodu», на белую рубашку, на стоянку. – Для машин у нас есть с-т-о-я-н-к-а!

Белая рубашка смотрит на дома. Потом на стоянку. Потом на Уве.

– У меня есть разрешение муниципалитета подъезжать к самому дому. Так что будьте любезны отойти в сторонку.

Опешив от такой наглости, Уве растерянно ищет что ответить, но в голову не лезет ничего, кроме ругани. Белая рубашка тем временем достает из бардачка сигаретную пачку и легонько стучит ею о колено.

– Поберегитесь, будьте добры, – предупреждает он Уве.

– Да что тебе тут надо? – бросает тот в ответ.

– А это вас не касается, – отвечает чиновник в белой рубашке механическим голосом, словно автоответчик, сообщая Уве, сколько тому еще томиться в ожидании ответа телефонного оператора.

Вытянув из пачки сигарету, чиновник сует ее в уголок рта, закуривает. Уве надсадно дышит, грудь под курткой ходит ходуном. Женщина, собрав свои папки и бумажки, поправляет очки. Белая рубашка вздыхает, смотрит на Уве как на сорванца, который никак не хочет убраться со своим скейтбордом с тротуара.

– Сами ведь знаете, зачем мы приехали. В крайний дом, чтобы пристроить Руне.

Рука, просунувшись в окошко, стряхивает пепел о зеркало «шкоды».

– Пристроить? – переспрашивает Уве.

– Ну да, – равнодушно кивает белая рубашка.

– А как же Анита, вдруг она против? – фыркает Уве, стукнув указательным пальцем по крыше машины.

Покосившись на сидящую справа женщину в очках, белая рубашка снисходительно ухмыляется. Поворачивается к Уве и поясняет медленно-медленно. Как для тупых.

– Это не Анита решает. А комиссия.

Дыхание перехватывает все сильнее. Сердце бьется уже где-то в горле.

– Я вас не пущу, на машине нельзя, – рычит Уве сквозь стиснутые зубы.

Кулаки к бою. В голосе сталь. Но человек в белой рубашке невозмутим. Спокойно гасит сигаретку о лакированный бок машины, кидает бычок на землю.

Словно все, что сказал сейчас Уве, – это несвязный лепет старого маразматика.

– Интересно, как же это вы меня не пустите? А, Уве? – спрашивает чинуша наконец.

Имя, сорвавшись с его уст, ударяет Уве под дых. Уве скрючивается вопросительным знаком, разинув рот и блуждая взглядом по капоту.

– Откуда ты знаешь, как меня звать?

– Да я много чего про вас знаю, – говорит чинуша.

Уве едва успевает убрать ногу из-под колес – резко тронувшись, «шкода» продолжает путь в сторону домов.

– Это кто такой? – спрашивает журналистка в «аляске» у него за спиной.

Уве оборачивается.

– А ты откуда знаешь, как меня зовут? – подступает он к ней, требуя немедленного ответа.

Та, попятившись и убрав прядь со лба, неотрывно смотрит на сжатые кулаки.

– Я в местной газете работаю... Мы беседовали с людьми, которые были на перроне, когда вы спасли того мужчину...

– Как ты узнала мое имя? – Голос Уве дрожит от гнева.

– Вы заплатили за билет банковской карточкой. По кассовому чеку я пробила ваши реквизиты, – отвечает она, попятившись еще на шаг.

– А он!!! ОН как узнал мое имя? – ревет Уве, махнув туда, куда укатила «школа». Жилы на лбу его вздуваются, точно черви под барабанной шкурой.

– Я... Я не знаю, – лепечет она.

Уве яростно сопит и буравит ее взглядом. Словно пытается поймать на лжи.

– Понятия не имею, я его вообще впервые вижу, – клянется она.

Уве еще суровее сверлит ее взглядом. Наконец сухо кивает. Развернувшись, шагает к своему дому. Она зовет его, он не отзывается. Следом за ним в дом вбегает кошка. Уве закрывает дверь. Тем временем на краю улицы чиновник в белой рубашке и женщина в очках на носу и с папками в руках звонят в двери Аниты и Руны.

Уве опускается на табуретку в прихожей. Его трясет. Отвык, подзабыл он это чувство. Обиды. Унижения. Беспомощности. Бессмысленности борьбы с людьми с белых рубашках.

Они вернулись. Их тут не было с тех пор, как он привез из Испании Соню. После аварии.

21. Уве и испанец по имени Шоссе

Ехать автобусом – это, разумеется, была ее идея. Уве вообще не понимал, зачем ей это нужно. Раз уж приспичило тащиться куда-то, могли бы поехать на «саабе». Однако Соня так настаивала, что на автобусе «так романтично», стало быть, это ужасно важно для нее, смекнул Уве. Ну, автобусом так автобусом. И плевать, что у них там в Испании, похоже, все сплошь шепелявые, знай играют иностранную музыку по ресторанам да заваливаются спать среди бела дня. А еще, пока ехали туда, народ в автобусе как сел спозаранку, так давай накачивать себя пивом – шапито на выезде, да и только.

Уве держался, сколько мог – боялся прельститься этими радостями. Но Соня так самозабвенно окунулась в них, что в конце концов заразила и его. Когда он обнимал ее, она смеялась так задорно, что смех передавался каждой клеточке его тела. И он не устоял.

Они остановились в махонькой гостинице, с махоньким бассейном, с махоньким рестораном, и заправлял всем этим махоньким хозяйством махонький человек по имени... что-то вроде «шоссе». При этом писалось оно José, но, как понял Уве, у них там в Испании с произношением не очень заморачиваются. Хотя по-шведски этот Шоссе не знал ни слова, он страсть как любил покалякать с постояльцами. Соня раз за разом лезла в разговорник, отыскивая там, как по-испански будет то «закат», то «окорок». Уве же думал про себя, что хамон – все одно свиная задница, зови ее хоть по-испански, хоть еще по-каковски, но вслух не говорил, помалкивал.

Зато увещевал Соню не подавать милостыню уличным попрошайкам (все одно на выпивку изведут). Но та все-таки подавала.

– Да пусть изводят на что хотят, – пожимала она плечами.

И если Уве начинал возмущаться, она с улыбкой брала его за руки и принималась целовать огромные ладони.

– Уве, блажен не тот, кто принимает подаяние. Блажен, кто подает.

На третий день Соня улеглась спать после обеда. Дескать, в Испании так принято, заявила она, ведь нужно соблюдать обычаи той страны, куда приехал. Уве, понятное дело, заподозрил, что дело тут вовсе не в обычае – просто нашла предлог, чтобы покемарить лишний час. Забеременев, Соня спала по шестнадцать часов в сутки. Точно щенок, а не жена.

Пока она спала, Уве отправился гулять. Проселком – из гостиницы в деревню. Дома-то все каменные, отметил он про себя. Сколько окон – хоть бы на одном наличники путные. Порог – и тот не у каждого дома. Уве это показалось дикостью. Ну кто так строит, леший вас забодай!

Возвращаясь в гостиницу, Уве набрел на этого Шоссе – тот копался под капотом махонькой коричневой машинки, дымившейся на обочине. В машинке сидели дети – двое – да какая-то старушка в платке. Старушка выглядела не шибко здоровой.

Пресловутый Шоссе, едва завидя Уве, замахал изо всех сил, по глазам было видно, что напуган до жути. «Сеннио-о-ор!» – возопил он, обращаясь к Уве, – этим словом он всегда приветствовал его, с тех пор как Уве заехал в гостиницу. Видимо, так будет «Уве» по-испански, предположил Уве (надо бы справиться в Сонином разговорнике). Шоссе то воздевал руки к машинке, то отчаянно жестикулировал, обращаясь к Уве. Сунув руки в карманы, Уве остановился на почтительном расстоянии и стал ждать, что будет дальше.

«Оспиталь!» – закричал Шоссе, показывая на старушку в машине. Та, похоже, совсем плоха. А Шоссе знай тычет то в ее сторону, то на дымящийся капот и все причитает: «Оспиталь! Оспиталь!» Уве с важным видом глядит на эту свистопляску, после чего делает вывод, что, вероятно, «оспиталь» – марка вот этой дымящейся развалюхи.

Нагибается к мотору, глядит. Вроде ничего сложного.

– Оспиталь! – повторил Шоссе и закивал.

Уве не знал, что ответить. Но, очевидно, им в Испании эта автомобильная марка чем-то особенно дорога, и Уве невольно проникся гордостью испанца. А потому отозвался:

– «С-а-а-б», – демонстративно хлопнув себя по груди.

Шоссе вопросительно уставился на него. Потом ткнул в грудь себя:

– Шоссе.

– Да я, блин, не про имя спросил, я... – начал было Уве, но осекся, едва увидел пустой, как поверхность пруда, взгляд с той стороны ветрового стекла.

Этот Шоссе, кажется, знал по-шведски еще хуже, чем Уве по-испански. Вздохнув, Уве озадаченно посмотрел на перепуганных детишек

на заднем сиденье. Те держали старушку за руки. Уве вернулся к мотору.

Засучив рукава, жестом попросил этого Шоссе подвинуться.

Соня, как ни заглядывала в свой разговорник, так и не добилаь от Шоссе, отчего всю оставшуюся неделю он бесплатно кормил их с Уве в своем ресторанчике. Но всякий раз заливалась смехом, видя, как испанец, хозяин ресторанчика, при виде Уве расцветает и, протягивая к нему руки, восклицает: «Сеньор Сааб!!!»

Так и повелось: после обеда она спала, а Уве изучал окрестности. На другой день, проходя мимо мужика, который как раз городил забор, Уве остановился и заметил: разве так заборы ставят! Испанец не понял ни бельмеса – вот Уве и решил, что быстрее будет показать, чем объяснить. На третий день на пару с сельским дьяконом они выложили стену одной из церковных пристроек. На четвертый Уве пошел за этим Шоссе на выгон помогать одному его приятелю вытаскивать клячу, угодившую в тинистую канаву.

Годы спустя Соня возьми да начни допытываться у Уве, что тот делал, пока она спала. А выпытав, долго-долго качала головой от изумления: «Так ты, покамест я дрыхла, – людям в нужде помогал... заборы строил? Пусть говорят кто что хочет, Уве. Но по мне, ты самый чудной супергерой из всех, о ком я только слыхала».

Когда они собрались из Испании в обратный путь, в автобусе Соня все прикладывала руку Уве к своему животу, и Уве впервые почувствовал, как колготит своими ножками ребенок. Еле-еле, словно сквозь ватную прихватку, ощущал слабые толчки. Часами сидели они с женой, слушая это глухое биение. Уве ничего не говорил, но украдкой (Соня заметила) утирал глаза тыльной стороной ладони, наконец, не выдержав, вскочил с кресла и умчался со словами «в сортир надо».

Так кончилась счастливейшая неделя в его жизни.

И наступила самая страшная.

22. Уве и говорящий гараж

Уве с кошаком, прижухшие, сидят в «саабе», который стоит на грузовой эстакаде недалеко от входа в больницу.

– Кончай смотреть на меня так, будто это я виноват, – говорит Уве кошаку.

Кошак смотрит в ответ – он не сердится, скорее расстроен. Уве уныло таращится в окошко. Что ж, он в таких же расстроенных чувствах.

Никто ведь и не собирался, снова здорово, торчать перед этой больницей. Чтоб им пусто было, этим больницам, в третий раз за неделю притащились сюда, леший их забодай. Но разве у него был выбор? Нет, со всей честностью Уве признает, что торчат они тут из-за самого подлого шантажа.

С самого утра день пошел сикось-накось.

* * *

А началось все с ежедневного обхода, когда Уве с кошаком вдруг обнаружили, что кто-то своротил табличку, запрещающую проезд по территории. Поколупав столб ногтем, Уве обнаружил следы белого лака, после чего выдал семиэтажную тираду, так что даже кот слегка растерялся. На дорожке перед домом Аниты и Руне Уве обнаружил окурки. И так взбеленился, что пошел обходить окрестности по второму разу – лишь бы прийти в себя. А когда воротился, кошак поджидал его в снегу и смотрел с укором.

– Я-то тут при чем? – проямлил Уве и ушел в сарай.

Вынес лопату. Вышел на дорожку между домами. Постоял – синяя куртка вздымалась-опускалась, вторя его дыханию. Он глядел на дом Аниты и Руне, и челюсти сводило так, аж зубы скрежетали.

– Не моя вина, что старый хрыч так сдал, – сказал он уже чуть

уверенней.

Судя по взгляду, кошка не нашел его довод достаточно убедительным. Тогда Уве наставил на него лопату:

– Думаешь, я с властями прежде не бодался? Думаешь, эти бюрократы так сразу и упекут Руне? ХРЕНА ЛЫСОГО! Разведут свою канитель с волокитой: кассации да апелляции, суды да пересуды! Вот так-то, брат. Ты думаешь, они вот так прям сразу, а уйдут месяцы. Годы! А я? Ты думаешь, буду сидеть сложа руки только потому, что этого хрыча Альцгеймер хватил?

Кошак не ответил.

– Что, непонятно говорю? Понимаешь ты или нет? – вспыхнул Уве и отвернулся.

Он чистил снег, затылком чувствуя кошачий взгляд.

* * *

Вот. Впрочем, по чести сказать, это не та причина, по которой Уве с котом оказались теперь в «саабе» у больницы. Настоящая причина имела прямую связь с тем обстоятельством, что Уве отправился чистить дорожку. Ведь именно в тот момент возле его дома нарисовалась та самая журналистка в «аляске» лягушачьего цвета не по росту.

– Уве? – спросила она, как будто волнуясь, что после давешней встречи он успел сменить имя.

Уве продолжил кидать снег, ни единым мускулом не выдав, что заметил постороннее присутствие.

– Я хочу задать вам несколько вопросов... – завела было речь она.

– Хотеть не потеть. Не вредно, – огрызнулся Уве и заработал лопатой с такой силой, что не поймешь – не то он чистит дорожку, не то роет яму.

– Но я просто хо... – сказала было журналистка, но осеклась – Уве, заведя в дом кошака, хлопнул дверью у нее перед носом.

Присев на корточки в прихожей, Уве с кошаком ждали, когда же она свалит. Но она и не думала уходить. Забарабанила в дверь с криками: «Но ведь вы же герой!»

– Во психованная баба! – заметил Уве коту.

Кот не спорил.

Журналистка не только не унялась, а колотила в дверь все настойчивей, кричала все громче, так что Уве, уже не зная, куда деться, выскочил на крыльцо и приставил палец к губам – «тсс», – даром что тут не

библиотека.

Тетка заулыбалась, чем-то помахала ему – Уве принял эту штуковину за какой-то диковинный фотоаппарат. Или что-то в этом роде. В эти нынешние времена, черт их раздери, уже и не разберешь, что фотоаппарат, а что нет.

Она попыталась войти. Лучше бы не пыталась.

Уве выставил вперед здоровенную пятерню, перегородив тетке дорогу, и машинально выпихнул за порог – она чуть не полетела головой в сугроб.

– Спасибо, не нужно, – сказал Уве.

Кое-как удержав равновесие, она снова помахала ему фотоаппаратом, снова радостно заголосила. Уве не слушал. Волком глянул на фотоаппарат, как на дуло ружья, и решил – бежать! Урезонивать эту психическую – без толку, это яснее ясного.

Уве с кошаком вышли, заперли дверь и – быстрее, быстрее – кинулись к гаражам. Журналистка – за ними.

Ну так вот. По правде говоря, и это еще не причина, по которой Уве очутился перед больницей. Четверть часа погодя, когда Парване подошла к дому Уве вместе со своей младшенькой и постучалась в дверь, никто не открыл, но тут со стороны стоянки до нее донеслись голоса. И вот это уже напрямую подводит нас к причине, по которой Уве оказался перед больницей.

Подойдя к углу стоянки, Парване с дочкой увидели Уве: приунывший, стоял он перед запертым гаражом, сунув руки в карманы. У его ног с виноватым видом сидел кошак.

– Что делаешь? – спросила Парване.

– Да так, ничего, – ответил Уве. Сам опустил глаза в асфальт. Кошак – тоже.

Из гаража раздался стук.

– Что это? – Парване недоуменно посмотрела на гараж.

Судя по его виду, Уве как раз обнаружил какой-то особенный узор на асфальте у себя под ногами. Кот же будто задумался, не свистнуть ли в два пальца, прежде чем дать стрекача.

Из гаража снова стук.

– Эй, – зычно крикнула Парване гаражу.

– Эй? – отозвались гаражные ворота.

У Парване округлились глаза.

– Господи боже... ты что, кого-то закрыл в ГАРАЖЕ, Уве? – взревела она, хватая Уве за плечо.

Уве не ответил. Парване дернула его, как пальму, с которой надо стрясти кокосы.

– УВЕ!

– Ну, хорошо, хорошо. Но, блин, я же не нарочно, в конце концов, – смущенно забормотал Уве, высвободив плечо.

Парване только головой покачала:

– Не нарочно.

– Да, не нарочно, – отрезал Уве, давая понять, что обсуждение закрыто.

Однако Парване явно ждала дальнейших объяснений, тогда Уве, почесав макушку, вздохнул:

– Она. Это. Из этих. Журналистка. Да я вообще не думал ее запирать, ёшкин кот. Сами с кошаком думали закрыться. А она за нами да за нами. Ну и. Ну вот как-то так само собой и вышло.

Парване начала массировать виски:

– Ох, мочи моей нет...

– Ая-я-я-я-я-й, – погрозила Уве пальчиком младшенькая.

– Эй, кто-нибудь, – прогремели гаражные ворота.

– Тут нет никого, – фыркнул Уве.

– Но я же слышу, что есть, – возразили ворота.

Уве тяжело вздохнул и беспомощно глянул на Парване. Будто разводя руками: «Нет, ты погляди, что за петрушка – уже ворота научились разговаривать!» Парване, нетерпеливо отмахнувшись от него, подскочила, наклонилась и осторожно постучалась в ворота. Словно собралась перестукиваться азбукой Морзе. Но вместо этого, кашлянув, спросила:

– А зачем вам говорить с Уве? – используя более привычные средства коммуникации.

– Затем, что он настоящий герой!

– Он... кто?

– Ах да, простите. Короче: меня зовут Лена. Я из местной газеты. Хочу взять интер...

Парване в ужасе уставилась на Уве:

– Ты герой?

– Да ерунда какая-то! – отнекивается Уве.

– Он спас мужчину, который упал на рельсы, – восклицают ворота.

– А вы не ошиблись, часом? Может, это был другой Уве? – уточняет Парване.

Уве обижается.

– Интересное дело. Что ж, получается, героем может быть кто угодно,

только не я? – ворчит он.

Парване испытующе сощурилась. Дочка тем временем принялась гоняться за огрызком кошачьего хвоста с воплями: «Кыся! Кыся!» Кыся, не особо польщенная таким вниманием, попыталась спрятаться между ног Уве.

– Выкладывай, как было дело, Уве! – вкрадчиво проговорила Парване, отойдя на пару шагов от ворот.

Под ногами у Уве трехлетка охотилась на кота. Сам он не знал, куда девать руки.

– Да ну, упал один ротозей на рельсы, ну, вытянул его, было б о чем говорить, – промямлил он.

Парване с трудом удержалась от смеха.

– И ничего смешного, – скусился Уве.

– Прости, – извинилась Парване.

Ворота провыли что-то вроде: «Эй! Вы еще тут?»

– Нет! – рявкнул на них Уве.

– Ну с чего вы так разозлились? – поинтересовались ворота.

Уве уже начал сомневаться. Наклонился к Парване:

– Слушай... Как бы нам... как бы мне ее спровадить? – сказал он и выразительно посмотрел на нее: не знай Парване соседа, она приняла бы этот взгляд за выражение мольбы. – Не хочу оставлять «сааб» наедине с этой! – прошептал он серьезно.

Парване кивнула, показывая, мол, да, беда. Уве, чтобы не выпустить из-под контроля ситуацию вокруг своих башмаков, утомленно выставил кулак между трехлеткой и кошаком: баста, перемирие! Девочка потянулась обнять кота. Кот вел себя как свидетель, явившийся в полицейский участок на опознание опасной преступницы. Уве подхватил преступницу на руки, та прыснула со смеху.

– А вы-то чего сюда шли? – строго спросил Уве Парване, протягивая ей дрыгающуюся хохотушку, точно мешок с картошкой.

– Да на автобус собрались, в больницу, Патрика и Йимми выписывать, – ответила соседка.

И заметила, как при слове «автобус» у Уве беспокойно заходили желваки.

– Мы... – продолжила было Парване, но вдруг задумалась.

Глянула на ворота. На Уве.

– Говорите громче! Ничего не слышно! – прогремели ворота.

Уве поспешно отступил от них еще на два шага. Парване хитро улыбнулась. Словно только что решила кроссворд.

– Значит, так, Уве! Давай вот что: ты подбросишь нас до больницы, а я помогу тебе избавиться от журналистки. Идет?

Уве восторжен. Энтузиазма ни малейшего. Еще не хватало: он совсем не собирался снова тащиться в эту больницу. Парване развела руками.

– Ну, в таком случае я могу рассказать журналистке МОИ истории про тебя, Уве, – пригрозила она и повела бровью.

– Истории? Что за истории? – закричали ворота и бешено застучали.

Уве недовольно скривился.

– Это же шантаж! – сказал он Парване.

Парване довольно кивнула.

– Уве побий кьеуна! – сказала трехлеточка и энергично закивала коту: наверное, почувствовала, что нескрываема неприязнь Уве к медицинским учреждениям нуждается в расшифровке для тех, кто не наблюдал ее воочию в прошлый раз.

Впрочем, кошка, судя по виду, не въехал. Ведь если тот клоун был таким же назойливым, как эта трехлетняя егоза, то, может, кот и одобрил бы действия Уве.

– Меня шантажировать бесполезно! – решительно отрезал Уве и ткнул в Парване пальцем, давая понять: разговор окончен.

И вот это как раз и есть главная причина, по которой Уве нынче оказался перед больницей. Кошак считает, что Уве предал лично его, усадив на заднее сиденье вместе с трехлетним чудовищем, которое теребило его всю дорогу до больницы. Уве поправляет газетку, разложенную на сиденьях. Он чувствует, что Парване смухлевала. Ладно, когда она предлагала «избавиться» от журналистки, он сам еще не очень отчетливо представлял, как это будет. И конечно, не требовал, чтобы она превратила журналистку в облако сизого дыма или, грохнув лопатой, закопала где-нибудь в пустыне.

А Парване что? Всего-то и сделала, что отперла ворота, выпустила журналистку да сунула ей визитку со словами: «Позвони мне, я сама расскажу тебе про Уве». Это называется «избавиться»? Нет, уж извините – так в жизни ни от кого не избавишься, полагает Уве.

Но теперь уж поздно. Теперь он в третий раз меньше чем за неделю торчит перед этой треклятой больницей, будь она неладна. Шантаж, вот и весь сказ.

А еще кошка этот – поглядывает с укоризной. Точь-в-точь как когда-то Соня.

– Да не заберет никто Руне, говорю тебе. Им бы только грозиться, а до дела дойдет, так еще лет десять с ним проваландаются, – уверяет Уве кота.

А может, заодно и Соню. А заодно и себя самого. Кто знает?

– И хватит себя жалеть. Да не возьми я тебя, жил бы ты сейчас с младшенькой, она б тебе враз хвостато накрутила – небось и огрызка бы твоего не осталось. Умишком-то своим пораскинь, – хмыкает он коту, пытаясь уйти от неприятной темы.

Отвернувшись от Уве, кошка сворачивается калачиком и засыпает – в знак протеста. Уве продолжает пялиться в окошко. Нет у девчонки никакой аллергии, это яснее ясного. И тут Парване схитрила – чтобы всучить ему кошака.

Ишь, блин, нашла маразматика!

23. Уве и автобус, который не доехал

«Каждому мужчине нужно знать, за что он сражается». Кажется, так сказано. По крайней мере, так сказала Соня, читая ему вслух очередную книгу. Какую, разве упомнишь: это ж не женщина была, а ходячая библиотека. В Испании накупила целый баул литературы, даром что по-испански не говорила. «Выучу, пока буду читать», – сказала. Как будто так и надо. Уве же сказал, что предпочитает думать сам, нежели читать измышления всяких халтурщиков. Соня улыбнулась, потрепала его по щеке. На такой аргумент Уве возразить было нечего.

А потому он подхватил набитые книгами баулы и понес в автобус. Прошел мимо водителя – почуял запах вина, но промолчал: коль у них в Испании так заведено, так, значит, тому и быть. Когда он сел на место, Соня приложила его руку к своему животу, и Уве в первый и последний раз почувствовал, как шевелится их ребенок. Потом встал, пошел оправиться, но не дошел до середины, когда автобус царапнул разделительный отбойник, и разом все стихло. словно само время затаило дыхание. А потом – взрыв: это полетели стеклянные осколки. И скрежет, безжалостный скрежет – это смялись железные бока. И громкие удары – это машины вlepились автобусу в зад.

И крики. Ему вовек не забыть этих криков.

Уве швырнуло оземь, он помнит лишь, как распластался на пузе. Как судорожно искал ее глазами в месиве тел, но ее нигде не было. Он хотел ринуться вперед (с крыши градом сыпались, резали его колющие осколки) и не мог – словно расвирепевший зверь навалился на него сзади. словно сам сатана пригвоздил его, вцепился мертвой хваткой, заставляя барахтаться на полу и корчиться от унижения. Оно будет мучить его каждую ночь, до самого конца: то кошмарное бессилие.

Всю первую неделю он не отходил от ее постели. Наконец сиделки не стерпели – отправили его помыться и переодеться. И все кругом смотрели на него жалостливо и «соболезновали». Пришел какой-то доктор, заговорил с Уве равнодушно-безучастным голосом о том, что «нужно быть готовым к

тому, что она вообще не проснется». Уве вышвырнул его в дверь. Забыв предварительно отпереть ее.

– Соня живая! Хватит делать вид, что она умерла! – проорал он в коридор.

Ну, после того случая мало кто отважился бы разубедить его.

На десятый день – дождь барабанил по стеклам и транзистор бубнил что-то про самый сильный ураган за последние двадцать лет – Соня, с трудом разлепив щелочки глаз, увидала Уве и тихонько вложила руку в его пятерню. Согнула пальчик в его ладони.

Она заснула и спала всю ночь. А наутро сиделки вызвались сообщить ей правду, но Уве был непреклонен – сказал, что справится сам. И голос его не дрогнул, когда он стал говорить с ней и нежно потирал ее руки, словно те очень, очень замерзли. Доложил про пьяного водителя, про то, как врезались в отбойник, как столкнулись. Как воняло горелой резиной. Про оглушительный удар.

И про ребеночка, которому не суждено появиться на свет.

И она завывала. Первобытным, безутешным воем – он стenal и метался в обеих душах, раздирая их в клочья, час за часом, и не было числа этим часам. Время и горе сплелись в одну беспросветную тьму без края. Уве уже тогда знал, что сам никогда не простит себе, что не остался сидеть на месте, не уберег их. Знал, что эта боль будет жечь его вечно.

Но Соня не была бы Соней, позволь она тьме взять верх. И однажды утром (Уве сбился со счета, на какой день после аварии) заявила, что пора приступать к лечебной гимнастике. Каждое движение давалось ей с такой болью, что Уве, видя это, мучился так, будто его собственные позвонки были израненным зверем, а она, заметив это, роняла свою головку ему на грудь и шептала: «Можно тратить время на то, чтобы умирать, а можно – на то, чтобы жить. Уве, надо идти вперед!»

И они пошли.

В первые месяцы новой жизни Уве столкнулся с полчищами людей в белых рубашках. Они восседали в администрациях за письменными столами светлого дерева и, кажется, совсем не жалели времени, инструктируя Уве, как заполнить бумажку такую, бумажку сякую. Но стоило ему спросить, что же реально надо сделать, чтобы Соне стало лучше, как чиновникам вдруг становилось ужасно некогда.

Наконец одной из инстанций в больницу была направлена энергичная дама: бойко затараторив, она принялась уговаривать Уве отдать Соню в «специальное заведение», куда кладут больных «в подобных случаях». Еще понесла что-то про «физиологические особенности», которые могут стать

«непосильным бременем в повседневной жизни». Говорила она обиняками, но Уве прекрасно понял, о чем речь. Дама не сомневалась, что теперь-то уж он откажется от жены. «С учетом сложившихся обстоятельств», – через слово повторяла эта дама, потихоньку кивая в сторону больничной койки. Разговаривала с Уве так, будто Сони вообще не было в палате.

Дама вылетела из палаты по тому же адресу, что и врач. Правда, на этот раз Уве все же потрудился предварительно открыть дверь.

– Мы поедem только в одно заведение, в наше собственное! К себе ДОМОЙ! – проорал Уве в коридор и, ополоумев от гнева и полной безнадеги, запустил в дверной проем Сониной туфлей.

Пришлось ему идти за туфлей. Справился у сиделок (туфля чуть не угодила в одну из них): кто видел, куда полетела туфля. И оттого осерчал пуще прежнего. Как вдруг, впервые после аварии, услышал Сонин смех. Бурливый, неиссякаемый ручей, его было просто не удержать. Словно смешинка в рот попала. Соня смеялась, и смеялась, и смеялась – звуки раскатывались по палате, рассыпались по полу, словно им не писаны законы времени и пространства. А Уве вдруг почувствовал, как его грудь будто расправляется, медленно высвобождаясь из-под обломков дома, рухнувшего от землетрясения. И в груди появляется место для сердца, для его биения.

Он поехал домой, в свой таунхаус, и полностью перекроил кухню, все шкафы со столами заменил новыми, пониже. Даже плиту особой конструкции где-то раздобыл. Переделал дверную раму, ко всем порожкам приделал пандусы. Воротившись домой, Соня уже на другой день поехала восстанавливаться в институте. По весне сдала выпускные экзамены. В газете увидела вакансию: искали учителя в школу, которая слыла самой отпетой в округе, в класс, в который по своей воле не сунется ни один нормальный педагог с приличным образованием и в здравом уме. То был не класс, а коллекция клинических случаев гиперактивности и дефицита внимания еще до того, как этим диагнозам были придуманы соответствующие официальные аббревиатуры. На собеседовании директор школы со страдальческим видом так и сказал: «Там собрались девочки и мальчики, на которых мы поставили крест. Им не учитель нужен, а надзиратель». Соня на собственной шкуре прочувствовала, каково это, когда на тебе ставят крест. Других желающих не нашлось, мальчики с девочками достались ей – и научились читать Шекспира.

Уве меж тем клокотал от злобы, и Соня под вечер, бывало, отправляла его подышать свежим воздухом, а не то он все в доме переколотит. Ей было бесконечно больно видеть эти плечи, согнувшиеся под тяжким грузом –

желанием крушить все и вся. Водителя автобуса. Турагентство. Дорожный отбойник. Винодельню. Все и вся. Бить и бить этих гадов, пока не сдохнут все до единого. Вот чего он жаждал. И вымещал свой гнев. На сарае. На гараже. На всем, что подвернется во время утренних обходов. Но ему все было мало. Тогда он вложил всю свою злобу в письма. Он завалил ими испанское правительство. Шведское. Полицию. Суды. Никто не брал вину на себя. И всем было по фигу. Все отписывались: то ссылались на статью такую-то, то отфутболивали его в другую инстанцию. Отбояривались. Получив от муниципалитета отказ на просьбу переделать крыльцо школы, в которой работала Соня, Уве несколько месяцев забрасывал чиновников письмами и жалобами. Строчил в местную газету. Пытался судиться. Готов был буквально испепелить их, столь яростно кипела в нем жажда мщения за несбывшееся отцовство.

Но всюду рано или поздно на его пути вырастали чопорные, самодовольные физиономии, венчающие собой белые рубашки. А с ними не повоюешь. Они не только пользуются покровительством государства. Они и есть государство. И вот оно завернуло его последнюю апелляцию. И не осталось ни единой инстанции, куда бы Уве смог пожаловаться. Битва окончилась, и окончилась тогда, когда чиновники решили, что хватит. Этого Уве им не простил.

Соня видела, как он бьется. Понимала, как ему больно. И потому до времени позволяла драться, беситься – нужно же хоть как-то, хоть куда-то выпускать пар. Но как-то под вечер, когда лето уже стучалось в ворота мая – этого неизменного предвестника теплой летней поры, Соня подкатила к мужу на своей колясочке, оставив на паркете чуть заметные следы, остановилась рядом. Поглядела, как он строчит свои письма за кухонным столом, и, отобрав у него ручку, спрятала в его мозолистой пятерне свою ладонь, завернула пальчик. Ласково припала лбом к его груди.

– Будет тебе, Уве. Довольно уже писать. А то в доме жить уже негде из-за этих твоих писем.

И, подняв к нему глаза, бережно погладила по щеке. И улыбнулась.

– Хватит, любимый!

И Уве уступил.

А наутро встал на рассвете, взял «сааб», подъехал к школе и сам смастерил пандус, на который так и не дал денег муниципалитет. После чего, сколько помнит Уве, каждый вечер, воротившись домой, Соня захлеб, с горящими глазами рассказывала ему про своих мальчиков и девочек. Тех самых, что поначалу приходили в класс под полицейским

конвоем, а отучившись, могли цитировать стихи четырехвековой давности. Тех, с которыми они вместе и плакали, и смеялись, и орали песни так, что по вечерам стены их маленького домика гудели эхом. Чего скрывать: Уве так и не смог понять, на кой Соне сдались эти необучаемые хулиганы. Впрочем, это не мешало ему любить их за другое: очень уж благотворно они влияли на Соню.

Каждому человеку нужно знать, за что он сражается. Так они говорили. Вот она и сражалась. Билась за то хорошее, что разглядела в них. За детей, которыми ее обделила судьба. А Уве сражался за нее.

Потому что чему-чему, а этому Уве учить было не надо.

24. Уве и наказание, малюющее разноцветные каракули

«Сааб» набит под завязку. Уве, отъезжая от больницы, ежесекундно поглядывает на датчик уровня топлива, боится, что стрелка вот-вот сорвется вниз и запляшет в глумливом танце. В зеркало видно, как Парване без малейшего беспокойства сует младшей бумагу и цветные мелки.

– А что, ей обязательно рисовать в машине? – интересуется Уве.

– А ты хочешь, чтобы ребенок извелся от скуки, а потом набивку тебе из сидений повыдергивал? – спокойно парирует Парване.

Уве не отвечает. Только наблюдает в зеркало, как младшая на коленках у Парване, схватив увесистый фиолетовый мелок, машет им на кошака и вопит: «ЛИСОВАТЬ!» Тот глядит с опаской, явно не склонный разрешить ей рисовать у себя на шкуре.

Сбоку от них, съезжившись, сидит бедный Патрик и силится поудобнее пристроить загипсованную ногу, которую закинул на подлокотник между передними сиденьями. Задача не из простых – Патрик страшно боится, как бы нечаянно не смахнуть при этом газеты, подложенные Уве ему на сиденье и под больную ногу.

Младшенькая роняет мелок, тот закатывается под переднее сиденье, на котором сидит Йимми. Тот, явив поистине олимпийские чудеса акробатики (при его-то габаритах), подается вперед и достает мелок из-под сиденья. Секунду-другую разглядывает его, потом, хихикнув, поворачивается к выпростанной ноге Патрика и рисует на ней веселого здоровяка. Трехлетка, увидав его, хохочет во все горло.

– Ишь, развел пачкотню! – ворчит Уве.

– Зачетно, да? – радуется Йимми и уже готов дать Уве «пять».

Впрочем, поймав встречный взгляд Уве, благоразумно отдергивает руку.

– Сорри, чувак, не удержался, – извиняется Йимми и со смущенным

видом передает мелок назад Парване.

Вдруг из кармана его раздаётся пиликание. Йимми выуживает смартфон величиной с добрую лопату и принимается бешено барабанить пальцами по экрану.

– А кот чей? – любопытствует Патрик с галерки.

– Это Увина киса! – без тени сомнения заявляет младшая.

– Ничего она не моя, – возражает Уве.

Парване ехидно кривится в зеркало:

– А то чья же? Твоя!

– НЕТУШКИ, не моя! – отвечает Уве.

Парване хохочет. Патрик смотрит растерянно. Она ободряюще хлопает его по коленке:

– Да не слушай ты Уве. Его это кот, и все тут.

– Рассадник блох это, а не кот! – возражает Уве.

Кошак наостряет уши: пытается разобраться, из-за чего весь сыр-бор, понимает, что дело не стоит выеденного яйца, устраивается поудобней на коленях у Парване. Вернее, если совсем уж не отклоняться от истины, мостится у нее на пузе.

– И куда вы его денете? – интересуется Патрик, внимательно разглядывая кота, который сворачивается уютным клубком.

Но тут же, слегка приподняв морду, отрывисто шипит в ответ.

– Что значит «куда денете»? – настороженно спрашивает Уве.

– Ну... в приют сдадите или еще ку... – начинает Патрик, но Уве не дает ему договорить.

– Никто никого не сдаст ни в какие гребаные приюты! – рычит он.

Вопрос исчерпан. Перепуганный Патрик пытается не подать виду. Парване старается удержаться от смеха. Получается так себе – что у него, что у нее.

– Остановиться бы где похавать, а? А то жрать дико хочется, – встречается вдруг Йимми. Осторожно поворачивается на сиденье, отчего машину всю трясет.

Уве обводит глазами собравшихся так, словно его похитили и перенесли в параллельную вселенную. А может, вывернуть руль, да и дело с концом, думает Уве, но в следующий миг соображает: нет, эдак они, чего доброго, и на тот свет всем скопом отправятся. И, осознав это, сбрасывает скорость и увеличивает дистанцию до машины, едущей перед ними, – от греха подальше.

– Пись-пись! – начинает ныть малышка.

– Можешь остановить, Уве? Назанин хочет писать, – кричит Парване

так, словно от заднего сиденья до водительского метров двести, не меньше.

– Да! Может, заедем куда, заодно и пожрем чего-нибудь? – с надеждой поддакивает Йимми.

– Да, заедем, мне, кстати, тоже надо в туалет, – заявляет Парване.

– В «Макдоналдсе» есть туалеты, – любезно подсказывает Патрик.

– Ну, значит, в «Макдоналдс», – кивает Парване.

– Никто никуда не поедет, – решительно возражает Уве.

Парване пристально смотрит на него в зеркало. Уве сурово смотрит в ответ. Десять минут погодя он сидит в «саабе» у «Макдоналдса», поджидая всю честную компанию. Кошак и тот ушел с ними. Предатель шелудивый. Подойдя, Парване стучит в стекло машины.

– Может, все-таки купить тебе чего-нибудь? – ласково спрашивает у Уве.

Тот мотает головой. Она бессильно вздыхает. Уве поднимает стекло. Парване обходит машину вокруг, садится на сиденье рядом с Уве.

– Спасибо, что подвез нас сюда, – улыбается она.

– Да чего уж там, – отвечает Уве.

Она ломает картошку фри. Уве нагибается, настилает перед ней еще газет. Парване прыскает. Уве недоумевает: что смешного?

– Поможешь мне, Уве? – вдруг просит она. Энтузиазма на физиономии Уве не наблюдается.

– Поможешь мне сдать на права? – поясняет Парване.

– Чего-чего? – удивляется Уве, не веря своим ушам.

Она пожимает плечами.

– Патрик в гипсе проходит еще не один месяц. Мне нужно сдать на права, чтобы возить девочек. Поучишь меня водить?

– У тебя что же, нету прав? – От такой наглости Уве даже забывает, что однажды уже слышал, что прав у этой персиянки таки нет.

– Нету.

– Ты шутишь?

– Нет же.

– Потеряла, что ли?

– Нет. У меня их отродясь не было.

Уве крепко задумывается.

– Ты вообще кем работаешь? – спрашивает он.

– А работа моя при чем? – удивляется она.

– Да все при том же.

– Ну, риелтором.

Уве кивает.

– А водить не умеешь?

– Не умею.

Уве строго качает головой: мол, это уж верх безответственности. Парване смотрит насмешливо и, скомкав пустой кулек из-под картошки, открывает дверцу машины.

– Сам подумай, Уве. Или ты хочешь, чтобы меня учил водить машину кто-то ДРУГОЙ из нашего поселка?

Выйдя из машины, она направляется к урне. Уве ничего не отвечает. Только сопит, как медведь.

В дверях возникает Йимми.

– Можно я в машине доем? – Изо рта у него торчит кусок курятины.

Уве хочет прогнать толстяка, но передумывает: а то им вовек отсюда не уехать. Вместо этого устилает переднее сиденье кипой газет, словно решил покрасить гостиную.

– Да лезь ты уже в машину, ёшкин кот, а то до дому не доберемся.

Йимми радостно кивает. Тут начинает пиликать его мобильник.

– И выруби уже свой «тилибом». Чай, не в игровых автоматах, – говорит Уве, вырывая машину.

– Сорри, чувак, это с работы мейлами бомбят на постоянно, – извиняется Йимми. Одной рукой придерживает еду, другой пытается унять смартфон.

– Значит, ты все-таки работаешь, – замечает Уве.

– Ага, программер я, аппы для айфонов кропаю.

От дальнейших расспросов Уве предпочитает воздержаться.

После этого десять минут они едут практически в тишине и наконец приближаются к гаражу Уве. Поравнявшись с велосипедным загоном, Уве, не выключая мотор, ставит машину на нейтралку и выразительно смотрит на компанию.

– Ладно, ладно, не волнуйся, Уве, Патрик на костылях сам как-нибудь доковыляет. – В голосе Парване явственно звучит ирония.

Уве, вытянув руку, показывает на знак, успевший слегка покоситься и гласящий, что проезд по территории запрещен.

– Ездить по территории запрещено!

– Не беспокойся, Уве! Спасибо, что подвез, – встревает в беседу Патрик, желая примирить стороны.

С трудом выползает из машины, волоча загипсованную ногу, с переднего сиденья с не меньшим трудом выползает Йимми – вся футболка в жирных пятнах от бургеров.

Парване вытаскивает детское кресло вместе с младшенькой, ставит

наземь. Девочка машет ручкой, лопочет что-то, не разберешь что. Парване, прислушавшись, кивает, идет к передней дверце, протягивает Уве листок бумаги.

– Что это? – недоумевает Уве, даже не думая брать бумагу.

– Рисунок Назанин.

– На что он мне?

– Она тебя нарисовала, – отвечает Парване, всучивая ему бумажку.

Уве волей-неволей смотрит на рисунок. Одни черточки да закорючки.

– Вот это Йимми, это котик, это мы с Патриком. А вот это ты, – поясняет Парване.

И тычет в середину каракулей. Сам рисунок черный. Весь, и только фигура посередине бушует всеми цветами радуги. Желтый, красный, голубой, зеленый, оранжевый и фиолетовый, все в кучу.

– Для нее ты самый прикольный на свете. Поэтому тебя она всегда рисует яркими цветами, – объясняет Парване.

И, хлопнув задней дверцей, удаляется.

Проходит пара секунд, прежде чем Уве, сообразив, выкрикивает ей вслед:

– В каком смысле «всегда»? Хочешь сказать, она всегда меня вот эдаким малюет, что ли?

Но поздно: все семейство уже приближается к дому.

Уве, немного обиженный, расправляет газетку на переднем сиденье. Кошак перебирается на него, сворачивается калачиком. Уве задом заезжает в гараж. Запирает ворота. Ставит «сааб» на нейтралку, не выключая двигателя. Чувствует, как воздух начинают наполнять выхлопные газы, задумчиво созерцает пластмассовую кишку на стене. Несколько минут из звуков слышно только посапывание кошки да мерное тарахтение мотора. Проще простого: останься тут да жди верного конца. Единственно логичное решение, прикидывает Уве. Как долго он чаял ее. Смерти. Как тоскует по своей лапушке, кажется, так и выпрыгнул бы из своего постылого тела. И это был бы самый разумный шаг: оставайся тут да жди, когда сладкий газ усыпит навеки и тебя, и кошака.

Уве глядит на кота. А глянув, выключает мотор.

* * *

Наутро оба встают без четверти шесть. Завтракают кофе и тунцом. Обойдя территорию, Уве хорошенько расчищает дорожку перед домом.

Затем, опершись на лопату, стоит подле сарая, смотрит на свой поселок.

Переходит через дорогу и принимается раскидывать сугробы перед соседними домами.

25. Уве и кровельное железо

После завтрака, дождавшись, когда кошка отправится на улицу справлять свои дела, Уве идет в ванную и достает с верхней полки шкафа пластмассовую баночку. Взвешивает в руке, словно собирается метнуть. Легонько подбрасывает на ладони, точно пытаясь понять по звуку, не испортились ли в ней пилюли.

Под конец доктора прописывали Соне такие лошадиные дозы болеутоляющего, что ванная до сих пор похожа на закрома колумбийского наркокартеля. Уве, разумеется, не уважает лекарства, не верит в их целебные свойства и считает, если они на что и действуют, так это на психику, а стало быть, помогают только тем, у кого с головой плохо.

Зато он усвоил, что люди нередко глотают химию, чтобы отправиться на тот свет. А химии у него, как уже сказано, завались. Как в любых домах, где есть больной раком.

И только сейчас его осенило...

За дверью какая-то возня. Это кошка вернулся раньше положенного. Мяучит под дверью. Устав ждать, когда откроют, скребется когтями о порожек. Басит, словно угодил в медвежий капкан. Словно почуял неладное. Уве понимает: кот чувствует себя обманутым. Да ведь не станешь же просить животину войти в твое положение.

Уве пытается представить, каково это: накачаться таблетками. Наркотиков он в жизни не пробовал. Да и пьяным-то, почитай, ни разу не напивался. Потому как с юных лет не любил терять контроль над собой. А другим, как он уяснил с годами, только этого и надо – напиться до бесчувствия. Нет, пить, чтобы забыться, – это не про Уве, для этого нужно быть последней размазней. Но как оно будет? На рвоту потянет? Или один за другим начнут отказывать органы? Или же тело обмякнет и он попросту заснет?

А кошка воет там на снегу, надрывается. Закрыв глаза, Уве вспоминает Соню. Нет, он не из тех, кому легче сложить лапки и умереть, пусть она так не думает. Вообще-то она сама виновата. Сама пошла за него. И теперь по ночам, когда никто больше не сопит, уткнувшись носом ему в шею, он

просто не знает, как быть. Вот и все.

Открутив крышку, Уве высыпает таблетки на блюдце. Всматривается, точно ждет: вдруг они превратятся в роботов-убийц. Не превращаются. Уве разочарован. Непонятно, как эти белые фитюльки в принципе могут навредить ему, сожри хоть центнер. Кошак, похоже, уже плюется снегом на дверь. Вдруг этот звук прерывается совсем другим.

Собачьим лаем.

Уве вслушивается. Звуки стихли, но в следующий миг кошак вопит от боли. Снова лай. Потом истеричный вопль бледной немочи.

Уве застыл с блюдцем в руке. Закрывает глаза, старается мысленно отрешиться от этих посторонних звуков. Не может. Вздыхает. Встряхивается. Отвинчивает крышку и высыпает таблетки обратно. Спускается по лестнице. Ставит пузырек на подоконник в гостиной. В окно видит на дорожке между домами бледную немочь. Та бросается к кошаку.

Она уже подняла ногу, чтобы со всей дури пнуть кошака в голову, когда Уве отворяет дверь. Увернувшись от острой шпильки в последний момент, кошак ретируется к сараю. Валенок бьется в истерике: урчит, вся морда в пене, как при бешенстве. Из пасти торчит клочок шерсти. Впервые, кажется, Уве видит немочь без темных очков. Зеленые глазки горят ненавистью. Она заносит ногу, чтобы лягнуть еще, но, заметив Уве, останавливается. Нижняя губа гневно трясется.

– Пристрелю гадину! – шипит она на кота.

Не спуская с нее глаз, Уве медленно качает головой. Немочь судорожно сглатывает. При виде сурового лица, будто вырубленного из камня, ее злобная самоуверенность вдруг куда-то девается.

– Г-гад помоечный... Чтоб он сдох! Так ис... исполосовать Принца, – заикается она.

Уве ничего не говорит, только глаза у него делаются все темнее. Тут уже и шавка не выдерживает, пятится от него.

– Пошли, Принц! – тихо зовет немочь, дернув за поводок.

Шавка тут же разворачивается. Искоса глянув напоследок на Уве, немочь бежит за угол, да так прытко, точно Уве силой одного взгляда выпихнул ее взащей.

Уве стоит на месте, тяжело дышит. Прикладывает к груди кулак. Чувствует, как зашло сердце. Отрывисто стонет. Смотрит на кошака. Кошак – на него. На боку свежие раны. Шерстка в крови.

– М-да, так тебе твоих девяти жизней ненадолго хватит, – произносит Уве.

Кошак лижет лапу, всем своим видом показывая, что считать жизни

ему недосуг, не той мы породы. Уве, одобрительно кивнув, делает шаг в сторону.

– Ладно, заходи давай.

Кот заходит. Уве запирает дверь.

Становится посреди гостиной. Отовсюду на него глядит Соня. Что ж: сам натыкал повсюду ее портретов, чтобы видеть ее в любом уголке дома. Один стоит на кухонном столе, другой висит на стене в прихожей, третий – на лестнице. А еще в гостиной на окошке, кошка как раз запрыгнул на подоконник и уселся рядом с портретом. Криво глядит на Уве, с грохотом опрокидывает на пол пузырек с таблетками. Уве поднимает пузырек, кот смотрит на него так, словно готов заорать: «J'accuse!» – «Я обвиняю!» – что твой Эмиль Золя.

Уве легонько пинает плинтус, разворачивается, идет на кухню, убирает таблетки в шкаф. Варит кофе, наливает в кошачью миску воды.

Оба молча пьют.

– Нет, ты глянь, какой-то кот, а норову-то, норову! – не выдерживает Уве.

Кошак не отвечает. Уве берет пустую миску, складывает вместе с кофейной чашкой в мойку. Подперев бока, крепко задумывается. Наконец разворачивается, выходит в прихожую.

– Пошли, – не взглянув на кота, зовет его с собой. – Покажем этой шавке, где раки зимуют.

Уве надевает синий пуховик, обувает башмаки, выпускает кошака первым. Смотрит на Сонин портрет, висящий в прихожей. Она смеется в ответ. Стало быть, помереть еще успеется, часом раньше, часом позже, – и Уве отправляется вслед за котом.

* * *

Несколько минут он ждет под дверью. Прежде чем отпереть, внутри кто-то долго возится, шаркает, точно по дому блуждает привидение в тяжких веригах. Замок наконец щелкает, на пороге предстает Руне, тупо смотрит на Уве, на кошака.

– У тебя кровельное железо есть? – спрашивает Уве, не тратя времени на пустой обмен любезностями.

На мгновение Руне задумывается, мозг его, кажется, отчаянно борется с угнездившимися там чужеродными силами, пытаясь пробиться к памяти.

– Железо? – громко повторяет он для себя, будто пробует слово на вкус

– так бывает, когда мы спросонья усиленно пытаемся вспомнить подробности сна.

– Ага, железо, – кивает Уве.

Руне смотрит сквозь Уве, словно тот прозрачный. Глазки блестят ровным блеском, как новая пленка на капоте. Сам отощал, ссутулился, бороденка седая, почти белая. Раньше крепкий был мужчина, солидный, а ныне одежонка на нем висит, как на вешалке. Укатали сивку крутые горки. Совсем старик стал. Старый, дряхлый старик, вдруг понимает Уве, и это открытие неожиданно сражает его. На миг глаза Руне озаряет какой-то проблеск. Уголок рта вдруг кривится.

– Уве? – восклицает Руне.

– Ну не папа же римский, – отвечает Уве.

Дряблые щеки на лице соседа вдруг растягиваются в широченную улыбку. Бывшие друзья, некогда близкие (настолько, насколько только могут сдружиться люди такой закваски), смотрят теперь друг на друга. Один не может забыть старое, другой – вспомнить.

– Постарел ты, – говорит Уве.

Руне ухмыляется.

Слышится встревоженный оклик Аниты, в следующий миг сама она торопливо семенит к двери.

– Кто там пришел, Руне? – кричит она перепуганным голосом. – Ты зачем тут? – Выглянув в дверной проем, она вдруг видит Уве. – А... Уве. Здравствуй. – И застывает на месте.

Уве стоит, руки в карманах. Рядом с таким же видом кошка – даром что карманов нет. И рук. Анита – маленькая, невзрачная, серые брючки, серая вязаная кофтенка, голова поседела, кожа посерела. Правда, лицо припухло, глаза покраснели – Уве замечает, она украдкой их утирает, моргает, пряча боль. Так уж водится у баб ее поколения. Встать на пороге как скала и гнать прочь метлой из дома любую беду. Ласково берет она Руне за плечи, уводит к окну в гостиной, усаживает в кресло-каталку.

– Здравствуй, Уве, – возвращаясь к двери, повторяет она приветливо, но с удивлением. – Чем тебе помочь? – спрашивает.

– У вас железо кровельное дома есть? – отвечает он вопросом на вопрос.

– Правильное? – растерянно переспрашивает она, как будто бывает железо неправильное.

Уве вздыхает:

– Господи, да не правильное, а к-р-о-в-е-л-ь-н-о-е. Для крыши которое.

Анита по-прежнему озадачена:

– А откуда бы?

– У Руне наверняка завалялось в сарае, – протягивает руку Уве.

Анита кивает. Берет со стены ключ от сарая, кладет ему в ладонь.

– Кровельное. Железо? – задумчиво повторяет она.

– Ага, – говорит Уве.

– Да крыша у нас не железом крыта.

– Да при чем тут это?

Анита одновременно кивает и мотает головой:

– А, ну что ж... ни при чем так ни при чем.

– Главное – железо есть, – говорит Уве так, точно это уже вопрос решенный.

Анита кивает. Да и что тут возразить, когда тебя ставят перед неоспоримым фактом: у доброго хозяина кровельное железо всегда найдется, хотя бы лист, так, на всякий случай.

– А чего ж тогда у тебя самого этого железа нет? – все еще мнется она, больше для поддержания беседы.

– Мое все вышло, – отвечает Уве.

Анита понимающе кивает. Да и что тут возразить, когда тебя ставят перед неоспоримым фактом: у доброго хозяина, даже если дом его крыт чем-то другим, кровельное железо все равно расходуется в таких количествах, что вечно не хватает.

Минуту погодя Уве, торжествуя, втаскивает на крыльцо лист кровельного железа величиной с палас для гостиной. Анита не понимает, как такой большой кусок железа умещался в сарае и почему она его не замечала.

– Ну, что я говорил, – кивает Уве, отдавая ключ.

– Да, правда твоя, – вынуждена согласиться Анита.

Уве смотрит в окно. Из окна на него смотрит Руне. В тот самый миг, когда Анита поворачивается, чтобы вернуться в дом, он еще раз улыбается Уве и приветственно взмахивает рукой. Словно именно в этот миг, в эту самую секунду, отчетливо осознав, кто такой Уве и зачем пожаловал. Уве издает звук, похожий на гул пианино, которое волокут по дощатому полу.

Анита останавливается в нерешительности. Оборачивается.

– Опять эти приходили, из социальной службы, хотят Руне забрать, – говорит, не поднимая глаз.

Голос шелестит, точно страницы газеты. Уве теребит железный лист.

– Сказали, мне с ним не справиться. Что болен и все такое. Сказали, надо сдать его в дом престарелых, – говорит она.

Уве теребит железный лист.

– Он умрет там у них, в этом доме, Уве. Ты же понимаешь... – шепчет она.

Уве кивает, смотрит на бычок, вмерзший в щель между двумя плитками. Краем глаза замечает: Анита стоит как-то криво. Из-за операции на бедре, вспоминает он – Соня рассказывала несколько лет назад. А теперь вот еще и руки трясутся. «Первая стадия рассеянного склероза», – объяснила Соня. А спустя несколько лет и Руне заболел Альцгеймером.

– Что ж, парнишка ваш вернется, подмогнет, – тихо бормочет Уве.

Анита поднимает голову. Встретившись с ним взглядом, горько усмехается:

– Юхан-то? Куда там... Он в Америке живет. У него своих забот хватает. Дело молодое, небось сам знаешь!

Уве молчит. «Америка» в ее устах звучит все равно как если бы ее сыночек-эгоист эмигрировал в царствие небесное. Ни разу не соблаговолил навестить отца с тех пор, как Руне занемог. Небось не малое дитя: мог бы и позаботиться о родителях.

Анита спохватывается, точно сделала что-то неприличное. Виновато улыбается:

– Прости, Уве, совсем задурила тебе голову этой чепухой.

Возвращается в дом. Уве стоит – в руке железный лист, сбоку кошка – и, глядя на закрывающуюся дверь, бормочет что-то чуть слышно. Анита удивленно поворачивается, выглядывает в щелку:

– А?

Уве морщится, прячет глаза. Разворачивается, идет восвояси, бросая мимоходом:

– Я говорю: если батареи, будь они неладны, снова того, шалить начнут, ты, это, звони, обращайся. Мы с кошаком дома.

Морщинки на лице Аниты вдруг расправляются в улыбку. Она подается из дверей на полшажка, как будто хочет рассказать ему еще. Может, про Соню. Про то, как тоскует по лучшей подружке. Как тоскует по той поре, когда они вчетвером только-только начали обживать это место, без малого сорок годков тому назад. Как тоскует даже по ссорам – когда мужьям случалось поругаться. Да только Уве уже скрылся за углом.

Дойдя с кошаком до сарая, Уве достает оттуда запасной аккумулятор к «саабу» и два здоровенных железных контакта. Кладет железный лист на плитку, которой вымощено место между домом и сараем, присыпает снежком.

Вместе с кошаком долго взирает на свое творение. Идеальная западня на шавку, замаскированная под сугроб: шандарахнет током, только сунься.

Адекватная месть, что ни говори. Когда немочь поведет свою драную моську ссать к ним под дом, их будет ждать подарочек под напряжением. То-то будет потеха.

– Долбанет как электрошокером, – с довольным видом докладывает он коту.

Кот, склонив голову набок, изучает электрошокер.

– Пипиську ему как молнией прошьет, – продолжает Уве.

Кошак пристально смотрит на него. Точно говоря: «Ты шутишь, да?» Сунув руки в карманы, Уве качает головой.

– Ну, ладно, ладно, – вздыхает наконец.

Молча стоят.

– Ну, хорошо, твоя взяла, – чешет Уве бороду.

Сняв и аккумулятор, и контакты, и железо, относит все в гараж. Не то чтобы он изменил мнение. Нет, немочи с шавкой, конечно, стоило бы дать острастку. Просто до Уве вдруг доходит разница между жестокостью по необходимости и жестокостью умышленной.

– А все равно ловко я придумал, – заявляет он кошаку по дороге домой.

Кошак не спешит с ним согласиться.

– Скажешь, не сработало бы? Сработало бы. Еще как! Ясно?! – кричит он вдогонку кошаку.

Кот входит в гостиную такой походкой, будто цедит в ответ: «Да уж, да уж, сработало бы...»

И оба приступают к обеду.

26. Уве и мир, разучившийся чинить велосипеды

Не сказать, чтобы Соня никогда не пыталась подбить Уве с кем-нибудь подружиться. Пыталась. Впрочем, не настаивала и не зудела, в чем Уве видел свидетельство ее беззаветной любви. Для многих из нас жизнь с нелюдимо – тяжкий крест. Кто сам не любит одиночества, того и чужое коробит. Соня же не ныла без надобности. «Уж какой есть, – говаривала она. – Я сама тебя такого выбрала». А как оно есть, так тому и быть.

Конечно, это не помешало ей обрадоваться, когда между Уве и Руне установились отношения, отдаленно напоминающие дружбу. Собеседники из обоих, правда, были не то чтобы очень. Руне цедил в час по чайной ложке, Уве – и того меньше. Но Соне хватило ума понять: даже таким бирюкам, как Уве, нужен кто-то, с кем можно просто задушевно помолчать. Теперь у него такого сомолчальника давно уже нету. Факт.

– Я выиграл, – только и молвит он, заслышав, как загремел почтовый ящик.

Соскочив с подоконника, кошка идет из гостиной в кухню. «Слабо тебе супротив меня-то», – усмехается про себя Уве, подходя к входной двери. Годы прошли с тех пор, как они спорили, во сколько принесут почту. Прежде с Руне так развлекались, обыкновенно летом в отпуске. Даже выработали сложную систему – разбивали время на промежутки вплоть до полминуты, – чтобы легче было выявить победителя. В прежние времена, когда почту приносили ровно в полдень, подобная градация имела смысл – иначе как определишь, кто угадал точнее. Нынче-то, ясное дело, все по-другому. Нынче почту могут бросить чуть не к обеду, если не к ужину. Как ее величеству почте заблагорассудится, а ты молчи и радуйся, что вообще принесли. Рассорившись с Руне, Уве попытался было увлечь этой забавой Соню. Да правила оказались для нее слишком сложными. И Уве отказался от затеи.

Парень резво отклоняется назад, чтоб не схлопотать по лбу дверью. С

силой распахнув ее, Уве изумленно смотрит на него. Какой-то шкет в форменном мундире почтальона.

– Чего тебе? – спрашивает Уве.

Шкет не находится что ответить. Мнется с газетой и письмом в руке. Тут только Уве замечает: шкет тот самый, что давеча сцепился с ним возле загона из-за велосипеда. Еще говорил, что взял починить. Знаем мы твое «починить». «Починить» – это стырить и продать в энтернете другим таким же оболтусам. Чинилка выискался!

Шкет, узнав Уве, кажется, рад этой встрече даже меньше самого Уве. Вид у него как у официанта, который стоит перед вашим столиком в раздумье: то ли подать вам блюдо, то ли снести на кухню да плюнуть в него еще разок. Недобро глядит на Уве, на письмо и газету, снова на Уве. Наконец сует письмо и газету, буркнув: «Нате». Уве берет почту, не спуская со шкета глаз.

– У вас ящик того, накрылся, ну, я и подумал – прям домой занесу, – говорит шкет.

И кивает на согнутую пополам железяку, служившую Уве почтовым ящиком, пока его не снес своим прицепом увалень, не умеющий управляться с прицепом в принципе, – кивает на газету и письмо в руках Уве. Уве смотрит на них. Газета местная, навроде тех, что бесплатно разносят по дворам, несмотря на знак, запрещающий кидать в ящики всякую макулатуру. А письмо – верно, реклама какая-нибудь, прикидывает Уве. Правда, на конверте от руки написаны его имя и адрес, так это типичная уловка рекламщиков. Адресат решает, что письмо от реального человека, вскрывает конверт – и все, попался на маркетинговый крючок. Ищи дурака. Уве не проведешь, заключает Уве.

Шкет топчется, смотрит в пол. Его будто подмывает сказать что-то.

– Что еще? – спрашивает Уве.

Шкет запускает пятерню в свою сальную подростковую шевелюру.

– Дык, я того... Я чё спросить хотел... У вас жену Соней звать? – надтреснутым голосом роняет он в снег.

Уве напрягается. Шкет указывает на конверт.

– Там фамилия стоит. Как у моей училки. Я чё и спросить решил... блин.

Шкет, чувствуете, уже клянет себя за то, что заикнулся о Соне. Поворачивается, чтобы уйти. Уве, кашлянув, бьет ногой о порог.

– Ну да, может статья. А на что тебе Соня?

Отойдя на пару шагов, шкет останавливается.

– Дык, ёлы. Клевая училка была. Я чё и говорю. Я ведь это... как бы...

типа ни писать, ни читать не мог... Не шарил ни фига.

«Вот удивил», – хочет съязвить Уве, но сдерживается. Шкет мнется. Смущенно ерошит макушку, словно пытается нащупать там нужные слова.

– Из учителей она одна из всех не считала меня типа конченным дебилом, – мямлит он глухим, будто ватным, голосом. – Читала со мной этого, как его... Шекспира, ну. Там страниц до фигища, а мы с ней дочитали, прикиньте. Я как услышал, что она померла, меня конкретно сплющило.

Уве не отвечает. Шкет не поднимает глаз. Пожимает плечами.

– А больше как бы ниче...

Смолкает. И вот они стоят напротив, мужик пятидесяти девяти лет от роду и подросток, в нескольких метрах друг от друга, стоят и возят ногами по снегу. Словно мячиком перекидываются – ворохом воспоминаний о женщине, сумевшей открыть в обоих такие таланты, каких эти двое сами в себе не подозревали. И ни тот ни другой не знают, как им быть с этим общим знанием.

– Чего с велосипедом-то? – спрашивает наконец Уве.

– Да девушке своей обещал починить. Вон там живет, – поясняет шкет, выворачивая шею к крайнему дому, как раз напротив того, где живут Руне с Анитой. А там живут любители мусор посортировать, когда они не в Таиланде или где еще их черти носят. – Ваще-то она типа это... Как бы не моя девушка. Но типа будет моя.

Уве смотрит на шкета так, как мужчины средних лет обыкновенно смотрят на молодежь, которая словно изобретает собственную грамматику прямо по ходу речи.

– А инструмент-то хоть есть? – интересуется Уве.

Шкет мотает головой.

– Как же ты его починять собрался, без инструмента? – восклицает Уве скорее в искреннем изумлении, чем возмущенно.

Шкет пожимает плечами:

– Не знаю.

– А чего ж чинить берешься?

Шкет ковыряет носком снег. Сконфуженно трет нос всей пятерней.

– Запал я на нее, короче.

Уве не знает толком, что тут и ответить. Свернув газету и письмо трубочкой, задумчиво хлопает себя по ладони. Долго стоит так, полностью поглощенный этим занятием.

– Мне типа идти надо, – мямлит шкет чуть слышно, делая новую попытку слинять.

– Ладно, зайдешь ко мне после работы, выведу тебе велосипед.

Слова эти произнеслись как бы сами собой. Будто Уве и не сказал ничего, а так – громко подумал вслух.

– Но чтобы со своим инструментом пришел, – предупреждает он шкета.

Тот оживает:

– В натуре?

Уве все так же хлопает бумажной трубкой по ладони.

Шкет сглатывает.

– В смысле, реально, мужик? Я... Ты... Вы то есть... Не, короче... седни не могу забрать! У меня еще другая работа! Может, завтра, мужик? Типа с утра, короче, заберу, а?

Уве склоняет голову набок с таким видом, будто желает удостовериться: не из мультфильма ли явился сей персонаж. Шкет набирает в грудь воздуха, собирается с силами.

– Завтра, ну? Я приду, о'кей, да? – уточняет он.

– Что за «другая работа»? – спрашивает Уве, точно ведущий «Своей игры», не удовлетворенный ответом финалиста.

– Да типа в кафехе одной по вечерам и на выходных подрабатываю, – отвечает шкет. В глазах его с новой силой вспыхивает надежда спасти им же придуманные отношения с подружкой, которая, похоже, даже не в курсе, что она его подружка, – отношения, существующие обычно только в подростковых головах с сальными вихрами. – В кафехе же есть инструмент. Так я туда велик отопру! – пылко добавляет шкет.

– А на что тебе? Одной работы, что ли, мало? – говорит Уве, тыча трубкой из газеты и письма в форменный логотип шведской почты на груди у юноши.

– Коплю.

– На что?

– На машину.

Уве ревниво примечает, как юнец слегка приосанился, произнося это самое «машину». Бумажная трубка на секунду зависает. Потом медленно, но аккуратно хлопает по ладони.

– Машину? Какую?

– Да я тут «рено» приглядел! – радостно заявляет шкет, приосаниваясь еще больше.

Тут, на сотую долю выдоха, пространство над обоими мужчинами словно замирает. Как и бывает в подобных случаях. Если представить все это дело в виде киносъемки, камера как раз успела бы крутануться на

триста шестьдесят градусов и выхватить лицо Уве, окончательно вышедшего из себя.

– «Рено»? Да это ж дрататень ФРАНЦУЗСКАЯ! На кой хрен брать это ведро с болтами?

Шкет будто хочет возразить что-то, но где там! – Уве аж трясется всем туловищем, словно уворачиваясь от назойливой осы.

– Твою маковку, сосунок! Вообще ни черта не понимаешь в машинах?

Шкет мотает головой. Уве глубоко вздыхает, трет лоб, словно от внезапного приступа мигрени.

– И как же ты велосипед до кафе допрешь, если у тебя машины нет? – наконец спрашивает Уве, понемногу успокаиваясь.

– Да я... это... Не подумал как-то, – говорит шкет.

Уве качает головой.

– «Рено»? Правда, что ли? – повторяет он.

Шкет кивает. Уве с досадой чешет в глазу.

– Как, говоришь, называется забегаловка, в которой ты работаешь? – бурчит он.

Двадцать минут погода Парване, мало что понимая, выходит из дверей дома. На ее крыльце стоит Уве, мерно похлопывая по ладони трубкой, свернутой из газеты.

– Есть у тебя «У»?

– Чего?

– Ну, знак такой, что за рулем ученик. Так есть или нету?

Она кивает:

– Ну да, есть, а в чем...

– Тогда жди, через два часа за тобой заеду. Будем учиться на моей машине.

Не дожидаясь ответа, Уве разворачивается и топает восвояси по маленькой дорожке.

27. Уве и урок вождения

За почти сорок лет их жизни в поселке, бывало, иной раз кто-нибудь из новоприбывших соседей решался полюбопытствовать у Сони, в чем, собственно, причина вражды между Уве и Руне? С чего бы двум мужикам, двум бывшим приятелям, вдруг взять да возненавидеть друг друга лютой ненавистью?

На это Соня преспокойно отвечала, что тут все элементарно. Просто-напросто, когда эти двое переехали сюда вместе со своими супругами, Уве водил девяносто шестой «сааб», а Руне – «Вольво-244». Пару лет спустя Уве пересел на девяносто пятый «сааб», а Руне – на «Вольво-245». Еще через три года Уве купил девятисотый «сааб», Руне же – «Вольво-265». За последовавшие десять лет у Уве побывало два девятисотых «сааба» и один девятитысячный. За то же время Руне купил себе еще один «Вольво-265», потом взял 745-ю модель, но позже прикупил «Вольво-740», вернувшись к седану. Затем Уве снова взял девятитысячный «сааб», а Руне тем временем облюбывал «Вольво-760». Уве снова купил девятитысячник, Руне же поменял свою машину на «Вольво-60 Турбо».

Но вот однажды Уве отправился в автосалон посмотреть свежевypущенный «Сааб 9–3», а когда воротился, на дворе у Руне стоял новый БМВ.

– БМВ! – крикнул Уве в сердцах жене. – Можно с таким мужиком дело иметь? А?

Возможно, были у обоих и другие резоны невзлюбить друг друга, говорила Соня. Впрочем, если вам мало этой причины, то вам и остальных не понять. А коли не понять, то что толку про них рассказывать?

Как заметил Уве, большинство знакомых, разумеется, так и не уяснили причин раздора. А все потому, что люди перестали ценить постоянство. Ведь для них машина – так, средство передвижения, а дорога – досадное недоразумение между двумя пунктами. Оттого и развелось на ней столько придурков, уверен Уве. Кабы люди берегли свои машины, стали бы разве гонять как полоумные? Так думает Уве, с неудовольствием наблюдая, как Парване смахивает со своего места подстеленную газету. Ей приходится сперва откатить водительское кресло до упора (иначе не втиснуть пузо), а после – снова придвинуть (иначе не достать до руля).

Поначалу урок вождения идет не очень гладко. Точнее, начинается он с того, что Парване пытается сесть за руль с лимонадом в руке. Не самая удачная мысль. Тут же, без спросу, начинает выкручивать радио, выбирая канал «повеселее». Делать этого ей тоже не стоило бы.

Уве поднимает сброшенную газету, нервно комкает, превращая в некое подобие антистрессового мячика. Парване хватается за руль, с детским любопытством разглядывает приборы на доске.

– Ну-с, с чего начнем? – бодро кудахчет она, едва он отобрал у нее лимонад.

Уве вздыхает. Кошак на заднем сиденье, судя по виду, отчаянно жалеет, что коты так и не научились пристегиваться ремнями безопасности.

– Выжми сцепление, – решительно командует Уве.

Парване озирается, будто что-то ищет. Не найдя, заискивающе смотрит на Уве:

– Сцепление? А это где?

На лице Уве написано крайнее недоверие.

– В ман... Блин, будто сама не знаешь.

Она снова озирается, поворачивается к спинке, к креплению ремня, словно сцепление спряталось именно там. Уве хватается за голову. Парване тут же вспыхивает, лицо ее – само негодование.

– Я же тебе говорила: мне нужны права на коробку-автомат! Какого черта ты сажаешь меня в свой драндулет?

– Тебе надо сдать на нормальные права, а не абы на что! – отрезает Уве, особо выделяя слово «нормальные». По интонации его становится ясно: в представлении Уве права на вождение с автоматической коробкой передач так же мало ассоциируются с «нормальными правами», как машина с автоматом – с «нормальным автомобилем».

– Хватит орать на меня! – кричит Парване.

– Я не ору! – кричит в ответ Уве.

Кошак съеживается на сиденье, явно не горя желанием попасть под раздачу, которая, видно, скоро начнется. Скрестив руки на груди, Парване обиженно отворачивается к окошку. Уве монотонно хлопает газетой по ладони – хлоп, хлоп, хлоп.

– Педаль, крайняя слева, – это сцепление, – цедит он наконец.

Делает вдох, такой долгий и глубокий, что на половине его вынужден прерваться, чтобы набрать еще воздуха. Продолжает наставлять:

– Посередине тормоз. Справа – газ. Медленно отпускай сцепление, пока не тронется двигатель. Тогда жмешь на газ, отпускаешь сцепление и едешь.

Парване явно принимает его рассказ как извинение. Кивает, приходит в себя. Берется за руль, заводит машину, делает, как ей велят. «Сааб» стартует с места в карьер, на миг замирает, но тут же с ревом вылетает на гостевую стоянку, едва-едва не впечатавшись в другую машину. Уве рвет на себя ручник, Парване, бросив руль и закрыв глаза руками, охает от ужаса, «сааб», судорожно дернувшись, останавливается. Уве дышит так, словно не до ручника дотянулся, а по-пластунски отмахал через полосу препятствий. Лицо его дергается, будто в глаза ему брызнуло лимоном.

– И куда мне теперь? – подвывает Парване, глядя на два сантиметра, отделяющие перед «сааба» от задних фар другой машины.

– Сдай назад. Включи заднюю передачу, – цедит сквозь зубы Уве.

– Я в него чуть не врезалась! – волнуется Парване.

Уве заглядывает за капот. И вдруг успокаивается. Деловито кивая, отвечает:

– Ничего ему не сделается. Это «вольво».

За четверть часа они успевают только выехать с парковки на дорогу. Там Парване на первой скорости набирает такие обороты, что машину начинает трясти: того и жди, взлетит на воздух. Уве велит соседке переключаться, Парване отвечает, что не знает как. Тем временем кошка, судя по всему, ищет способ открыть заднюю дверь.

Когда они в первый раз останавливаются на красный свет светофора, сзади их почти впритирку подпирает бампером огромный черный джип с двумя бритоголовыми бугаями – Уве готов поклясться, что, вернувшись домой, найдет на лакировке цифры их номера. Парване, вконец зашуганная, поглядывает в зеркало. Джип газует на месте, точно на автодроме. Уве оборачивается, выглядывает сквозь заднее стекло. Видит: у обоих бугаев шея сплошь в татуировках. Полные кретины: мало им кататься по городу на джипе, надо было еще чем-то дурь свою обозначить.

Загораются зеленый. Парване отпускает сцепление. «Сааб», кашлянув, глохнет, разом тухнут все лампочки на приборной доске. Парване судорожно вертит ключ зажигания – в ответ лишь сухой скрежет. Мотор взывает, кашляет и снова глохнет. Бритоголовые бугаи с татуированными загривками бешено сигналият. Один принимается размахивать руками.

– Выжми сцепление и поддай газу, – велит Уве.

– Я так и делаю! – отвечает она.

– Неправильно делаешь!

– Нет, правильно!

– Теперь ты на меня орешь!

– БЛИН, ДА НЕ ОРУ Я НА ТЕБЯ! – орет она.

Джип библикает. Парване выжимает сцепление. «Сааб» откатывается, задом утыкается джипу в передок. Типы в татуировках сигналият уже практически без остановки: прямо не джип, а сирена перед авианалетом.

Парване истерично вращает ключом, но с тем же успехом – мотор снова глохнет. Тогда, резко побросав все, Парване закрывает лицо руками.

– Матерь бо... Ты реवेशь, что ли? – восклицает Уве.

– БЛИН, ДА НЕ РЕВУ Я! – громко всхлипывает она, и слезы брызжут на приборы.

Уве откидывается, опускает взор на свои колени. Большими пальцами водит по краю трубки, свернутой из газеты.

– Как ты не поймешь: все навалилось так сразу! – рыдает она и обреченно роняет голову на руль, словно надеясь, что он мягкий и пушистый. – Вообще-то я БЕРЕМЕННАЯ! – вскидывается вдруг она и с вызовом глядит на Уве, точно это его вина. – Я просто немного ПЕРЕНЕРВНИЧАЛА, что, разве трудно понять, что беременная клуша чуть-чуть ПЕРЕНЕРВНИЧАЛА??!

Уве смущенно ерзает на месте. Парване несколько раз стучает кулаком по рулю. Ворчит что-то типа: «Даже лимонад не дал допить». Потом, бессильно обмякнув на руле, зарывается носом в рукава кофты, рыдает снова.

Джип сзади бешено сигналиит, так, будто его зажали в трюме парома «Финляндия». И тут у Уве, выражаясь автомобильным языком, отказывают тормоза. Распахнув дверь, он выскакивает, решительно шагает к джипу, дергает ручку водительской двери.

– Что, чайников за рулем не видал?

Водила не успевает ответить.

– Ты, гнида, чмошник конченный, сука! – кричит Уве прямо в лицо лысому детине с наколками на шее, и слюни фонтаном брызжут по салону.

Бугай не успевает ответить, Уве не дает ему опомниться. Хватает за ворот, рывком выдергивает из машины, бугай неуклюже шлепается наземь. Вроде немаленький, весом за центнер, но Уве мертвой хваткой вцепился ему в воротник – не вырваться. Бугай, видно, ошеломлен: откуда такая силища в руках у старпера? Настолько, что даже не думает трепыхаться. Молнии блещут в глазах у Уве, когда он, схватив бугая, верно тридцатью пятью годами младше себя, крепко прижимает его к борту джипа – аж хрустит железный кузов. Утыкает указательный палец бугаю в темечко, упирается глазами в его глаза так близко, что чувствует его дыхание.

– Библикни мне еще раз и считай, что ОТБИБИКАЛСЯ на этом свете. Усек?

Бугай бросает взгляд на своего татуированного товарища, потом на вереницу машин, скопившихся позади джипа. Никто даже не думает прийти ему на подмогу. Никто не сигналист. Никто не рыпается. Похоже, на уме у всех одно: ежели личность без татуировок в возрасте Уве вот так кидается на татуированную личность соответствующего возраста, да еще возит означенную личность о борт джипа, то ежели кто и нуждается в содействии, то отнюдь не вышеназванная татуированная личность.

Глаза у Уве уже черные от гнева. Татуированный бугай, быстро прикинув, счел это весомым аргументом – старичок-то, по ходу, реально разбушевался – и чуть приметно повел кончиком носа вверх, потом вниз.

Уве, кивнув, отпускает его. Разворачивается на сто восемьдесят градусов, обходит джип кругом, возвращается к «саабу», садится. Парване смотрит на него разинув рот.

– А теперь слушай меня, – спокойно говорит Уве, аккуратно прихлопывая дверь. – Ты ведь уже родила двоих, а скоро родишь и третьего. Приехала из другой страны, наверняка сбежала от войны, преследований и прочих ужасов. Выучила чужой язык, получила образование, нашла работу, содержишь целую семью, в которой кроме тебя, похоже, никто ни на что не пригоден. И я, леший меня забодай, подумать не мог, что в мире есть такая хреновина, которая бы тебя напугала.

Уве пристально смотрит на Парване. Та только диву дается. Уве властно указывает на педаль у нее под ногами.

– Я же не прошу тебя стать нейрохирургом. А всего лишь – научиться водить машину. Тут газ, тут тормоз, тут сцепление. Самые тупые болваны на свете и те смогли разобраться, что к чему. Так неужели ты не сумеешь?

И произносит семь слов, которые отложатся в памяти Парване самым изысканным комплиментом из всех когда-либо слышанных:

– Ты же ведь не круглая дура!

Парване убирает со щеки прядь волос, мокрую от слез. Обеими руками неуклюже вцепляется в руль. Уве кивает, пристегивается, садится поудобней.

– Так, выжми сцепление, а потом делай, как я скажу.

К концу дня Парване умеет водить машину.

28. Уве и сосед Руне

Соня называла Уве «злопамятным». К примеру, он восемь лет кряду обходил стороной местную булочную, после того как в конце девяностых купил там плюшку и продавщица то ли ошиблась, то ли обсчитала его. Сам Уве называл это «принципиальностью». Что ж, супруги часто не могли сойтись в формулировках.

Уве видел, как жена огорчается, что он не ладит с Руне. Ведь эта вражда отчасти мешала и Соне с Анитой сдружиться как следует. А потом, спустя порядочное количество лет, конфликт застарел настолько, что сделался неразрешимым – по той простой причине, что все забыли, из-за чего он начался.

Зато Уве помнит, чем кончился.

БМВ. Есть люди, которым и так все понятно, а есть – которым все равно не понять. Ну не видят они никакой связи между машинами и человеческими чувствами. А объяснить доходчивей, почему эти двое друзей рассорились вдрызг, все равно не получится.

Началось все вроде совершенно невинно, вскоре после испанской аварии, когда Соня с Уве вернулись домой. Тем летом Уве затеял перекладывать плитку на площадке перед домом, а Руне решил огородить свою забором. Увидев его старания, Уве, понятное дело, поставил забор еще выше. Тогда Руне смотался на строительный рынок, после чего на каждом углу хвастал, что «вырыл бассейн». «Да какой там бассейн!» – кипятился Уве в разговоре с Соней. Так, не то лужа, не то лягушатник для новорожденного сынишки Руне и Аниты, вот и все. Уве порывался даже донести в жилищную инспекцию на самоуправство соседа, но тут уже Соня возмутилась: «Ладно, успокойся ты» и выпроводила Уве постричь газон и «поостыть немного». Уве сделал, как она велела, хотя и понимал, что поостыть получится едва ли.

Газон тянулся длинной полосой метров пять в ширину по-за домами

Уве, Руне и еще одного дома между ними – который Соня и Анита вскоре окрестили «нейтральной территорией». Почему газон разбили именно там, точно никто не знал. Как и того, с какой целью. Скорее всего, еще при проектировании поселка какой-нибудь кабинетный архитектор глянул на чертеж и подумал, как бы стильненько смотрелась тут изумрудная полоска, – другой причины разбивать тут газон, пожалуй, и не было. Когда Уве и Руне, в ту пору еще друзья, создали правление ТСЖ, то на пару решили назначить Уве «заведующим газоном», ответственным за стрижку травы. Обязанность эту Уве исправно нес долгие годы. Как-то другие соседи предложили выставить на газоне столики и скамейки, превратив его в «общедоступное место совместного времяпровождения». Уве и Руне эту инициативу тут же зарубили: ничего, мол, путного из этого не выйдет – один цирк, да еще вечный шум и гам.

Так и продолжали жить – тихо-мирно. Ну, по крайней мере, настолько «тихо и мирно», насколько это возможно для таких людей, как Уве и Руне.

Вскоре после того, как Руне вырыл у себя «бассейн», по участку Уве пробежала крыса – промчалась по свежескошенной траве и юркнула в лес за газоном. Уве тотчас созвал «экстренное совещание» и потребовал расставить по всему поселку приманки с крысиным ядом. Остальные, естественно, высказались против: кто-то встретил среди деревьев на опушке ежиное семейство, и теперь соседи боялись, что ежики тоже передохнут, наевшись крысиного яда. Руне тоже высказался против: он боялся, как бы крысиный яд не попал в бассейн. На это Уве посоветовал Руне соблюдать приличия, а еще лучше сходить к психологу и подлечиться от навязчивого представления, будто живешь на Французской Ривьере. В ответ Руне злобно прошелся на счет Уве, заметив, что к психологу надо идти тому, кому крысы мерещатся. Соседи заржали. Слова эти смертельно задели Уве. Той же ночью кто-то рассыпал пшено по всему участку Руне, две недели после этого Руне гонялся с лопатой за дюжиной крыс, каждая величиной с пылесос. Собрание тут же дало Уве добро на крысиный яд, оставив без внимания вялые протесты Руне, мямлившего, что еще попомнит это Уве.

Два года спустя Руне выиграл «тяжбу за дерево» – годовое собрание разрешило ему спилить дерево, мешавшее Руне и Аните любоваться закатным солнцем, зато защищавшее Уве и Соню от его палящих лучей по утрам. А заодно заблокировал встречное требование Уве, заявившего, что в таком случае правление обязано выделить ему средства на установку новых жалюзи.

Следующей зимой Уве, однако же, отыгрался: уел Руне в

«снегоуборочном конфликте», не дав тому ни взойти на трон заведующего снегоуборкой, ни продавить в собрании покупку огромной снегоуборочной машины. Допустить, чтобы Руне колесил повсюду на каком-то драндулете, приобретенном к тому же на халяву – на кровные жильцов, – и закидывал их окна снегом?! Не бывать этому, что Уве и довел без обиняков до сведения собрания.

И хотя в итоге Руне все-таки пролез в заведующие снегоуборкой, ему потом всю зиму, к вящему своему неудовольствию, пришлось грести снег лопатой. В отместку он, понятное дело, регулярно чистил все дворы, кроме одного – где жили Уве с Соней, но Уве разве этим проймешь? А чтобы досадить Руне еще сильнее, посреди января Уве прикатил на свой участок огромный снегоуборочный трактор, взятый напрокат, и принялся чистить на нем десять квадратных метров у себя перед домом. Руне тогда аж позеленел от злости – по сей день приятно вспомнить.

На следующее лето Руне, конечно же, изыскал способ отомстить: приобрел здоровенную дуру – газонный трактор. После чего наветами и интригами сместил-таки Уве с поста газонного начальника на годовом собрании. На том лишь основании, что теперь у Руне в распоряжении «более адекватная техника, чем у бывшего заведующего», с ухмылкой бросил Руне в сторону Уве. Уве тогда, разумеется, не смог представить доказательств того, что решение собрания о назначении Руне на место заведующего – результат поклепа и козней конкурента, но предположение такое высказал. «Тарахтелка вонючая», вскидывался Уве всякий раз, стоило трактору показаться за окошком, – на тарахтелке восседал Руне, лихо и самодовольно, точно ковбой, укрощающий быка.

Ладно, четыре года погода Уве все же сумел хоть немного поквитаться с обидчиком – не дал тому поменять окна в доме: тридцать три письма и дюжина телефонных бесед на повышенных тонах возымели действие – городская градостроительная комиссия приняла сторону Уве, согласившись, что «замена окон нарушит целостность восприятия архитектурного облика поселка». Три года после этого Руне величал Уве не иначе как «чертовым буквоедом». Уве принимал его слова как комплимент. А на следующий год сам поменял окна.

На следующую зиму правление постановило, что поселку требуется новая, централизованная система отопления. Руне и Уве, разумеется по чистой случайности, высказали диаметрально противоположные точки зрения на то, какая именно система лучше подойдет для этого, – тем самым положив начало новой бесконечной распри, которую соседи прозвали «битвой за водокачку».

Так вот и жили.

Впрочем, случались, как говаривала Соня, и перемирия. Нечасто, правда, но женщины – такие, как она и Анита, – умели мастерски выжать максимум из короткого затишья. Не всегда ведь их мужчины вели активные боевые действия. Вот взять лето в начале восьмидесятых, когда Уве купил «Сааб-9000», а Руне – «Вольво-760». Оба так радовались своим покупкам, что на несколько недель забыли о вражде. Соне и Аните удалось даже несколько раз устроить совместный ужин. Сынок Руне и Аниты, уже тинейджер – с соответственной внешностью и манерами, – тоже торчал за общим столом угрюмым пеньком. Не с той ноги родился мальчик, грустно пошутила Соня; шутка, впрочем, нисколько не помешала Уве и Руне найти общий язык – к концу вечера они даже хлопнули на пару по стопарику виски.

Но, на беду, в один из последних вечеров того лета Уве и Руне взбрело в голову затеять пикник. Сперва заспорили насчет «наиболее эффективного способа» разжечь круглую барбекюшницу Уве. За четверть часа спор перерос в конфликт такого вселенского масштаба, что Соня с Анитой, как им ни было жаль, сочли за лучшее развести бойцов по дворам и ужинать порознь. Побеседовать снова нашим спорщикам довелось уже много позже, когда один успел приобрести и продать «Вольво-760 Турбо», а другой – «Сааб-9000 I».

Соседи тем временем менялись: кто приезжал, кто уезжал. Под конец из каждых соседских дверей выглядывало такое множество новых лиц, что лица эти слились в одну серую массу. Где раньше шумели леса, ныне громыхали строительные краны. Уве и Руне стояли каждый на своем крыльце, с вызывающим видом сунув руки в карманы, – мастодонты, дожившие до новых времен, а вокруг сновали бойкие маклеры – узлы на галстуках величиной с грейпфрут, – прочесывали улочку между домами и посматривали на обоих ветеранов, как падальщики на дряхлеющих буйволов. Уве и Руне, конечно, догадывались, что грифы эти не уймутся, пока не заселят их дома какими-нибудь паршивыми айтишниками с семьями.

Сынок Руне и Аниты выпорхнул из гнезда в начале девяностых, едва ему стукнуло двадцать. В Штаты, конечно, куда ж еще, узнал Уве через Соню. Больше его, почитай, не видели. Так, изредка звонил Аните под Рождество. «Некогда ему, небось своих забот хватает», – бодрилась Анита, а глаза у самой были на мокром месте, видела Соня. Просто есть такие сыновья, что уходят из дому и не оглядываются. Ничего не поделаешь.

Руне ни разу не заикнулся на этот счет. Правда, все, кто знал его много

лет, заметили, что с отъездом сына Руне будто укоротили на вершок-другой. Словно сосед выдохнул горестно, а снова вдохнуть не смог.

Несколько лет погода Уве с Руне в очередной стонадцатый раз поцапались из-за центрального отопления. Громко хлопнув дверью, Уве в ярости покинул собрание жильцов и с тех пор туда ни ногой. Последняя баталия между ними разыгралась ближе к середине нулевых из-за автоматической газонокосилки, выписанной Руне откуда-то из Азии, – эта штукенция ползала по лужайке, зудела и сама стригла траву. Причем Руне мог запрограммировать ее так, чтобы машина выстригала газон «заданными фигурами», докладывала Уве, вернувшись вечером от Аниты, восхищенная Соня. Уве быстро раскусил, что фигуру этой автоматической гадине нарочно задали такую, чтобы она ночи напролет кружила под окнами их с Соней спальни и назойливо жужжала. И вот однажды вечером Соня заметила, как Уве, схватив отвертку, помчался на двор. Наутро чудомашинку нашли в бассейне у Руне, куда она заехала при необъяснимых обстоятельствах.

Где-то месяц спустя Руне впервые угодил в больницу. Купить новую газонокосилку ему уже не привелось. Уве сам не помнил, как начиналась их вражда, зато точно помнил: именно тогда ей настал конец. С того момента она превратилась в воспоминания для Уве и в отсутствие таковых для Руне.

И конечно, были люди, не понимающие, как можно судить о чувствах мужчины по маркам машин, на которых тот ездит.

А вот смотрите сами: у Уве был девяносто шестой «сааб», а у Руне – «Вольво-244». После аварии Уве купил девяносто пятый «сааб», чтобы туда поместилась коляска Сони. В том же году Руне приобрел «Вольво-245», чтобы туда поместилась детская коляска. Три года спустя, когда Соня поменяла коляску на более современную, складную, Уве купил полукомби, девятисотый «сааб». Руне приобрел «Вольво-265», как только у Аниты возникла идея завести второго ребенка.

Затем у Уве перебывало еще два девятисотых «сааба», потом первый девятитысячный. Руне взял «Вольво-265», потом 745-ю модель. Новых деток они так и не родили. Как-то, поздно вернувшись домой, Соня поведала Уве, что Анита ходила в женскую консультацию.

Через неделю в гараже у Руне уже стоял «Вольво-740». Седан.

Уве заметил его, когда намывал свой «сааб». Вечером Руне нашел у себя под дверью полбутылки вискаря. Никаких душевных бесед не последовало.

Кто знает, может, именно скорбь по неродившемуся ребенку так сблизил двух мужиков. Но скорбь – штука опасная, в том смысле, что,

если люди не разделяют ее, она сама разделяет людей. Вот и Уве, наверное, не мог простить Руне, что у того все же есть сын, хоть и непутевый. А Руне, тот, верно, не мог простить Уве, что тот не может простить его. А может, оба не простили каждый самому себе, что не смогли дать женщинам, которых любили больше всего на свете, того, чего эти женщины больше всего на свете желали. Сынок Руне и Аниты свалил из дома при первом же удобном случае, едва оперившись. Вот тогда Руне взял и купил тот самый спорткар – «бэху», в которой места только на двух человек и одну дамскую сумочку. Ведь их только двое теперь, он да Анита, так Руне и сказал Соне, встретившись с ней на парковке. «Не всю же жизнь на “вольво” ездить», – натужно пошутил он, выдавливая полуулыбку. А сам чуть не плакал. И именно тогда, в тот самый момент, почуял Уве, какая-то часть Руне как будто растворилась, улетучилась навсегда. Вот этого Уве и не мог простить Руне – да и сам Руне себе простить не мог.

А люди, что ж, они, верно, думали, что о чувствах мужчины нельзя судить по его машине. Они заблуждались.

29. Уве и голубой

– Нет, правда? Куда мы? – интересуется запыхавшаяся Парване.

– Дело есть, – отмахивается Уве, опережая ее на несколько шагов. Кот несется рысью, едва поспевая за ним.

– Какое дело?

– Какое надо!

Парване останавливается, чтобы перевести дух.

– Сюда! – восклицает Уве, резко тормознув перед небольшим кафе.

Из-за стеклянной двери пахнет свежими круассанами. Парване замечает: через дорогу, как раз напротив них, та самая стоянка, на которой они припарковали «сааб». От нее до кафе было только дорогу перейти. Кабы Уве не потащил ее на другой конец города – он был твердо убежден, что кафе находится именно там. Парване еще предложила доехать на машине, но там парковка стояла на крону дорожке, и Уве решительно отверг такое предложение.

Вот и припарковались тут, а потом поперлись черт-те куда, обошли весь район и вернулись на прежнее место. Пообщавшись с Уве, Парване вскорости поняла, что он из тех людей, которые, не зная точной дороги, твердо верят в то, что рано или поздно дорога отыщется сама. Вот и теперь, когда от стоянки до кафе оказалось рукой подать, Уве хорохорится, словно все идет в точности по его плану. Парване утирает пот со щеки.

Посреди улицы, прислонившись к стене, сидит нищий с чумазой бородой. На земле перед ним – бумажный стаканчик. В дверях Уве, Парване и кошка сталкиваются с сублильным паренком лет двадцати, под глазами у него будто вымазано сажей. До Уве не сразу доходит: это тот самый паренек, который стоял позади шкета, когда Уве повстречался с ними там, у велосипедного сарая. Парень озирается, как и в прошлый раз. Несет на бумажном блюде два бутерброда, улыбается, увидев Уве. Уве, не удержавшись, кивает ему. Как бы дает понять: улыбаться в ответ не стану, но улыбку твою принимаю.

– Ну чего ты не разрешил мне парковаться рядом с красной машиной? – допытывается Парване, когда они проходят в стеклянные двери.

Уве молчит.

– Я бы справилась, – уверенно отвечает сама.

Уве сокрушенно качает головой. Два часа тому назад она не знала, где у машины сцепление, а теперь, вишь ты, недовольна: не дали ей самостоятельно запарковаться между двумя машинами.

Зайдя внутрь, Уве краем глаза видит, как за окном парнишка с сажей вокруг глаз отдаёт бутерброды бродяге с чумазой бородой.

– Здравствуйте, Уве! – восклицает кто-то с таким напором, что голос срывается на фальцет.

Обернувшись, Уве видит того шкета, с которым давеча сцепился из-за велосипеда. Шкет стоит за длинной лакированной стойкой у самого входа в заведение. Кепку бы хоть снял, недовольно замечает про себя Уве. Чай, не на улице.

Кошак с Парване располагаются на барных стульях у стойки. Парване без конца утирает пот со лба, хотя в кафе холодно, как в погребе. На дворе и то теплей. Берет со стойки кувшин, наливает себе воды. Кошак не тушует – едва Парване отворачивается, украдкой лакает прямо из ее стакана.

– Вы что, знакомы? – Парване изумленно пялится на шкета.

– Да, мы с Уве типа корешки, – кивает шкет.

– Вот как? А мы типа тоже! – улыбается Парване, беззлобно передразнивая его несколько восторженный тон.

Уве держится поодаль. Близко к стойке не подходит, точно боится, что кто-то полезет к нему с телячьими нежностями.

– Я – Адриан, – представляется шкет.

– Парване! – говорит Парване.

– Хотите чего-нибудь выпить? – спрашивает Адриан, обращаясь к Уве.

– Ой, да. Латте! – отвечает Парване томно, словно ей массируют плечи. Промакивает лоб салфеткой. – Желательно холодный латте, если есть!

Уве переминается с ноги на ногу, скептически озирается. Никогда не любил забегаловок. Вот Соня – другое дело, та обожала их. Могла проторчать там все воскресенье напролет – по ее собственному выражению, «на людей посмотреть». Пока она смотрела на людей, Уве изнывал рядом, уткнувшись в газеты. И так каждое воскресенье. А как Соня умерла, с тех пор он в кафе – ни ногой.

Подняв глаза, Уве вдруг понимает: Адриан, Парване и кошка ждут, что закажет он.

– Ну, мне тогда кофе. Черный.

Адриан лезет под кепку, чешет макушку.

– Какой... типа эспрессо?

– Нет. Кофе.

Чесотка расползается, рука Адриана чешет уже подбородок.

– Короче... типа черного кофе?

– Ага.

– С молоком?

– С молоком – это будет уже не черный кофе.

Адриан выставляет несколько сахарниц. Делает он это скорее от неловкости, не желая казаться круглым недотепой. «Спихватился!» – думает Уве.

– Обычный фильтрованный кофе. Самый обыкновенный, – повторяет Уве.

Адриан кивает:

– Я... это... Да. О'кей. Только вот чё... А как его делают?

Уве глядит на него так, как мужики вроде Уве глядят на всякого, кто скажет, что не умеет налить воду в кофеварку, отвесить молотого кофе, положить в фильтр и нажать на кнопку. Он показывает на полки за спиной у шкета – кофеварка притулилась в уголке. Наполовину затертая серебристым корпусом кофемашины размером с космический корабль – видимо, на этом звездолете и варганят тот самый эспрессо, догадывается Уве.

– Ах, на этой, – кивает Адриан на кофеварку, словно до него только дошло.

Опять поворачивает к Уве:

– Так на этой я, по ходу, не умею, типа.

– Ну, это уже, знаешь ли... – бурчит Уве и сам идет за стойку.

Отодвинув шкета, берет емкость. Парване громко кашляет. Уве зыркает на нее.

– Чего? – спрашивает.

– Чего? – переспрашивает она.

Уве вскидывает брови. Она пожимает плечами:

– Скажешь ты наконец, зачем мы сюда пришли?

Уве наливает воду в емкость.

– Мальцу вот этому велосипед починить надо.

– Который на машине сзади прикручен? – обрадовавшись, уточняет

Парване.

– Вы мне сюда его привезли? – восклицает Адриан, на седьмом небе от счастья.

– Ну, у тебя же нет машины, – отвечает Уве, а сам тем временем шарит по буфету, пытаясь отыскать кофейные фильтры.

– Спасибо, Уве! – говорит Адриан и делает шаг навстречу Уве, но вовремя спохватывается, удержавшись от следующего.

– Так это твой велик? – улыбается Парване.

Адриан кивает. Но тотчас трясет головой:

– Да ну, не мой. Девчонки моей, короче. Ну, она типа пока не моя, но, по ходу, будет со мной.

Парване смеется:

– Так, значит, мы с Уве потащились в такую даль ради одного велосипеда? Чтоб ты починил его? Для девчонки?

Адриан кивает.

Парване, дотянувшись через стойку, хлопает Уве по руке.

– Знаешь, Уве, я иногда начинаю думать: а может, у тебя и вправду есть сердце?!

Тон ее Уве не по душе.

– Инструмент у тебя здесь, с собой? – спрашивает он Адриана, отдергивая руку.

Адриан кивает.

– Так неси. Велосипед сними с «сааба», тут рядом на стоянке.

Поспешно кивнув, Адриан убегает на кухню. Через минуту выносит здоровенный ящик, спешит к выходу.

– А ты цыц! – шикает Уве на Парване.

Та, судя по ухмылке, подчиняться не собирается.

– Все глаза мне этот велосипед промозолил, а то повез бы я его сюда, как же! – вяло оправдывается Уве.

– Да, да, как же, – хохочет Парване.

Уве рыскает за стойкой в поисках кофейного фильтра. В дверях Адриан буквально налетает на парнишку с сажей под глазами.

– Мне типа тут, короче, тему одну надо, по ходу, решить, – обрушивает Адриан на парня штабель слов, точно пустые коробки. – Мой босс! – кричит он Уве и Парване, указывая на парня с сажей вокруг глаз.

Парване, учтиво привстав, протягивает руку. Уве тем временем увлеченно роется на полках за стойкой.

– А вы... чё делаете? – интересуется чумазый паренек, с некоторым любопытством наблюдая, как незнакомый мужик предпенсионного

возраста шарится за стойкой в его кафе.

– Мальцу велосипед починить надо, – невозмутимо отвечает Уве: мол, что тут непонятного? – Где тут у тебя фильтры, чтоб нормальный кофе сварить? – как у себя дома, спрашивает Уве.

Паренек показывает. Уве смотрит на него, прищуривается.

– Что это ты, красишься, что ль?

Парване шикает, Уве виновато оправдывается:

– Уж и спросить нельзя?

Паренек с сажей вокруг глаз хихикает, слегка натянуто.

– Ну, крашусь, – кивает он и начинает тереть глаза. – В клуб ходил танцевать, – с признательностью улыбается он Парване, когда та проворно, словно сообщник, помогающий скрыть следы преступления, достает влажную салфетку и протягивает пареньку.

Кивнув, Уве начинает возиться с кофеваркой.

– А у тебя что, тоже проблемы с велосипедами, любовью и женщинами? – как бы невзначай интересуется он.

– У меня? Нет, во всяком случае, не с велосипедами. И не с любовью вроде бы. И уж точно... Точно не с женщинами, – отвечает парень и замолкает.

Уголок его рта подрагивает. Тишина затягивается дольше чем на пятнадцать секунд, парень нервно тербит изнанку футболки. Уве жмет на кнопку, заслышав бульканье кофеварки, поворачивается, по-хозяйски заглядывает под стойку – так, словно нет на свете картины обыденней, чем посетитель кафе, зашедший сам себе сварганить кофейку.

– Голубой, что ли? – кивает он чумазому пареньку.

– УВЕ! – Парване снова шлепает Уве по руке.

Отдернув руку, Уве негодует:

– Что я такого сказал?!

– Чего обзываешься... Нельзя называть людей... – шипит Парване, не смея произнести слово.

– Голубыми? – подсказывает Уве.

Парване снова бьет по руке, но промахивается – Уве начеку.

– Нельзя, не смей называть его так! – не велит она ему.

Тут уж Уве в полном недоумении поворачивается к пареньку:

– Как нельзя? Голубым? А как же тогда прикажете его величать?

– Гомосексуалом. Или геем, – перебивает Парване, но спохватывается.

Уве смотрит на нее, потом на пареньку, потом снова на нее.

– Да фигня, зовите как хотите, – улыбается чумазый паренек, заходит за стойку и надевает фартук.

Парване, шумно вздохнув, глядит на Уве, неодобрительно качает головой. Уве столь же неодобрительно мотает в ответ своей.

– Да, это конечно. – Уве крутит рукой в воздухе, словно хореограф, подыскивающий формулировку для объяснения фигур экзотического латиноамериканского танца. – Ну так все-таки... Насчет голубых. Ты из них или нет?

Парване глядит на покрашенного мальчика так, будто всеми доступными ей средствами пытается донести до него, что Уве попросту сбежал из дурдома, из буйного отделения – а с психа велик ли спрос? Но парень, похоже, и не думает обижаться.

– Я-то? Ну да. Из этих самых.

– А, ну тогда... – Уве отворачивается к кофеварке, наливает в чашку еще бурлящий кофе.

Берет чашку и, не сказав ни слова, уходит с ней на стоянку.

Покрашенный мальчик не возражает. После того как незнакомый посетитель, завалившись к тебе в кафе, самолично назначает себя в баристы и за первые пять минут общения с тобой успевает учинить допрос о твоих сексуальных предпочтениях, жалеть об утрате кофейной посуды было бы как-то мелко.

Возле «сааба» с видом путника, заплутавшего в чаще, стоит Адриан.

– Ну как? Уже починил? – риторически вопрошает Уве и, отхлебнув кофе, смотрит на велосипед, который Адриан еще даже не снимал с машины.

– Э-э... Не... Это... как его. – Запнувшись, Адриан начинает ожесточенно расчесывать грудь.

С полминуты Уве наблюдает за ним. Отхлебывает еще. Кивает с чувством законной брезгливости, словно покупатель, нечаянно раздавивший перезрелый авокадо. Передав мальцу чашку, подходит и сам снимает велик. Переворачивает, ставит вверх колесами, открывает ящик с инструментами, который малец притащил из кафе.

– Тебя что, отец не учил чинить велосипеды? – интересуется Уве, не глядя на Адриана. Склоняется над продырявленной шиной.

– В тюрюге мой отец, – чуть слышно мямлит Адриан, принимаясь чесать плечо.

Глазами словно ищет черную дыру, куда бы провалиться. Уве отрывается от шины и пристально смотрит на Адриана. Тот не знает, куда спрятать глаза.

– Да тут все просто, как два пальца об асфальт, – кашлянув, бормочет Уве и жестом приглашает Адриана помочь.

Десять минут они клеят камеру. Уве говорит, что делать. Адриан молчит. Однако вникает и работает на удивление споро: руки у паренька, как оказалось, растут из правильного места, это даже сам Уве готов признать. Работают что надо, не в пример языку. Достав из багажника «сааба» тряпку, оттирают мазут, друг на дружку стараются не смотреть.

– Надеюсь, подружка твоя того стоит, – говорит Уве, запирая багажник. Адриан не знает, что на это ответить.

Войдя в кафе, они застают там приземистого квадратного мужика в пестрой нарядной рубашке: взгромоздившись на стремянку, тот ковыряет отверткой некое устройство, должно быть, тепловентилятор, предполагает Уве. Накрашенный паренек стоит рядом, подавая всевозможные отвертки. Украдкой трет глаза, стирая следы теней, а сам косится на квадратного мужика и пугливо поеживается. Словно боится, как бы его не раскусили. Парване театральным голосом сообщает Уве:

– Это Амель! Хозяин кафе! – Слова вылетают у нее изо рта с ускорением, как туристы с водяной горки, и все, приземляясь, указывают на квадратного мужика.

Амель, не обернувшись, выдает затяжную очередь согласных, непонятную Уве, однако предположительно содержащую названия половых органов и смежных с ними частей тела.

– Что он говорит? – любопытствует Адриан.

Накрашенный мнется:

– Да фигня... Он говорит, это не вентилятор, говорит, а кусок пиды...

Взглянув на Адриана, тотчас отводит глаза.

– Железяка, говорит, никудышная. Хуже только гомики, – тихо переводит он, так тихо, что расслышал его только Уве, который оказался к нему ближе всех.

Парване, напротив, не слышит, а лишь в восторге кивает на Амеля:

– Вот ведь, языка не знаю, а все равно понятно, что матерится! Да это ж ты в квадрате, Уве!

Уве явно не разделяет ее восторга. Амель, кстати, тоже. Вдруг бросив вентилятор, он указывает отверткой на Уве:

– Кошка! Твоей кошка?

– Нет, – отвечает Уве.

Имея в виду не столько то, что это не его кот, сколько то, что кот вообще ничейный.

– Кошка на улиц давай! Зачем животны кафе?! – рубит Амель как топором – согласные непослушными щепками летят во все стороны.

Уве с любопытством смотрит сперва на вентилятор, застывший над головой Амеля. Потом на кошака, развалившегося на барном стуле. Потом на ящик с инструментами в руках у Адриана. Потом снова на вентилятор. И снова на Амеля.

– Да починю я твой вентилятор. Отстанешь тогда от кота?

Предложение звучит не как вопрос, а скорее как утверждение. Тут на пару мгновений Амель теряет дар речи, а когда обретает вновь, сам не понимает, как так вышло, что на стремянке вместо него уже стоит Уве. Поколдовав минуту-другую, Уве слезает, вытирает ладонь о штанину и возвращает покрашенному отвертку и разводной ключ.

– Ты зделала! – Квадратный коротышка в пестрой рубахе кудахчет от восторга – вентилятор на потолке, отперхавшись, кое-как, словно заезженная кляча, трогается с места.

Коротышка, крутанувшись волчком, бесцеремонно хватает Уве за плечи своими мозолистыми лапами.

– Виски. Хочиш? На кухня, у мене виски!

Уве смотрит на часы. Четверть третьего пополудни. Мотает головой, ему неловко. То ли из-за виски, то ли из-за Амелевых объятий. Крашенный бежит на кухню, продолжая на ходу отчаянно оттирать глаза.

Полчаса спустя кошка с Уве идут к «саабу», тут их догоняет Адриан, легонько дергает Уве за рукав куртки.

– Не закладывайте Мирсада, лады?..

– Кого? – не понимает Уве.

– Моего босса, – поясняет Адриан.

Увидев, что до Уве все равно не доходит, о ком он, добавляет:

– Ну, тот, покрашенный.

– Ты про голубого, что ли?

Адриан кивает.

– Батя его... ну, Амель типа... Он, короче, не в курсах, что Мирсад того...

Адриан подыскивает нужное слово.

– Голубой? – подсказывает Уве.

Адриан кивает. Уве пожимает плечами. Появляется запыхавшаяся Парване, семенит к ним.

– Куда ты запропастилась? – спрашивает Уве.

– Да, мелочь кой-какая завалялась, так сунула тому бедолаге, – отвечает Парване, кивая в сторону бродяги с чумазой бородой, все так же скупающего у стены.

– Тоже мне. Да он на твои кровные себе бормотухи купит, только и всего.

Тут глаза Парване округляются, но в них проскакивает что-то, до боли напоминающее иронию.

– Да ты что?! Ах, разбойник! А я-то, ДУРА, поверила ему, что он побежит выплачивать ссуду за учебу в университете на факультете квантовой физики!

Уве, хмыкнув, открывает «сааб». Адриан топчется, все не уходит.

– Чего еще? – спрашивает Уве.

– Не запалите Мирсада, о'кей? Без балды?

Уве назидательно тычет в него пальцем:

– Милок! А не ты ли собрался драндулет французский покупать? Так что тебе сейчас впору не за других хлопотать, своих забот не оберешься.

30. Уве и общество без него

Уве сметает снег с камня. Старательно разгребают мерзлую землю, сажает цветы. Встает, отряхивается. Смущенно читает на камне имя Сони. Сколько раз отчитывал ее за опоздания, и вот, на тебе – сам же опоздал. Оно конечно, причина в высшей степени уважительная, но ведь обещался ей, а не пришел.

– Тут, понимаешь, такая, блин, канитель приключилась, – оправдывается он перед камнем.

И замолкает вновь.

Уве сам не знает, как так вышло. Как и когда он онемел. С той поры, как схоронил ее, дни и недели слились для него в сплошное безвременье, а потому он и сам себе не смог бы дать отчет, где был, чем занимался. Со смерти Сони до самой встречи с Парване и ее балбесом Патриком в тот день, когда они раскурочили ему почтовый ящик, Уве вообще не припомнит, чтоб заговаривал хоть с единой живой душой.

Бывало, даже поужинать забывал. Прежде такого с ним не случалось. С того самого дня, когда почти сорок лет назад подсел к ней в поезде. Распорядок дня у них был всегда, куда была жива Соня. Вставал Уве без четверти шесть, варил кофе, шел на обход. В полседьмого Соня выходила из душа, тогда садились завтракать, пили кофе. Соня ела вареные яйца, Уве – бутерброды. В пять минут восьмого Уве относил жену в машину, складывал кресло в багажник и отвозил в школу. Потом ехал на работу. Без четверти десять пили кофе – каждый на своей работе. Соня – с молоком, Уве – черный. В двенадцать обедали. Без пятнадцати три – снова кофе. В четверть шестого Уве забирал Соню со школьного двора, сажал в «сааб», кресло складывал в багажник. В шесть садились за кухонный стол, ужинали. Обычно мясом с подливой и картошкой. Любимой едой Уве. Потом она сидела в кресле, подогнув под себя парализованные ноги, и решала кроссворды, а Уве мастерил что-нибудь в сарае либо смотрел

новости. В полдесятого Уве нес ее по лестнице наверх, в спальню. Соня ему всю плешь проела: дескать, у нас же гостевая комната внизу пустует, не проще ли обустроить спальню там? Уве ни в какую. Только лет через десять до нее дошло: этим он хотел показать ей, что и не думает сдаваться. Что ему сам черт не брат. И Соня отступилась.

По вечерам в пятницу засиживались до половины одиннадцатого, смотрели телик. В субботу завтракали поздно, иной раз – аж в восемь. Потом отправлялись по делам. Ехали на строительный рынок, в мебельный магазин или в теплицы. Соня покупала цветочный грунт, Уве приценивался к садовому инструменту. Домик у них был махонький, садик тоже, однако свободное местечко для новых посадок-пристроек находилось всегда. По пути домой делали остановку, лакомились мороженым. Соня любила шоколадное. Уве – ореховое. Каждый год мороженщики повышали цену на одну крону, и данный факт, по выражению Сони, приводил Уве в «экстаз». Вернувшись домой, она выкатывалась из кухни на махонькую террасу, а оттуда – на площадку перед домом. Там Уве высаживал ее из коляски на землю. Соню хлебом не корми – дай покопаться на грядках, что-нибудь посадить, а на ногах стоять при этом, собственно, и незачем. Тем временем Уве брал отвертку и шел в дом. Что хорошо в домашнем хозяйстве, так это то, что ремонтировать его можно бесконечно. Всегда отыщется недокрученный винтик – вот Уве и принимался его докручивать.

В воскресенье шли в кафе пить кофе. Уве читал газету, Соня болтала. Потом наступал понедельник.

И вот наступил понедельник, но Сони уже не было.

Уве и сам точно не знал, отчего превратился в сурового молчуна. Оттого ли, что стал больше беседовать сам с собой. Или же мало-помалу выживал из ума. Сам нет-нет и задумывался об этом. Выходило так, что не подпускает он к себе людей из страха, как бы память о дорогом ее голосе не потонула в гомоне их сварливых голосов.

Он нежно водит пальцами по могильному камню, словно разглаживает длинные ворсинки пухлого-пухлого ковра. Никогда не понимал молодежь, которая все ноет, что не может «найти себя». Частенько слышал эти речи от своих тридцатилетних сослуживцев. Всё скулили, как не хватает им «свободного времени», как будто работали они с одной-единственной целью: хорошенько отдохнуть от работы. Соня посмеивалась над Уве, называя «самым негибким человеком на свете». Уве не обижался. Отнюдь: по его мнению, какой-никакой порядок должен же быть. Жить по расписанию. Не менять вещи, доказавшие свою надежность. Что в том

плохого?

Соня любила рассказывать знакомым, как в середине восьмидесятых, видимо, в минуту краткосрочного помутнения рассудка, Уве, поддавшись на ее уговоры, купил-таки «сааб» не синий, какой покупал испокон веков, а красный. «То были три худших года в жизни Уве», – смеялась Соня. Впоследствии Уве ездил исключительно на синем «саабе», ни на каком ином. «У других жены обижаются, когда муж не замечает новую прическу. А у меня, как подстригусь, муж днями дуется на то, что выгляжу не как обычно», – говаривала Соня.

Вот этого и недостает Уве. Чтобы все было как обычно.

Человек обязан выполнять какую-то полезную функцию. Вот и Уве всегда был полезен: уж в этом-то его не упрекнешь. Делал все, о чем просило его общество. Работал, не болел, женился, отдавал кредиты, платил налоги, жил по совести, ездил на правильной машине. И чем же общество отблагодарило его? Пришло к нему в контору и велело: иди домой – вот и вся благодарность.

И вот наступил понедельник, но у пенсионера Уве больше не было никакой функции.

Тринадцать лет назад Уве взял себе синий комби – «Сааб 9–5». А немного погодя янки из «Дженерал моторс» выкупили у шведов остатки акций концерна. В то утро Уве отшвырнул газету, после чего разразился таким эпическим потоком брани, который иссяк дай бог ближе к вечеру. Больше машин Уве не покупал. Ноги его не будет в американской машине, покуда и ногу, и все остальные его члены не положат в гроб, зарубите себе на носу. Соня, правда, прочтя статью чуть внимательней, заметила, что исторически национальная принадлежность предприятия несколько отличается от версии Уве, но это уже ничего не меняло. Ведь Уве принял решение, а решений своих он не меняет. И будет теперь ездить на старом «саабе», покуда один из них не даст дуба – либо Уве, либо «сааб». Все одно разучились путные машины делать. Напихают электроники и всякого говна, а ты потом мучайся. Все равно как кататься на компьютере. Даже перебрать самому нельзя – производители тут же начнут вонять, что «гарантия недействительна». Так что без разницы. Соня как-то пошутила, что в день, когда Уве похоронят, мотор у его машины заглохнет с горя. Может, и правда, так и будет.

А еще Соня говорила: «Всему своя пора». И частенько. Например, когда четыре года назад врачи поставили диагноз. Она простила тогда с

легкостью, не то что Уве. Простила и Богу, и свету, и всему, что есть на свете. Уве, наоборот, ожесточился. Может, решил, что кто-то же должен сделать это за нее. Потому что это перебор. Потому что нельзя свыкнуться с мыслью, что все несчастья обрушиваются на ту единственную, которую ты встретил, на ту, которая точно не заслужила такой кары.

И он ополчился на весь свет. Воевал с медсестрами, бранился со специалистами, собачился с главврачами. Бился с чинушами в белых рубашках, войско которых выросло настолько, что всех и не упомнишь. Одна страховка на то, другая – на другое, одному пиши насчет болезни Сони, другому – насчет инвалидной коляски. Третьему – чтоб освободили от работы, четвертому – чтоб убедить эту клятую администрацию, что жене нужно как раз наоборот. Чтоб разрешили работать.

Но где ему было тягаться с чиновниками в белых рубашках? Где было бороться с диагнозом?

А диагноз у Сони был – рак.

«Что ж, будем жить, как получится», – вздохнула Соня. Так они и сделали. Она продолжала учить своих любимых оболтусов, покуда хватало сил. Под конец, когда совсем ослабла, Уве каждое утро довозил ее на коляске до самого учительского стола. Через год она перешла на три четверти ставки. Через два – на полставки. Через три – на четверть. Когда же пришлось остаться дома, стала писать длинные письма – каждому из своих учеников, просила звонить, как только понадобится ее помощь.

Они звонили, почти все. Тянулись к ней нескончаемыми вереницами. Однажды в воскресенье завалились такой оравой, что Уве сбежал в сарай и не выходил оттуда часов шесть. Уже ночью, когда ушли последние, Уве стал обследовать дом – хотел убедиться: не стырили ль чего. Пока Соня не крикнула: «Ты забыл сосчитать яйца в холодильнике». Тогда Уве махнул рукой. Понес ее наверх, а она всю дорогу хихикала над ним, уложил в кровать, и перед тем, как уснуть, она повернулась к нему. Спрятала пальчик в его ладони. Уткнулась носом ему под мышку.

«Бог отнял у меня ребеночка, любимый Уве. Но дал мне тысячу взамен».

А на четвертый год она умерла.

И вот он стоит перед нею и гладит могильный камень. Гладит и гладит. Словно хочет оттереть ее у смерти.

– Я возьму с чердака ружье твоего отца. Знаю, что тебе это не по душе. Мне тоже, – тихо признаётся он.

Тяжело вздыхает. Нужно быть как кремень, чтоб не дать ей переубедить себя, уговорить смириться.

– Ну, до скорого свиданьица, – говорит он решительно и топает ногами, сбивая снег с ботинок, словно пытается упредить ее – чтоб не успела сказать слова против.

А после идет по дорожке к стоянке, а позади плетется кошак. Через черные ворота, вокруг «сааба», с которого забыл отклеить знак «У», открывает правую переднюю дверь. Огромные карие очи Парване глядят на него с состраданием.

– Я тут подумала... – осторожно начинает она, включая первую скорость и разворачиваясь.

– Больше не думай: это вредно.

Но она продолжает:

– Я подумала: если хочешь, я помогу тебе прибраться в доме. Можем упаковать Сонины вещи в ящики и...

Едва это имя слетает с ее губ, лицо у Уве чернеет, от гнева словно превращается в маску.

– Ни слова больше! – взывается Уве, в салоне гремит гром.

– Но я... Я только подумала...

– Ни слова, говорят тебе, ТВОЮ МАТЬ! Понятно тебе?!

Парване, кивнув, замолкает. Всю дорогу домой Уве дрожит от негодования, отвернувшись к окну.

31. Уве и прицеп, который снова понадобился

Сегодня Уве просто обязан умереть. Этот день, будь он неладен, станет днем, когда Уве наконец сделает то, что столько времени собирался сделать.

Он выпустил кошака на двор, положил конверт с письмом и всеми бумагами на коврик в прихожей, сходил на чердак за ружьем. Нет, Уве не стал больше любить оружие, просто решил, что его неприязнь к ружьям все равно не пересилит неприязни к пустоте, которая образовалась в доме с уходом Сони. А ему так или иначе пора уходить.

И сегодня это сделать – в самый раз. Вот только кто-то где-то догадался, что единственный способ остановить Уве – это подослать к нему кого-нибудь, кто разозлит его настолько, что Уве опять отложит задуманное.

И вот Уве стоит на дорожке между домами, живехонький, и, вызываясь скрестив руки на груди, смотрит на чиновника в белой рубашке и говорит:

– А по телевизору не было ничего интересного.

Чиновник в белой рубашке за всю беседу ни разу не выдал своих чувств. Он вообще, сколько ни встречал его Уве, был скорее не человек, а машина. Как и все остальные белые рубашки, повстречавшиеся на пути Уве. И те, заверявшие, что Соня не выживет после аварии, и другие, не хотевшие брать на себя ответственность за аварию, и прочие, не желавшие наказывать виноватых. Отказавшиеся строить пандус в школе. Не дававшие ей работать. Цеплявшиеся за каждую закорючку, за каждую оговорку в гребаных полисах – лишь бы не выплачивать страховку. И те, что норовили упечь ее в инвалидный дом.

Всех их отличал одинаково пустой, равнодушный взгляд. Точно внутри у них ничего нет – полые оболочки, влезающие в чужую жизнь, чтобы ее разрушить.

Но именно теперь, в тот самый момент, когда Уве говорит, что по телевизору не было ничего интересного, он вдруг впервые замечает, как у чиновника в белой рубашке подергивается висок. Может, выдавая смятение. Или изумление и гнев. Или просто презрение. Так или иначе, никогда прежде не видал Уве столь отчетливо, что ему наконец-то удалось пронять непробиваемого чиновника в белой рубашке. Хоть одного.

Чиновник, прикусив губу, разворачивает и уходит. Но не размеренным, степенным шагом представителя власти, у которого все под контролем. Нет, раздраженным. Нетерпеливым. Озлобленно-мстительным.

И от этого Уве вдруг делается хорошо-хорошо – он и не припомнит, когда ему в последний раз было так хорошо.

* * *

А если б не это, он, поверьте, конечно, умер бы нынче же. Прострелил бы себе башку в тишине и спокойствии тотчас, как позавтракает. Он уж прибрался в кухне, выпустил на двор кошака, принес с чердака ружье и уселся в свое кресло. А время это выбрал потому, что кошка ходил на двор справлять свои дела в один и тот же час. И Уве сильно уважал в кошке именно эту черту – тот ни за что не стал бы гадить в доме. Вот и Уве точно такой же.

Но тут, разумеется, явилась Парване и стала ломиться в дверь, словно это не дом Уве, а последний оставшийся в цивилизованном мире общественный туалет. Вот же ж баба! Как будто нельзя оправиться дома! Уве сунул ружьишко за батарею, как бы ушлая соседка не заметила да не стала допытываться. Едва открыл ей, она прямо силой запихнула ему в руку мобильник.

– Это чего еще? – потребовал ответа Уве, брезгливо держа телефон двумя пальцами, точно от того воняло.

– Это тебе, – застонала Парване, держась одной рукой за живот, другой утирая пот со лба, даром что на улице мороз. – Помнишь ту журналистку?

– А на кой мне ее телефон?

– Господи боже! Да не ее телефон! Мой это телефон. Она тебе звонит! – нетерпеливо протараторила Парване и, оттеснив Уве, направилась к туалету, пока хозяин не успел возразить.

– А! – сказал Уве и отодвинул трубку подальше от уха – немного непонятно, кому было адресовано его «а» – Парване или собеседнице в трубке.

– Алло! Здравствуйте! – закричала эта самая журналистка Лена на таких децибелах, что Уве благоразумно отодвинул трубку от уха еще на несколько сантиметров. – Ну как, вы надумали давать интервью? – весело проверещала журналистка.

– Не-а, – ответил Уве и поднес телефон к глазам, пытаясь сообразить, где тут нажать отбой.

– Вы хоть читали письмо, что я вам прислала? – раздался из трубки крик. – А газету? Газету-то читали? Я ее заодно послала, чтоб вы получили представление о нашей журналистике! – еще громче завопила Лена, не дождавшись ответа.

Уве пошел на кухню. Взял газету и письмо – те самые, что принес ему тот шкет Адриан, в форме почтальона.

– Вы получили их? – разорялась трубка.

– Да тише ты! Дай почитаю! – цыкнул в телефон Уве и склонился над кухонным столом.

– Я только хочу спро... – не сдавался голос.

– Я говорю, ТИХО! – рявкнул Уве. – Угомонись уже.

Лена притихла.

С одного конца трубку заполнил шелест переворачиваемых газетных страниц. С другой – нетерпеливая барабанная дробь, выбиваемая об офисный стол шариковой ручкой.

– А что, теперь уже достоверность материалов не проверяют? – буркнул Уве наконец и недовольно глянул на трубку, словно то была ее недоработка.

– В смысле?

– В смысле, тут написано «На 122-м этаже небоскреба “Бурдж-Халифа” на высоте 442 метров находится ресторан *Atmosphere*. Это самый высокорасположенный ресторан в мире», – процитировал Уве.

– А? Не знаю, это не я писа...

– А где ответственность? Что, сразу в кусты?

– Чего?

– Это же фактическая ошибка!

– Слушайте... Нет, правда, ну почему, Уве, почему из всей газеты вы прицепились к этой заметке на последней странице, которая вообще не...

– Рестораны в Альпах повыше будут!

Пауза. В трубке, кажется, кто-то задумался. Тяжелый вздох.

– Ну ладно, Уве. Пусть, пусть это ошибка. И я, как уже сказала, не писала той статьи. А автор, как я полагаю, имел в виду расстояние от земли. А не от уровня моря.

– Так это ж огромная разница!

– Ну да. Наверное. Огромная.

Лена снова вздохнула. Еще тяжелей. И вполне возможно, именно вслед за этим вздохом она планировала перейти к сути и доложить о цели своего звонка: а конкретно, просить Уве переменить свое решение и не отказываться от интервью. Да только интервью ей так и не обломилось. Ведь именно в ту секунду, выходя из гостиной, Уве заметил, как мимо его дома едет на «шкоде» чиновник в белой рубашке. Вот так оно, собственно, и вышло, что Уве так и не умер в тот день.

– Алло, алло! – взывала журналистка за секунду до того, как Уве бросился вон.

– Ой-ой-ой! – запричитала Парване – она вышла из туалета, когда Уве уже мчался между домами.

Чиновник в белой рубашке вылез из «шкоды», с водительского места, и направился к дому Руны и Аниты.

– Ну, я тебе покажу! Слышь ты! ПОЕЗДИ мне еще по территории! Проедь еще хоть МЕТР! Понял?! – закричал Уве издали, даже не добежав до чиновника.

Плюгавенький человек в белой рубашке с чувством абсолютного превосходства поправил пачку сигарет, торчавшую из нагрудного карманчика, и спокойно выдержал взгляд Уве:

– У меня есть разрешение.

– Ни хера у тебя нет!

Человек в белой рубашке передернул плечами. Будто жука надоедливую стряхивал, не более.

– И что же вы мне сделаете, Уве?

Вопрос застал Уве врасплох. Снова. Уве вдруг встал как вкопанный, руки дрожат от гнева, на языке вертится с десяток готовых гадостей. Но, к изумлению Уве, ни одна из них не полетела в адрес обидчика.

– Я знаю вас, Уве. И про все ваши письма знаю – об аварии, о болезни вашей жены. У нас в конторе о вас легенды слагают, да будет вам известно, – произнес чиновник в белой рубашке голосом, напрочь лишенным интонации.

Уве аж рот приоткрыл. Человек в белой рубашке кивнул:

– Я знаю, кто вы. И я просто делаю свою работу. Постановление есть постановление. И тут ничего не поделаешь. Вам ли не знать?

Уве шагнул было, чтоб загородить белой рубашке дорогу, но чиновник, выставив руку, отодвинул Уве в сторонку. Не пихнул. Не толкнул. Просто мягко и решительно подвинул, словно манипулятор, дистанционно

управляемый из муниципалета.

– Шли бы вы лучше домой: может, по телевизору что интересное показывают. А то и сердце у вас больное, ну как прихватит?

С пассажирского сиденья «шкоды» поднимается решительного вида чиновница в такой же белой блузке, в руках у нее ворох бумаг. Чиновник в белой рубашке захлопывает дверцу, «бип» – громко отзывается машина. Чиновник отворачивается от Уве, как будто того и не было, как будто не стояли и не разговаривали с ним только что.

Уве, застыв на месте (руки по швам, сжаты в кулаки, челюсть отвисла, как у оскорбленного лося), наблюдал, как чиновники зашли в дом Руны и Аниты. Минуту-другую приходил в себя, наконец повернулся. И тут начал действовать – с отчаянной решимостью зашагал по дорожке к дому Парване. Где-то на полпути встретил саму соседку.

– Пентюх твой дома? – проревел ей и, не дожидаясь ответа, прошагал мимо.

Парване даже кивнуть не успела, Уве в четыре огромных шага уж был на крыльце ее дома. Ему открыл Патрик, на костылях, в гипсе чуть не до самого пупа.

– Приветище! – обрадовался он Уве и попытался в знак приветствия взмахнуть костылем, в результате чего тут же потерял равновесие и врезался в стенку.

– Прицеп тот, с которым ты переезжал. Ты где его брал? – потребовал Уве.

Здоровой рукой Патрик уперся в стену. С таким видом, будто врезался в нее вполне намеренно.

– Чего? Какой... Ах, э-т-о-т прицеп. Так это, один на работе дал!

– Звони ему. Скажи, что снова понадобился! – сказал Уве и, не дожидаясь особого приглашения, ввалился в прихожую.

Вот примерно так оно и вышло, что и сегодня Уве не привелось умереть. Поскольку кое-что настолько разъярило его, что затмило собой все остальные вещи.

Когда чуть менее часа погода чиновник и чиновница в белых рубашках выходят из дома Руны и Аниты, они видят, что маленькая белая «шкода» зажата еще каким немаленьким прицепом. Значит, пока они были в доме, кто-то прикатил прицеп сюда, да тут и поставил, наглухо перекрыв выезд «шкоде». Можно даже подумать, что этот кто-то сделал это нарочно.

Женщина, та просто-таки опешила. Чиновник же направился напрямик к Уве:

– Это вы устроили?

Уве скрещивает руки на груди, смотрит равнодушно:

– Не-а.

Чиновник в белой рубашке проницательно улыбается. Так, как улыбаются все чиновники в белых рубашках, привыкшие приструнивать всякого, кто скажет слово поперек.

– Вы немедленно уберете его!

– Это вряд ли, – отвечает Уве.

Чиновник в белой рубашке вздыхает, словно его следующая угроза адресована карапузу.

– Уберите прицеп, Уве. Или я позову полицию.

Невозмутимо качнув головой, Уве указывает на знак, установленный чуть поодаль у дороги:

– Проезд по территории поселка запрещен. Черным по белому написано.

– Вам что, больше делать нечего, как в управдома играть? – вздыхает чиновник в белой рубашке.

– А по телевизору не было ничего интересного, – говорит Уве.

И вот тут висок у чиновника в белой рубашке вдруг дергается. Словно маска его впервые дала маленькую-маленькую трещину. Чиновник окидывает взором прицеп, зажатую «шкоду», знак, Уве, скрестившего перед ним свои руки. На секунду прикидывает, не заставить ли Уве силой, но, похоже, тут же осознаёт, что это отнюдь не самая блестящая затея.

– Глупо, Уве. Очень, очень глупо! – шипит он в итоге.

И голубая сталь его глаз впервые в жизни исполнена неподдельной ярости. Уве бровью не ведет. Чиновник в белой рубашке идет прочь, в сторону гаражей, к дороге, и всей своей поступью как бы дает понять: хорошо смеется тот, кто смеется последним. А за ним семенит чиновница с охапкой бумаг.

* * *

Вы, конечно, уже видите, как Уве торжествующе смотрит им вслед. В другой раз он и сам бы нарисовал такую картину. Он, если честно, даже предвосхищал такую картину. Но ничего подобного – глаза его выражают лишь тоску и усталость. Жуткую, словно не спал несколько месяцев. Словно даже руки поднять едва хватит сил. Руки его соскальзывают с груди

в карманы брюк, и Уве плетется домой. Но только закрывает дверь, как в нее барабанят снова.

– Они забирают у Аниты Руне, – кричит Парване, в глазах испуг, она распахивает дверь, не давая Уве запереть ее.

– Куда там, – вяло фыркает Уве.

Обреченность в его голосе ошеломляет и Парване, и стоящую позади нее Аниту. Уве и сам словно ошеломлен. Тянет носом воздух мелкими, короткими вдохами. Глядит на Аниту: с прошлой встречи еще поседела и осунулась.

– Они говорят, что приедут за ним на неделе. Что сама я уже не справляюсь. – Дрожащий голосок ее едва пробивается сквозь сжатые губы.

Глаза на мокром месте.

– Ты должен придумать что-нибудь, чтоб они его не тронули! – приказывает Парване, пытаясь ухватить Уве за руку.

Уве отводит руку, прячет глаза.

– Куда там, они будут забирать его еще много лет. Жалобы-пережалобы, вся эта бюрократическая волокита будет тянуться и тянуться, – отвечает Уве.

Он желал бы, чтоб голос его звучал твердо и убедительно, не так, как теперь. Да только сейчас у него мочи нет думать еще и о том, как звучит его голос. А просто хочется спровадить обеих женщин, и поскорей.

– Да ты сам понимаешь, что говоришь?! – рычит Парване.

– Это ты не понимаешь, что говоришь. Ты хоть раз имела дело с властями? Знаешь, каково это, тягаться с ними? – отвечает он упавшим голосом, и плечи его никнут.

– Но ты должен пого... – начинает возмущаться Парване, но в этот миг словно последние силы вытекают из тела Уве.

Причиной ли тому опустошенное лицо Аниты? А может, понимание, что победить в сражении еще не значит выиграть войну? Ну, зажал «шкоду», что ж с того? Они еще вернутся. Как вернулись к Соне. Как возвращаются всегда. Со своими параграфами и документами. Чиновники в белых рубашках торжествуют всегда. И забирают у таких, как Уве, любимых жен. И ничто в мире не вернет ему Соню.

А затем его ждет долгая череда однообразных дней, смысла в которых не больше, чем в пропитанной маслом столешнице. И Уве не выдерживает. В эту минуту бессмысленность пронзает его острее, чем когда-либо. Он не может бороться. Не хочет сражаться. Хочет умереть, и все.

Напрасно Парване пытается что-то возразить ему, он захлопывает перед нею дверь. Напрасно дубасит Парване в дверь, он не слышит.

Опустившись на табурет в прихожей, он чувствует, как трясутся руки. Как грохочет сердце, того и гляди, лопнут барабанные перепонки. Тяжесть навалилась на грудь, крошечная темень наступает ему на кадык своим сапогом и не отпускает больше двадцати минут.

И тут Уве начинает рыдать.

32. У Уве тут, блин, не гостиница

Как сказала однажды Соня, чтобы понять таких мужиков, как Уве и Руне, прежде всего необходимо понять, что они родились не в свое время. Такие немножго просят от жизни – лишь самых простых вещей, считала Соня. Чтоб крыша над головой, да тихая улочка, да машина одной-единственной марки, да жена-лапушка, одна-единственная на всю жизнь. Чтоб работать с пользой. Чтоб дом был, а в доме что-нибудь регулярно ломалось и откручивалось – а ты б ходил с отверткой и прикручивал.

«Все люди хотят жить достойно, просто достоинство понимают по-разному», – рассуждала Соня. Люди вроде Уве и Руне, с юных лет привыкшие жить своим умом и добиваться всего самостоятельно, полагали достоинством именно это мироощущение, а потому и во взрослой жизни как зеницу ока берегли свою независимость. Гордились тем, что владеют ситуацией. Что имеют право. Что знают, какой дорогой идти и как шурупы и винты заворачивать. Мужчинам вроде Уве и Руне родиться бы в те времена, когда людей судили по делам, а не по словам, говаривала Соня.

Соня прекрасно знала: чиновники в белых рубашках не виноваты, что она угодила в инвалидное кресло. Или в том, что она потеряла ребенка. Или заболела раком. Но Соня также прекрасно знала, что Уве не способен на безадресный, абстрактный гнев. Ему непременно нужно персонифицировать его. Приклеить ярлык. Разложить по полочкам. И вот когда из разных ведомств потянулись чиновники в белых рубашках, чьих имен нормальному человеку не упомнить, и взялись принуждать Соню делать все то, чего она не хотела: бросить работу, оставить дом, свыкнуться с мыслью о неполноценности инвалида по сравнению со здоровыми людьми, смириться с тем, что она умрет от неизлечимого недуга, – вот тогда-то Уве и ополчился на них. Он бился с чиновниками в белых рубашках за ее права, бился так долго и ожесточенно, что в конце концов решил, что именно они виновны в бедах, постигших его жену и ребенка. И в их смерти.

А потом она ушла, оставив его один на один с миром, языка которого

он уже не понимал.

Вот и кошка воротился, а Уве все так же сидит в прихожей. Кошак скребется в дверь. Уве открывает. Смотрят друг на друга. Отойдя в сторонку, Уве впускает кошака. Они ужинают, смотрят телевизор. В половине одиннадцатого Уве гасит свет в гостиной, идет наверх. Кошак – за ним по пятам, – будто почуял неладное. О чем его не поставили в известность. Сидит на полу в спальне, наблюдая, как раздевается Уве, гадает – нет ли тут какого подвоха.

Уве ложится и лежит тихонечко, дожидается, пока кошак устроится на Сониной половине кровати и уснет. Ждать приходится битый час. Делает это Уве, конечно, совсем не потому, что боится побеспокоить этого спиногрыза. Просто еще одной свары он не выдержит. Да и какой смысл растолковывать понятия жизни и смерти животине неразумной, которая даже собственный хвост уберечь не в состоянии, вон как обкорнали. Все, хватит.

Кошак, улегшись поперек Сониной подушки, наконец откидывается на спину, и из открытой пасти его раздается храп. Тогда Уве крадется с постели – тихонько, чтоб не разбудить. Спускается в гостиную, достает ружье из-за батареи. Разворачивает четыре пакета полиэтиленовой пленки, которые загодя принес из сарая и спрятал от кошака в шкафу с ведрами и шваброй. Скотчем приклеивает пленку к стенам в прихожей. Уве, поразмыслив накануне, смекнул, что прихожая – самое подходящее место осуществить задуманное: наименьшее по площади. А стало быть, и меньше хлопот. А то стрельнет в голову, замызгает все, а кому-то убирать. Вот Соня, та терпеть не могла, когда он свинячил в доме.

Он снова обувает выходные туфли, надевает парадный костюм. Костюм все еще отдает копотью, но ничего, сойдет. Уве взвешивает ружье в руках, словно пытается определить центр тяжести. Словно от этого напрямую зависит успех всего предприятия. Уве то повертит ружье, то, схватившись с двух концов, пытается переломить железный ствол посередине. Не то чтобы Уве был дока в оружейном деле – просто надо же понять, насколько добротно сработана вещь. Пинать носком, как плинтус, в данном случае бесполезно – так качества не проверишь, надо попробовать на излом, потянуть за скобу, поглядеть, как и что.

Внезапно его осеняет: стреляться при полном параде – не лучшая идея. Кровищи-то небось ужас сколько натечет – весь костюм угваздает. А это глупо. Тогда Уве откладывает ружье, идет в гостиную, разоблачается, бережно снимает костюм и аккуратно складывает на полу рядом с

выходными туфлями. Потом вынимает письмо с инструкциями Парване, под заголовком «Ритуальные хлопоты» дописывает «Хоронить в костюме», кладет письмо поверх костюма. В письме также черным по белому сказано, чтоб хоронили без затей. Без лишних церемоний и прочей муры. Просто закопали рядом с Соней. Место на кладбище уже ждет, оплачено, деньги на катафалк Уве положил в конверт.

Итак, оставшись в одних носках и подштанниках, Уве возвращается в прихожую, снова берет ружье. Мимоходом видит отражение в зеркале. Давненько не гляделся он в зеркало, почитай, уж лет тридцать пять. Мускулатура по-прежнему в порядке, сам бодрячком. Всяко лучше, чем большинство его погодков. Вот только кожа какая-то восковая, замечает Уве: будто расплавилась, истаяла с годами. Ничего хорошего.

Тишина в доме стоит мертвая. Да что в доме – во всей округе! Все спят. Тут Уве хлопает себя рукой по лбу: кошак! Выстрел же наверняка разбудит несчастную животину. Напугает до смерти. Поразмыслив хорошенько, Уве откладывает ружье, идет на кухню и включает транзистор. Нет, помирать, так с музыкой – это Уве без надобности, а мысль о счетчике, наматывающем киловатты за невыключенный приемник, греет и того меньше. Просто, по задумке Уве, кот, проснувшись от звука выстрела, услышит радио и решит, что это, верно, попса, которую нынче только и крутят по радио. И снова заснет. Так надеется Уве.

Правда, сейчас, пока Уве возвращается в прихожую и снова берет ружье, по радио передают не попсу. А местные новости. Уве стоит в прихожей и прислушивается. Кто-то скажет: на кой сдались человеку эти местные новости, коль он собрался снести себе башку? Но, по мнению Уве, быть в курсе событий никогда не повредит. Говорят о погоде. Об экономике. О дорожных пробках. Еще просят владельцев не оставлять без присмотра дома и дачи, поскольку в городе орудуют молодежные банды. «Шпана уголовная! Сопляки!» – услышав предупреждение, ругается Уве и крепче сжимает ружье.

Информацию (по чисто объективным соображениям) было бы нелишне принять к сведению двум другим соплякам, Адриану и Мирсаду, которые без задней мысли стали ломиться в дом к Уве буквально через секунду после того, как прозвучала новость о грабежах. Им следовало бы знать, что Уве, заслышав хруст приближающихся по снегу шагов, не воспримет радостно: «О, гости дорогие пожаловали!» – но скорее подумает: «Ну, паразиты, ну, щас я вам задам!» Тогда бы уж они подготовились к тому, что Уве, вышибя дверь ногой, вылетит на крыльцо в одних носках и кальсонах, с древним дробовиком наперевес – ни дать ни взять

постаревший Рэмбо поселкового пошиба. Тогда бы и Адриан не заорал благим матом, так что задребезжали стекла во всех таунхаусах. Не повернулся бы вспять, не кинулся опрометью да не треснулся бы с перепугу лбом о стенку сарая, едва не лишившись чувств.

Далее следуют жалобные возгласы, гвалт и возня, пока Мирсаду не удастся растолковать Уве, что он самый обычный сопляк, а не уголовная шпана. Уве, осознав, что к чему, перестает размахивать ружьем, а Адриан – выть сиреной, предупреждающей о бомбежке.

– Тсс! Тихо ты, холера, кошака разбудишь! – сердито шикает Уве на Адриана.

Отшатнувшись, тот спотыкается и шлепается в сугроб, на лбу красуется шишка величиной с хорошую равиолину.

Мирсад таращится на ружье и, кажется, вдруг начинает сомневаться, что их с Адрианом идея нагрянуть к Уве посреди ночи без предупреждения такая уж удачная. Адриан кое-как встает, ноги у него подкашиваются, и он держится за стенку сарая, будто пьянчужка, готовый в любую минуту пролепетать: «Яващеккакссстеклышко». Уве смотрит на него с укоризной:

– Какого вам тут надо?

И наставляет дробовик. У Мирсада в руках баул. Он осторожно ставит его на снег. Адриан машинально задирает руки вверх, как при ограблении, отчего, потеряв равновесие, опять плюхается задом в сугроб.

– Это все Адриан придумал, – начинает Мирсад, опуская глаза.

Сегодня он не накрашен, видит Уве.

– У Мирсада сегодня каминг-аут был! – с жаром вклинивается Адриан, а сам покачивается у сарая, держится рукой за голову.

– Чего у него? – не понимает Уве и на всякий случай наставляет на него ружье.

– Раскололся он... Ну, это, признался, что он того... – силится объяснить Адриан, но, похоже, ему трудно сосредоточиться – то ли оттого, что его держит на мушке пятидесятидевятилетний мужик в одних подштанниках, то ли от растущей уверенности, что он заработал себе сотрясение мозга.

Мирсад, помявшись, говорит уже смелей:

– Я сказал отцу, что я гей.

Уве чуть отмяк. Ружье, однако, не опускает.

– Отец ненавидит геев. Все время говорит, что удавился бы, если б узнал, что его сын – пидор, – продолжает Мирсад.

И, помолчав, добавляет:

– Так что он не очень-то обрадовался. Как-то так.

– Накинулся на его. Еле убег.

– Него. Убежал, – поправляет Уве.

Мирсад берет баул, еще раз кивает Уве:

– Дурацкая была затея. Тебе только морока.

– Какая такая морока? – цепляется за слово Уве.

Мол, раз уж стою на морозе в исподнем, так уж, будь любезен, выкладывай все как есть, такое вот его мнение. Мирсад сглатывает. Точно хочет проглотить собственную гордость.

– Отец сказал, что я больной, что на порог меня не пустит из-за моих, м-м-м... противоестественных наклонностей, – рассказывает Мирсад, помычав перед словом «противоестественных».

– Потому что ты голубой? – уточняет Уве.

Мирсад кивает.

– Другой родни в городе у меня нет. Хотел переночевать у Адриана, но у его матери дома новый хахаль...

Смолкает. Мотает головой. Чувствует себя полным идиотом.

– Дурак, вот дурак, – тихо повторяет он, собираясь развернуться и уйти.

К Адриану, напротив, похоже, вернулась былая решимость. Спотыкаясь в снегу, он кидается убеждать Уве:

– Да ну нах, скажите ему, Уве. У вас же места до фигища. Дайте ему перекантоваться у вас до утра.

– У меня?! Тут вам, блин, не гостиница! – сообщает Уве, выставя дуло, которое упирается набежавшему Адриану прямо в грудь.

Адриан резко останавливается. В два шага Мирсад подскакивает к Уве, кладет ладонь на ствол.

– Нам некуда было больше идти, простите, – тихо молвит он, глядя Уве прямо в глаза и осторожно отводя дуло от Адриана.

Уве понемногу приходит в себя, опускает ружье дулом к земле. Едва заметно отступает на полшага в прихожую, словно только теперь мороз взялся кусать его за, как бы поддипломатичней выразиться, не самое одетое тело, и тут краем глаза видит на стене прихожей фотопортрет Сони. Красный сарафан. Поездка в Испанию, беременная Соня. Сколько раз просил ее снять эту проклятую фотографию. Она ни в какую. Мол, эта «память так же дорога мне, как любая другая».

Упрямая баба!

А так день выдался то, что нужно, в самый раз, чтоб умереть. Но

наступает вечер, а наутро Уве просыпается в одном доме мало того что с кошаком, так еще и с голубым постояльцем. Вот Соня бы порадовалась. Уж как она обожала гостиницы!

33. Уве и его «команда» обходят территорию

Подчас трудно объяснить, отчего некоторые вдруг поступают так, как поступают. Бывает, конечно, они знают: рано или поздно все равно придется это сделать – так чего ж откладывать? А бывает наоборот – вдруг понимают, что должны были поступить так давным-давно. Уве, хотя всю дорогу знал, как ему поступать, в душе, как и все люди, верил, что все еще успеется. Ведь мы всегда надеемся, что еще успеем что-то сделать для другого. Сказать ему нужные слова. А потом, когда все уже произошло, стоим и думаем: «Вот если бы».

Стоя на лестнице, Уве недоуменно принюхивается. В доме не пахло так с той поры, как не стало Сони. Уве на цыпочках спускается с лестницы, скользит по паркету, вдруг вырастает в проеме кухонной двери – принимает позу хозяина, накрывшего домушника с поличным.

– Так это ты жаришь хлеб?

Мирсад нервно кивает:

– Д-д-да... Я подумал, ничего ведь? Да? Извините. О'кей?

Он и кофе сварил, замечает Уве. Кошак на полу уминает тунца. Уве кивает, но не отвечает Мирсаду. Вместо ответа сообщает как бы между прочим:

– Ну, мы с кошаком пойдем пройдемся по округе.

– А можно мне с вами? – тут же напрашивается Мирсад.

Уве слегка огорошен, смотрит на Мирсада, как будто встретил на променаде лохотронщика, наряженного в костюм пирата, и тот предложил ему угадать, под какой из трех чашек спрятан серебряный пиастр.

– Может, чем пригожусь, – спешит добавить Мирсад.

Уве выходит в прихожую, обувает шлепанцы на деревянной подошве.

– У нас свободная страна, – бормочет он, открывая дверь и выпуская кошака.

Мирсад, очевидно, трактует эти слова как «милости прошу!» и, живо натянув пуховик и ботинки, выскакивает следом. Но Уве жестоко ошибался, если понадеялся, что в их компанию не затешется еще один незванный гость.

– Здорово, пацаны! – кричит им Йимми, стоило им выйти на дорожку между домами.

Тяжело пыхтя, нагоняет компанию – на нем ядовито-зеленое трико, облегающее тушу так плотно, что Уве поначалу решил, что сосед выкрасил свои тела в зеленый цвет.

– Здорово! – застенчиво отзывается Мирсад.

– Йимми! – представляется запыхавшийся Йимми и протягивает пятерню.

Тем временем кошка от избытка нежности все норовит потереться о его ноги, но, припомнив, как в прошлый раз Йимми схлопотал по его милости аллергию и угодил в больницу, решает выразить чувства иным способом – валится в сугроб и ужом вертится в снегу. Йимми весело подмигивает Уве:

– Я вижу, ты всегда в этот час выходишь, чувак, – ну, дай, думаю, прибьюсь к вашей тусовке? К тому же мне свои мяса бы подраструсить.

И довольно кивает, отчего жирный подбородок его мотается, точно парус на штормовом ветру. Лицо Уве выражает крайнее сомнение.

– А ты что ж, встаешь в это время?

Йимми ржет во всю глотку:

– Блин, чувак! Я просто еще не ложился!

Вот так в то утро и идут на обход всей гурьбой: кошка, толстый аллергик, голубой и Уве. Уве смотрит, как они шеренгой шествуют в сторону гаражей, и думает, что из всех народных дружин, какие только были в истории человечества, ему досталась, пожалуй, самая завалящая.

– А ты как тут оказался? – интересуется Йимми, игриво стукая Мирсада в плечо. Они как раз подходят к гаражам.

Мирсад, не вдаваясь в подробности, отвечает, что поссорился с отцом и покамест живет у Уве.

– А чего с фазером-то поцапались? – спрашивает Йимми.

– А это не твоего ума дело, – вовремя вступает за Мирсада Уве.

Йимми на секунду замирает, но, пожав плечами, в тот же миг забывает вопрос и как ни в чем не бывало топает дальше. Мирсад смотрит на Уве с благодарностью. Уве пинает носком знак.

– Не, по чесноку, чувак. Ты реально ходишь к гаражам КАЖДОЕ

утро? – с воодушевлением допытывается Йимми.

– Хожу, – с чуть меньшим воодушевлением отвечает Уве.

– А смысл?

– Проверяю: а вдруг взломали.

– Чё, правда? И чё, были взломы?

– Нет.

Йимми, похоже, пытается осмыслить ответ. Уве трижды дергает за ручку ворота своего гаража.

– Не было – не значит, что не будет, – бурчит Уве и идет на гостевую автостоянку.

Кошак косится на Йимми, судя по виду, весьма разочарованный его умственными способностями. Йимми, поиграв губами, щупает пузо. Точно решил проверить, много ли жира растряс в результате спонтанного моциона.

– Слыхал про Руне? – кричит он вдогонку Уве, припуская за ним мелкой рысью.

Уве не отвечает.

– Из социалки приходили, хотят забрать его, прикинь, – поясняет Йимми, догнав его.

Уве достает блокнот, переписывает номера машин. Йимми явно воспринимает его молчание как знак того, что Уве – весь внимание, и давай рассказывать дальше:

– Прикинь, засада, Анита ведь сама просила, чтоб отрядили сиделку, ты прикинь. Руне, мол, ваще никакой, ну а ей типа неважноту. А социалка комиссию назначила, всю ботву, а потом гоблин из социалки ей звонит какой-то и говорит, мы типа подумали: чего вам корячиться. И решили упечь Руне – в приют не в приют, короче, в богадельню. Ну а Анита им: тогда типа пошли на хрен, забудьте, не надо мне ни сиделок, ничего ваще. А гоблин тот, короче, напрягся не по-детски и давай на нее наезжать. Постановление комиссии, говорит, не отменить, поздняк метаться, сама же, говорит, просила помочь. А сейчас комиссия дело свое сделала и ничего типа не попишешь, прикинь. Теперь, что бы она ни говорила, им без разницы – знай гнут свою линию. Врубаешься?

Йимми замолкает и кивает на Мирсада в надежде, что тот поддакнет.

– Жесть... – неуверенно констатирует Мирсад.

– Да ПИПЕЦ какая жесть! – кивает Йимми, сотрясаясь всей верхней частью своего студенистого тела.

Уве, засунув ручку с блокнотом во внутренний карман, отправляется в сторону мусорки.

– Да ну, они там еще сто лет провозятся с этими постановлениями. Сказали, что заберут на неделе, значит, еще год или два не почешутся, – хмыкает он.

Уве ли не знать, как работают эти чертовы бюрократы.

– Так они ж... Уже постановление приняли, чувак, – говорит Йимми и чешет голову.

– Ну и что, апелляцию подать, да и леший с ними! Еще на несколько лет! – не сдается Уве, проходя мимо него.

Йимми озадаченно смотрит вслед, словно размышляет, идти за ним или нет – стоит ли оно таких усилий:

– Дак она подавала уже! Два года письма им писала и все такое!

Услыхав это, Уве не останавливается. Однако замедляет ход. И слышит, как Йимми топает по снегу следом.

– Два года? – спрашивает Уве, не оборачиваясь.

– С гаком, – подтверждает Йимми.

Уве словно подсчитывает в уме, сколько это будет в месяцах.

– Вранье. Соня бы знала, – решительно возражает он.

– Да не мог я сказать – ни тебе, ни Соне. Анита не велела. Сам знаешь...

Йимми замолкает. Опускает глаза. Уве оборачивается. Вскидывает брови:

– Чего «сам знаю»?

Йимми тяжело вздыхает.

– Она... говорила, у вас своих проблем выше крыши, – тихо мямлит он.

Над ними повисает тишина, такая плотная – хоть топором ее руби. Йимми боится поднять глаза. А Уве словно воды в рот набрал. Входит на мусорную площадку. Выходит. Заходит в велосипедный сарай. Выходит. Но видно, что-то с ним происходит. «Последняя соломинка сломала шею верблюду», – говаривала Соня. Вот и последние слова Йимми красной тряпкой маячат у Уве перед глазами, и он уже задержался, и внутри его зарождается безрассудный гнев – зреет, растет, поднимается, все быстрее и быстрее, точно тромб набухает в груди. Все яростней, все исступленней рвет Уве ручки дверей. Пинает пороги. И тут Йимми окончательно добивает его, пробормотав что-то типа: «Все, пипец, чувак, упекут они теперь Руне сам знаешь куда». Уве со всего маху бахает дверью мусорки, сотрясая хлипкую конструкцию. Стоит к компании спиной, сопит все тяжелей.

– Ты в порядке? – спрашивает Мирсад.

Оборотившись, Уве обрушивает на Йимми весь свой долго сдерживаемый гнев:

– Вот как, значит, она сказала? Не захотела просить Соню о помощи, потому как у нас «своих проблем выше крыши»?

Йимми испуганно кивает. Уве упирается взглядом в землю, грудь под курткой ходит ходуном. Он думает, как бы отреагировала Соня. Кабы ей сказали, что ее лучшая подруга не пришла к ней за помощью, решив, что у Сони у самой «проблем выше крыши». Сердечко ее разорвалось бы в клочья.

Подчас трудно объяснить, отчего некоторые вдруг поступают так, как поступают. Бывает, конечно, они знают: рано или поздно все равно придется это сделать – так чего ж тогда откладывать? А бывает наоборот – вдруг понимают, что должны были поступить так давным-давно. Уве, хотя всю дорогу знал, как ему поступать, в душе, как и все люди, верил, что все еще успеется. Ведь мы всегда надеемся, что еще успеем что-то сделать для другого. Сказать ему нужные слова.

Или подать апелляцию.

Уве сосредоточенно уточняет у Йимми:

– Два года?

Йимми кивает. Уве крикает. В первый раз за все время он выглядит растерянным.

– Я же думал, она только начала. Думал, я... у меня... вагон времени, – бормочет он.

Йимми озадачен, словно гадает, с кем сейчас разговаривает Уве – с ним или с самим собой. Уве поднимает глаза.

– Стало быть, они вот-вот приедут за Руне? Что, правда? И вся эта волокита, апелляция, вся эта гребаная возня – что, все это уже позади? Ты УВЕРЕН?

Йимми кивает еще раз. Открывает рот, чтобы добавить что-то, но Уве далеко. Он уже шагает по дорожке между домами, напоминая героя черно-белого вестерна, собравшегося отомстить врагам за смертельную обиду. Дойдя до крайнего дома, около которого по-прежнему стоит белая «школа», зажатая прицепом, бешено барабанит в дверь, словно вопрос не в том, откроют ли ему, а в том, успеют ли, прежде чем он разнесет ее в щепки. Перед ним, в полном смятении, возникает Анита. Уве идет напрямик в прихожую.

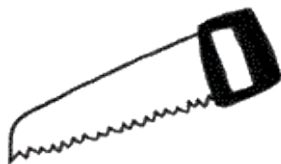
– Где у тебя бумаги из социальной службы?

– Да, но я ду...

– Давай сюда!

Впоследствии Анита делилась с соседями, мол, «не видала Уве таким сердитым аж с 1977 года, когда по телевизору сообщили о слиянии «Сааба» и «Вольво».

34. Уве и мальчик из соседнего дома

В этот раз Уве захватил с собой синий складной пластмассовый стул, поставил – не на снегу же сидеть. Беседа небось выйдет долгой, чует он. Так всегда бывает, когда Уве надо рассказать Соне что-нибудь неприятное, чего она не одобрит. Уве заботливо сметает снег с камня, чтобы хорошенько видеть жену.

Много народу всякого-разного перебивало в их поселке за без малого сорок лет. Взять хотя бы таунхаус между домами Уве и Руне: попадались там жильцы и молчаливые, и буйные, и странные, и несносные, и совсем-совсем неприметные. Заселилась одна семья с детьми-подростками, так те, бывало, по пьяной лавочке весь забор обоссут. Заселилась другая – понатыкала в саду кустов неположенного сорта. Заселилась третья – и давай, не спросясь, перекрашивать фасад в розовый цвет. В одном Уве и Руне были согласны: ежели и было у жильцов, в разное время населявших соседний дом, что-то общее, так это проблемы с головой.

В конце восьмидесятых дом этот купил какой-то олигарх, кажется банкир, «в качестве инвестиционного объекта» (Уве краем уха слышал его беседу с риелтором). Банкир сдавал дом внаем – одни постояльцы сменяли других. Так продолжалось годами, до одного прекрасного лета, когда три молодых удальца рискнули устроить в нем притон, собрав целый паноптикум алкоголиков, проституток и уголовников. Там гуляли дни и ночи напролет, вся дорожка между домами была усеяна, как конфетти, битым стеклом от пивных бутылок, музыка гремела так, что в гостиной Сони и Уве со стен падали картины.

Уве пошел было разобраться, покончить с этим безобразием, но молодые наглецы стали насмехаться над ним. Уве не сдавался, тогда один из них пригрозил ему ножом. На другой день урезонить их вызвалась Соня – они обозвали ее «старой развалиной». А на следующий вечер врубили музыку еще громче – Анита (куда деваться?) выбежала на площадку, стала браниться, так негодяи саданули ей в окошко бутылкой.

Это они, конечно, сделали зря.

Уве тут же стал строить планы возмездия, решив для начала прощупать источники финансового благополучия владельца жилья. Позвонил юристам и налоговикам – потребовал запретить аренду дома и пригрозил, что «в случае чего дойдет хоть до правительства». Впрочем, так далеко идти не потребовалось.

Было за полночь, когда Уве заметил, как Руне, бренча ключами от машины, направляется к парковке. Обратно тот шел, неся в руках пластиковый пакет, о содержимом которого Уве мог только гадать. А наутро трех молодых наглецов замела полиция: их заковали в наручники и упекли за хранение крупной партии наркотиков. Наркоту – благодаря анонимному доносу – нашли в сарае.

Пока шло задержание, Уве с Руне стояли на улице и наблюдали. Взгляды их встретились. Уве почесал подбородок.

– И где они только эту дрянь достают? – задумчиво произнес Уве.

– Да в скверике, около станции, – отвечал Руне, руки в карманах. – От людей слышал, – усмехнувшись в усы, прибавил он.

Уве кивнул. Долго стояли и молча посмеивались.

– Как машина-то? – спросил наконец Уве.

– Как часы, – ответил Руне.

Они снова ладили. На два месяца. Потом опять разругались, из-за системы отопления. А куда ладили, славное было времечко, говорила Анита.

Шли годы, а постояльцы в соседнем доме все менялись – причем некоторых Уве и Руне встречали с удивительной снисходительностью и благосклонностью. Правду говорят: многое познается в сравнении.

И вот как-то летом, в середине девяностых, сюда переехала женщина с пухлым мальчуганом девяти лет, сразу полюбившимся Соне и Аните. Как они развели, отец бросил мальчонку в младенчестве. Мать жила теперь с новым избранником – сорокалетним бугаем с бычьей шеей и вечным перегаром из пасти, чего подруги до поры до времени старались не замечать. Дома отчим бывал редко, а что да почему – Соня с Анитой предпочитали не надоедать лишними расспросами. Стало быть, разглядела в нем соседка какие-то достоинства. «Заботится он о нас, в одиночку-то ребенка поднимать нелегко», – бодрилась та, когда разговор заходил о ее сожителе.

В первый раз, когда бугай заорал так, что было слышно сквозь стены, соседки решили, что человек у себя дома волен разговаривать как ему заблагорассудится. В другой раз сошлись на том, что без ссор не обходится

ни в одной семье, ничего страшного.

Улучив момент, когда бугая не было дома, подруги вытащили соседку с мальчишкой в кафе. Женщина, принужденно посмеиваясь, объяснила, что синяки наставила себе сама (ну, естественно!) – мол, слишком резко дернула дверцу буфета. Вечером Руне повстречался с бугаем на автостоянке. Тот выползал из машины явно под мухой.

Две ночи кряду соседи слушали концерт: супостат орал и крушил посуду. Слышали, как женщина вдруг резко вскрикнула от боли, а девятилетний мальчуган плакал и умолял: «Не надо! Не бей! Не бей! Не надо!» Он кричал так громко, что Уве, не выдержав, выскочил во двор. Там, на своей площадке, уже стоял Руне.

Дело было в разгар самой лютой вражды между Руне и Уве, когда они сцепились за власть в правлении ТСЖ. Не разговаривали друг с другом, почитай, целый год. Теперь же, едва переглянувшись, разошлись по домам без единого слова. А две минуты спустя, уже во всеоружии, встретились возле соседского дома. Бугай с порога яростно набросился на них, но Уве двинул его в переносицу. Противник зашатался, но устоял и сбегал на кухню за ножом, которым и начал размахивать, норовя пырнуть Уве. Не тут-то было. На башку ему, точно кувалда, опустился увесистый кулак Руне. В расцвете лет Руне крупный был мужик и на силу не жаловался. Свяжешься – мало не покажется.

Наутро бугая след простыл, и больше его в поселке никто не видел. Молодая соседка две недели ночевала с сыном у Аниты и Руне, не решаясь вернуться в дом. Тогда Руне и Уве наведались в город к банкиру, а воротившись под вечер, объявили женщине, что она может считать дом подарком или беспроцентной ссудой, это как сама пожелает. А только ее право собственности на жилище не обсуждается. Вот так и зажила женщина в доме со своим сынишкой. С пухлым мальчиком, все торчавшим за компьютером, по имени Йимми.

А теперь вот Уве с самым серьезным лицом наклоняется к могильному камню и шепчет:

– Просто я думал, еще успеется. Что хватит времени... на все.

Она молчит.

– Знаю, что ты терпеть не можешь разборок, Сонечка. Но тут другое, ты должна понять. С этими людьми по-хорошему не договоришься.

Он ковыряет ладонь ногтем большого пальца. Камень стоит как стоял, ни слова в ответ, да только Уве и не нужно слов, и так знает, что она скажет. Тихой сапой всегда брала верх в спорах с Уве. Живая, мертвая ли.

С утра Уве позвонил в социальную службу, или черт ее знает, как там она зовется. Звонил от Парване – домашний телефон ему отключили. «Беседуй вежливо, со всем соглашайся», – наставляла Парване соседка. Дело не задалось с самого начала, поскольку Уве тут же переключили, соединив с «ответственным исполнителем». Коим оказался тот самый курилка в белой рубашке. Каковой тут же выразил немалую степень неудовольствия по поводу белой «шкоды», по-прежнему зажатой прицепом на краю улочки у дома Аниты и Руне. Вполне вероятно, исходные позиции Уве в этих переговорах могли бы улучшиться, кабы ему тотчас повиниться в содеянном или хоть согласиться с тем, что, наверное, не было особой необходимости умышленно оставлять плюгавенького человечка в белой рубашке в безлошадном положении. В любом случае такой ответ оказался бы лучше, чем прошипеть: «Ты знаки сперва читать выучись. Промокашка безграмотная!» Или что-то в этом духе.

Затем Уве перешел к следующему пункту – попытаться убедить чиновника не забирать Руне в дом престарелых. На что чиновник заметил Уве, что «безграмотная промокашка» – отнюдь не самый удачный выбор слов, которыми стоило бы открывать прения по данному вопросу. Последовала целая череда уничижительных эпитетов, на кои не скупились ни на том ни на другом конце линии. Пока Уве наконец не сказал, что так дела не делаются. Нельзя приходить и выхватывать человека из родного дома вот так вот, почем зря, сажать в дом престарелых только потому, что у него проблемы с памятью. Чиновник холодно парировал, что вопрос о месте содержания Руне уже не имеет ни малейшего значения, поскольку для Руне «в его состоянии» в высшей степени «нерелевантно», куда его поместят. Уве в ответ привел целый ряд контраргументов. И тут чиновник в белой рубашке возьми и ляпни сдуру:

– Решение принято. Комиссия изучала дело два года. Вы ничего не сможете сделать, Уве. Ничегошеньки. Во-общем!

И положил трубку.

Уве глянул на Парване. Глянул на Патрика. Грохнув мобильником Парване о кухонный стол, взревел, что нужен новый план! Срочно! Парване, конечно, расстроилась сильно, Патрик же кивнул с готовностью, обулся и был таков. Словно ждал команды от Уве. Пяти минут не прошло, как он, к вящему неудовольствию Уве, привел в дом Андерса – того самого пижона из дома наискосок. А в довесок к нему – Йимми, сияющего, как начищенный медяк.

– А этому что здесь надобно? – Уве указал на пижона.

– Ты же хотел новый план? – сказал Патрик и кивнул на пижона с

самым довольным видом.

– Андерс и есть наш план! – поддакнул Йимми.

Пижон топтался в прихожей – слегка опасаясь предстать пред грозные очи Уве. Но Патрик с Йимми отважно втокнули его в гостиную.

– Выкладывай! – велел Патрик.

– Выкладывать чего? – потребовал в свою очередь Уве.

– Так это, я чего... Мне сказали, у тебя терки с владельцем той «шкоды», – сказал Андерс.

И тревожно переглянулся с Патриком. Уве нетерпеливо кивнул: продолжай.

– А разве я тебе не говорил, чем занимается моя фирма? – осторожно спросил Андерс.

Уве сунул руки в карманы. Андерс принял более непринужденную позу. И начал рассказывать. А когда рассказал, даже Уве вынужден был признать, что идея Андерса и в самом деле вполне осуществима.

– А куда девалась твоя немо... – заикнулся было Уве, дождавшись конца рассказа, но осекся (Парване пребольно двинула его по ноге под столом). – Твоя подружка? – поспешно исправился Уве.

– А! Так она больше не моя. Мы расстались, – ответил Андерс и принялся разглядывать мыски своих ботинок.

А затем поведал: подруга его малость переживала из-за того, что Уве постоянно наезжает на нее и ее собачку. Но все эти переживания оказались легким бризом в сравнении с той волной, которую она погнала на Андерса, когда Уве обозвал ее собаку «валенком», а Андерс, услышав прозвище (нет чтобы вступить за нее), заржал как конь.

– Ее новый бойфренд заезжал тут, забрал шмотье. По ходу, несколько месяцев крутила шуры-муры за моей спиной.

– Тьфу, – в один голос плюнули Парване, Йимми и Патрик.

– Нашла себе нового. На «лексусе», – добавил Андерс.

– ТЬФУ! – плюнул уже Уве.

И вот, когда ближе к вечеру чиновный курилка в белой рубашке появился на их улочку в сопровождении полицейского и потребовал от Уве выволить его беленькую «шкоду» из заточения, вышло так, что ни «шкоды», ни прицепа на улочке уже не было. Уве преспокойно стоял перед домом, руки в карманах, а чиновник в белой рубашке, утратив последние крупницы рассудка, напустился на Уве, начал орать, понес какую-то ахинею. Уве настаивал, что он вообще без понятия, как такое получилось, – правда, вежливо оговорился, что, разумеется, подобной ситуации, скорее всего, вообще можно было бы избежать, если бы кое-кто в белой рубашке

проявил должное уважение к знаку, запрещающему проезд машин по территории поселка. При этом он, понятное дело, опустил незначительные детали, заключающиеся в том, что один из жильцов по имени Андерс владел автопарком дорожных эвакуаторов и что один из таких эвакуаторов в обеденное время увез белую «шкоду» и доставил в некий гравийный карьер километрах в сорока от города. А когда полицейский как бы невзначай спросил, правда ли, что Уве ничего не видал, тот, глядя прямо в глаза чиновнику в белой рубашке, ответил:

– Не знаю. Мог и позабыть. Память у меня уже не та.

Тут полицейский, оглядевшись, поинтересовался: а чего тогда на улице торчать средь бела дня, если нечего сказать про пропажу «шкоды», чего дома не сидится? На это замечание Уве лишь невинно пожал плечами и, сощурившись на чиновника в белой рубашке, молвил:

– Да по телевизору ничего интересного не показывают...

От злости чиновник совсем с лица побелел, бледней своей белоснежной сорочки стал. Затопал прочь, бранясь на чем свет стоит, мол, он «этого так не оставит». И не оставил, ясное дело. Всего несколько часов спустя к Аните пришел курьер и вручил ей срочное заказное письмо с казенным штампом, подписанное тем самым чиновником в белой рубашке. В письме указывались время и дата «транспортировки».

И вот Уве стоит у могилки Сони и, с трудом подбирая слова, просит его «извинить».

– Ты всегда так нервничаешь, когда я с кем-нибудь поругаюсь. Но тут такое дело. Придется тебе обождать меня еще маленько, нельзя мне сейчас помирать.

Потом выкапывает из твердокаменной земли мерзлые розовые цветочки, принесенные в прошлый раз, сажает свежие, встает, складывает синий стул и при этом все бормочет себе под нос что-то до боли похожее на «потому что нынче война, леший меня задери».

35. Уве и социальная некомпетентность

Парване со страшными глазами врывается в прихожую к Уве и мчится дальше – в туалет, не соизволив даже сказать: «Доброе утро!» Первое желание Уве, естественно, – поинтересоваться, как за каких-то жалких двадцать секунд (ровно столько занимает дорога от ее порога до его дома) ей могло приспичить так, что она едва успевает добежать до туалета, что некогда даже поздороваться с хозяином дома, достойным, в общем-то, человеком. Но нет на свете ада, способного сравниться с гневом беременной, которой отказали в ее надобности, заметила ему как-то Соня. А потому Уве молчит в тряпочку.

Соседи говорят, что за последние дни Уве будто подменили. Мол, никогда прежде не видали его таким «неравнодушным». Чушь собачья, возразил им на это Уве: то, что он не сует нос в их делишки, еще не значит, что он «равнодушный» вообще. «Равнодушным», леший его забодай, он не был никогда.

Все последние дни Уве ходил из дома в дом, хлопая дверьми, за что Патрик сравнил его с «рассвирепевшим терминатором из будущего». Смысла Уве не уловил. Тем не менее вечерами напролет сидел дома у Парване, Патрика и девчушек, а Патрик как можно тактичней пытался объяснить Уве, что не обязательно без конца сердито тыкать в экран монитора пальцем, когда хочешь на что-то указать. Йимми, Мирсад, Адриан и Андерс сидели там же. Йимми подговаривал остальных называть кухню Парване и Патрика «Звездой Смерти», а Уве величать «Дартом Вейдером». Что это значит, Уве так и не понял – не иначе, очередные глупости.

Первоначально Уве предложил провернуть фортель, придуманный еще Руне, – подбросить чиновнику в белой рубашке в его закрома кулек с анашой. Предложение Парване отмела с ходу, а потому заговорщики перешли к плану «Б». Однако вчера вечером Патрик объявил, что разрабатывать план без посторонней помощи далее не получится. Что это тупик. Тогда Уве сосредоточенно кивнул, взял у Парване мобильник, вышел

в другую комнату и куда-то позвонил.

Не от хорошей жизни, понятно. Но на войне как на войне.

Парване выходит из туалета.

– Ну, готова, что ли? – спрашивает Уве так, словно не исключает продолжения – что это лишь временная передышка.

Парване кивает, уже идет к выходу, как вдруг замирает – заметив что-то в гостиной. Уве, даром что стоит в дверях, прекрасно знает, что так привлекло ее взгляд.

– Да ладно тебе... Это так... Фигня... Ничего особенного, – бормочет он, думая, как бы ее выпроводить.

Она не двигается с места, Уве в сердцах пинает плинтус.

– Да она все одно без дела стояла да пыль собирала. Ну, дай, думаю, красочку подновлю да лачком покрою. Да что тут такого-то? – раздраженно бормочет Уве.

– Уве, милый! – ахает Парване.

Уве принимается пинать ногой порожек, прочно ли сидит.

– Можно зашкурить и перекрасить в розовый. Если вдруг девка родится, – бормочет он.

Откашливается.

– А хотя и пацан. Нынче и пацанов в розовый цвет рядят.

Любуясь лазоревой кроваткой, Парване вдруг прижимает ладонь ко рту.

– А ну не реви, а то вообще ничего не получишь, – грозит Уве.

И тут Парване как расплечется! А Уве, вздохнув: «Одно слово, бабье», разворачивается и идет во двор.

Спустя полчаса чиновник в белой рубашке тушит окурок каблуком, после чего громко стучится в двери Аниты и Руны. Похоже, тоже вышел на тропу войны. На подхвате у него три дюжих молодца в халатах санитаров – явно готовится встретить ожесточенный отпор. Дверь открывает маленькая женщина, три дюжих молодца малость сконфужены, чиновник же танком прет на нее, размахивая бумажкой, точно томагавком.

– Пора, – уведомляет он маленькую женщину, чуть не подпрыгивая от нетерпения, и рвется в дом.

Она преграждает ему путь. Насколько ее тщедушное тело в принципе способно стать преградой у кого-нибудь на пути.

– Нет! – отвечает она, не отступив ни на дюйм.

Чиновник в белой рубашке останавливается, буравит ее взглядом.

Устало мотает головой, морщит кожу вокруг носа, так, что тот практически исчезает между щек.

– У вас было два года, чтобы все уладить, Анита. Теперь решение принято. Ничего не попишешь.

Он пытается просочиться мимо, но Анита стоит на пороге, незблемая, как древний рунический камень на голой скале. Набирает побольше воздуха, смотрит чиновнику в глаза.

– Хороша же любовь, когда бросаешь любимого при первой же невзгоде! Когда предаешь его при первом же испытании. Хороша, правда?

Ее голос звенит, едва не срывается от горя. Чиновник в белой рубашке плотно сжимает губы. Нервно ходят на скулах желваки.

– Да Руне половину времени даже не знает, где он находится, комиссия сказа...

– Зато Я знаю! – перебивает Анита, показывая на трех санитаров. – Я ЗНАЮ! – кричит она им.

Чиновник в белой рубашке вздыхает.

– И кто же позаботится о нем, Анита? – задает он риторический вопрос и качает головой. А после шагает вперед, подавая знак троим санитарам: «На штурм!»

– Я и позабочусь! – отвечает Анита, глаза ее чернеют морскою пучиной.

Чиновник в белой рубашке, не прекращая мотать головой, протискивается внутрь, отеснив Аниту. И только теперь видит тень, вздымающуюся у нее за спиной.

– Я тоже, – говорит Уве.

– И я, – говорит Парване.

– И я тоже! – в один голос восклицают Патрик, Йимми, Андерс, Адриан и Мирсад, гурьбой вываливаясь к порогу, так что получается куча-мала.

Чиновник в белой рубашке останавливается. Зрачки сузились.

Тут откуда-то сбоку выныривает женщина сорока пяти лет, на голове конский хвост, забранный на скорую руку, одета в потертые джинсы и «аляску» лягушачьего цвета не по росту.

– Я из местной газеты, хотела бы задать вам пару вопросов, – щебечет она, доставая диктофон.

Чиновник в белой рубашке долго смотрит на нее. Потом поворачивается к Уве. Взгляды противников скрещиваются. Чиновник молчит, тогда журналистка вытаскивает из портфеля ворох бумаг. Сует ему в руки.

– Вот тут дела пациентов, которыми вы и ваш департамент занимались последние годы. Тут про всех, кого так же, как и Руне, забрали из дома насильно, против их воли и воли их близких. Про все нарушения, допущенные вами по отношению к старикам, которых вы упекли в дома престарелых. Про все пункты, которые вы не соблюдали и где действовали в обход установленных процедур, – говорит она таким тоном, будто вручает ему ключи от машины, только что выигранной им в лотерею.

И добавляет с улыбкой:

– А знаете, чем удобно нашему брату журналисту выводить на чистую воду вас, бюрократов? Тем, что вы устанавливаете свои бюрократические нормы и сами же первыми их нарушаете.

Чиновник в белой рубашке не достаивает ее взглядом. Он по-прежнему сверлит глазами Уве. Ни один из противников не проронил ни звука. Чиновник в белой рубашке медленно стискивает зубы.

Патрик, покашляв позади Уве, наконец не выдерживает, выпрыгивает вперед на своих костылях и кивает на бумажки в руках у чиновника.

– Да, кстати, ты там сверху глянь – там все твои банковские платежи за семь лет. Все железнодорожные и авиабилеты, оплаченные карточкой, все гостиницы, в которых ты жил. А еще история всех посещений с твоего служебного компа. И вся электронная переписка, служебная и личная...

Взгляд чиновника мечется от Уве к Патрику и обратно. Зубы стиснуты уже так, что побелели скулы.

– Мы, конечно, не утверждаем, что там есть что-то, что вам хотелось бы утаить, – по-дружески растолковывает журналистка.

– Ни-ни, – с самым серьезным видом вторит ей Патрик, покачивая головой.

– Хотя знаете... – Журналистка задумчиво чешет подбородок.

– Иной раз копнешь поглубже чужое прошлое... – кивает Патрик.

– Да, и тут вдруг всплывает такое – не дай бог кому рассказать, – многозначительно улыбается журналистка.

– Да, грешки, которые хочется... забыть, – уточняет Патрик и кивает на окошко гостиной. За стеклом виднеется голова Руне, сидящего на стуле.

Изнутри доносятся звуки телевизора. Пахнет горячим кофе. Патрик одним костылем поддевает ворох бумаг в руках у чиновника, на белую рубашку чиновника просыпается с них снег.

– На твоем месте я бы первым делом изучил распечатку с адресами сайтов, которые ты смотрел, – советует Патрик.

Все смолкают: Анита, Парване и журналистка, Патрик, Уве, Йимми и Андерс, чиновник в белой рубашке и три его санитара. И ждут в тишине,

словно игроки за покерным столом, только что сделавшие ставки, за мгновение до того, как вскрыть свои карты.

Наконец, обедя присутствующих взглядом такой убойной силы, что у тех перехватывает дыхание, точно их опустили головой под воду, чиновник в белой рубашке принимается за бумаги.

– Где вы нарыли всю эту чушь? – шипит он, все больше втягивая голову в плечи.

– В энтернете! – вдруг рывкает Уве и выходит из дома Аниты и Руне подбоченясь.

Чиновник в белой рубашке снова поднимает глаза. Журналистка, кашлянув, с готовностью кивает на ворох бумаг.

– Возможно, в этих старых делах мы не найдем ничего незаконного, но наш главный редактор совершенно уверен: если пресса уделит им должное внимание, ваш департамент будут месяцы таскать по судам... А то и годы... – И ласково кладет чиновнику руку на плечо. – Думаю, нам всем будет лучше, если вы просто уйдете отсюда, – шепчет она.

И плюгавенький человечек в белой рубашке вдруг делает как она просит, к искреннему изумлению Уве. Оборачивается и уходит, уводя трех санитаров. Они скрываются за углом, исчезают как тени, боящиеся полуденного солнца. Как положено злодеям в конце всякой сказки.

Журналистка кивает Уве, весьма довольная собой:

– Ну, что я говорила? Никто не хочет связываться с журналистами.

Уве сует руки в карманы.

– С тебя должок. Ты обещал! – говорит она с ухмылочкой.

Уве издает звук, как если бы прихлопнули забухшую от сырости дверь избушки.

– Письмо-то хоть читал, что я послала? – интересуется она.

Уве мотает головой.

– Так прочти! – настаивает она.

Уве в ответ то ли мычит «угу-угу», то ли просто шумно сопит. Не разберешь. Андерс все мнетя перед домом, не зная, куда девать руки, – наконец несколько по-дурацки сцепляет их в замок на животе.

– Привет! – решается он наконец, и слова вылетают как бы невзначай между покашливаниями.

– Привет! – улыбается журналистка.

– Я, это... приятель Уве, – говорит Андерс, слова натыкаются друг на дружку, словно заблудившись в кромешной тьме.

– Я тоже, – улыбается журналистка.

И дальше следует то, что обыкновенно следует в таких случаях.

Через час Уве уходит, а перед этим долго сидит в гостиной и негромко беседует с Руне наедине. «Нам бы с глазу на глаз потолковать, без лишних отвлекающих моментов», – говорит Уве, спроваживая на кухню Парване, Аниту и Патрика.

И не будь Анита твердо уверена в том, что подобного быть не может, она могла бы поклясться, будто из гостиной нет-нет да и донесется звонкий смех Руне.

36. Уве и обещанный вискарь

Трудно признавать, что ты ошибался. Особенно если ошибался так долго.

Со слов Сони, за все годы их совместной жизни Уве лишь однажды признал свою ошибку: как-то в восьмидесятых согласился с ней в чем-то, а вышла промашка. Сам Уве, конечно, все потом отрицал, все, дескать, враки и поклеп. Потому что по определению это была ее ошибка, а не его.

«Поллюбить кого-то – это все равно как поселиться в новом доме, – говорила Соня. – Сперва тебе нравится, все-то в нем новое, и каждое утро себе удивляешься: да неужто это все мое? Все боишься: ну ворвется кто да закричит: дескать, произошло страшное недоразумение, никто не собирался селить вас в такие хоромы. Но годы идут, фасад ветшает, одна трещинка пошла, другая. И ты начинаешь любить дом уже не за достоинства, а скорее за недостатки. С закрытыми глазами помнишь все его углы и закутки. Умеешь так хитро повернуть ключ, чтоб не заело замок и дом впустил тебя с мороза. Знаешь, какие половицы прогибаются под ногами. Как открыть платяной шкаф, чтоб не скрипнули дверцы. Из таких вот маленьких секретов и тайн и складывается твой дом».

Уве иной раз недоумевал, уж не он ли сам тот скрипучий шкаф? Недаром Соня, осерчав на него, нет-нет да проворчит: «Иной раз только руками разведешь: как поправить дом, когда у него даже фундамент наперекосяк». Прекрасно Уве знал, что она имеет в виду.

– Я просто говорю, все зависит от цены дизельного мотора. И от расхода топлива, – невозмутимо возражает Парване, притормозив на красный свет светофора. Пока стоят, она пыхтит, устраиваясь поудобней.

Уве смотрит на нее с бесконечной тоской, словно все, что он говорил, Парване пропустила мимо ушей. Напрасно было разжевывать беременной бабе, в чем суть владения автомобилем. Объяснять, что надо менять его раз в три года, чтобы не потерять в деньгах. Учить тому, что знают все более-

менее толковые люди: смысл ездить на дизеле, а не на бензине есть только тогда, когда накатываешь по двадцать тысяч километров в год. И что же? Ей лишь бы что поперек сказать – в своем репертуаре. Умничает: «Покупая новое, ты ничего не сэкономишь, все зависит от цены машины». А потом еще удивляется: «Но почему?»

– Да по кочану! – злится Уве.

– А, ясно! – восклицает Парване, закатив глаза.

Она, показалось Уве, вообще не питает подобающего уважения к его знаниям в данной области.

– На обратном пути надо заправиться, – говорит она, когда загорается зеленый. – В этот раз моя очередь платить, даже не думай возникать, – добавляет она.

Уве скрещивает руки на груди, спрашивает с подначкой:

– Вот вы со своим пентюхом, какая у вас заправка?

– Какая-какая! Бензин. Какая ж еще? – недоумевает она.

Уве смотрит на нее, как на блондинку, собравшуюся заправить машину жевательным мармеладом.

– Елки-моталки, я не про бензин спрашиваю. На какой бензоколонке заправляетесь?

На перекрестке Парване как нечего делать выполняет левый поворот – так беззаботно, только что не присвистнув.

– А что, не все равно – на какой?

– КАРТА у вас чья?

Уве с такой силой нажимает на слово «карта», что чуть не дрожит. Насколько он критически смотрит на банковские карты – хоть кредитные, хоть дебетовые, настолько же свято верит в необходимость карты топливной. Потому что так уж заведено. Получил права, купил машину, выбрал сеть АЗС, и все – будь добр, заправляйся там и нигде боле. Такими вещами, как бензоколонки и марки машин, не разбрасываются.

– Да нет у нас никакой карты, – отвечает Парване так безмятежно, словно заправляться где попало – это в порядке вещей.

Уве сидит с каменным лицом минут пять, наконец Парване, встревоженная его молчанием, пытается угадать наобум:

– А, вспомнила, «Статойл».

– И почем же у них литр? – недоверчиво прощупывает ее Уве.

– Без понятия, – честно признаётся она.

Уве от возмущения теряет дар речи.

Десять минут погода Парване притормаживает и паркуется на другой стороне.

– Я тут обожду, – говорит.
– Настройки радио не трогай, – наставляет ее Уве.
– Н-н-не-е-е бу-у-у-ду, – по-овечьи блеет она и корчит ему рожу – эта ее манера ох как поднадоела Уве за последние недели. – И спасибо, что зашел вчера, – добавляет она.

Уве не то сипит, не то хрюкает в ответ – или просто прочищает горло? Парване хлопает его по коленке:

– Девчонки так радуются, когда ты приходишь в гости. Души в тебе не чают!

Уве молча выходит из машины. Ладно, невелика беда: ну, затащили его вчера ужинать, с этим он уж как-нибудь готов смириться. Нет, не подумайте, что Уве по вкусу кулинарные изыски Парване. Натушила бы мяса с подливой да с картошечкой. Ладно, хоть и строптива баба, и выкобенивается, а все же Уве готов признать (с натяжкой) – рис с шафраном у Парване был не так уж несъедобен. Вполне себе. Худо-бедно, Уве съел пару порций. Кошак и тот умял полторы.

После обеда Патрик стал мыть посуду, а младшенькая потребовала, чтобы Уве почитал ей на ночь сказку – а то не уснуть. Уве было воспротивился и попытался привести свои доводы, но они, как видно, слабовато воздействуют на трехлетних девочек, так что Уве, первым устав от препирательств, поплелся за юным чудовищем в детскую, присел на краешек кровати и стал читать. Читал «как всегда, увеликательно», как потом заметила Парване. Уве не понял юмора. Девочка тем временем положила головку частью на раскрытую книжку, частью ему на руку и так и уснула, а Уве, чего уж, уложил ее в кровать, а заодно и кошака, и потушил лампу.

Проходя по коридору, заглянул в комнату к старшей. Та смотрела что-то по своему компьютеру, то жала на что-то, то стучала. У детишек ныне одна печаль-забота, как понял Уве. Патрик, правда, говорит, что «пытался показать дочке новые компьютерные игрушки, но ей только старую подавай». Как ни странно, от этих слов Уве вдруг как-то зауважал и старшую, и ее компьютерную игру. Уве нравится, когда человек делает по-своему, а не так, как хочет Патрик.

Повсюду на стенах ее комнатки висели рисунки. По преимуществу черно-белые наброски карандашом. Не так уж плохо для семи лет, готов (с натяжкой) признать Уве – с учетом пока еще неважной мелкой моторики и логического мышления. Ни на одном рисунке нет людей. Только дома. Что Уве весьма одобрил.

Вошел в комнатку, встал рядом со старшей. Та с трудом оторвалась от своей забавы, явно не слишком довольная его присутствием, и, как обычно, скорчила недовольную морщину. Уве, впрочем, не спешил уходить, и старшая наконец указала ему на большой пластмассовый ящик, перевернутый вверх дном. Уве сел на него. Тогда она негромко объяснила, что в этой игре надо строить дома, а когда построишь много, из них получается город.

– Я обожаю дома, – пробормотала она.

Уве глянул на нее. Она – на него. Уве ткнул пальцем в экран, оставив жирный отпечаток, на городской пустырь, и спросил, что будет, если нажать на это место. Она подвела стрелочку, щелкнула мышкой, опля – на пустыре вырос дом. Уве не поверил глазам. Поудобней устроился на ящике, указал на другой пустырь. Два с половиной часа спустя пришла Парване, сердито пригрозила: а ну, живо марш спать, вы оба, или я выдерну шнур.

Уве уже стоял в дверях, собравшись уйти, когда старшая осторожно тронула его за рукав рубашки и показала на рисунок, висящий рядом на стене.

– Это твой дом, – шепнула она, словно это был их секрет – ее и Уве.

Уве кивнул. Что ж, может статься, и выйдет из двух этих пигалиц толк, не такие уж они безнадежные.

Парване остается в машине. Уве переходит дорогу, открывает стеклянную дверь, входит. В кафе никого. Только вентилятор на потолке хрипит своими напрочь прокуренными внутренностями. Да Амель в пестрой рубаше за стойкой вытирает рюмки белым полотенцем. Квадратное тело его сдулось, как будто из него выкачали воздух. На лице горе пополам с безотчетной суровостью – выражение, столь характерное для мужчин его поколения в той части света, где этого горя в избытке. Уве становится посреди зала. С минуту два мужика смотрят друг на друга. У одного не поднимается рука выставить мальчишку-гомика из дому, у другого – вернуть его домой. Наконец, сдержанно кивнув как бы самому себе, Уве подходит к стойке, садится на стул. Кладет руки на стойку, сцепляет в замок, смотрит на Амеля по-деловому:

– Я тут подумал: а не пропустить ли мне глоточек обещанного вискаря. Предложение еще в силе?

Грудь Амеля судорожно вздымается и опускается несколько раз под пестрой рубашкой. Амель открывает было рот, но одергивает себя. Молча вытирает последнюю рюмку. Сложив полотенце, кладет его рядом с кофемашиной. Не проронив ни слова, скрывается на кухне. Вносит бутылку (буквы на этикетке иностранные, не разобрать) и два стакана. Ставит на

стойку перед собой и Уве.

Да, бывает трудно признать, что ошибался. Особенно когда ошибался так долго.

37. Уве и народ, который лезет не в свое дело

– Ты уж прости меня, – тихо бормочет Уве.

Сметает снег с могильного камня.

– Сама же знаешь, как оно бывает. Народ нынче беспардонный пошел – никакого уважения к личной жизни. Повадились шастать в чужой дом, как в собственный, в сортире закроешься – и там покою нет, – оправдывается он перед женой, откапывая мерзлые цветки и втыкая в снег свежие.

Смотрит на Соню, словно ждет, что жена кивнет в знак согласия. Та не кивает, конечно. Зато его решительнейшим образом поддерживает кошка, сидящий тут же в снегу. Особенно в той части, которая касается невозможности спокойно воспользоваться туалетом.

Эта самая журналистка Лена с утра занесла Уве по дороге газету. На первой полосе – фотография: Уве стоит, глядит сурово. Слово свое он сдержал: побеседовать побеседовал, на расспросы ответил. А скалить зубы в объектив как осел – это шиш, Уве так и сказал ей, без обиняков.

– Шикарное вышло интервью! – настаивала довольная журналистка, напрашиваясь на похвалу.

Уве промолчал, что, впрочем, нисколько ее не задело. От нетерпения Лена чуть не била копытом. Все на часы поглядывала, видно, спешила куда-то.

– Ну ладно, не смею задерживать, – пробормотал Уве.

Лена вдруг прыснула, ну школьница, да и только:

– А мы с Андерсом на озеро идем, на коньках кататься!

Уве кивнул, приняв ее слова как подтверждение того, что разговор окончен, и с тем затворил дверь. Газету засунул под входной коврик. А то кошка с Мир-садом вечно натащат в дом снегу – так хоть будет лучше впитывать.

В кухонном углу валяется реклама, бесплатные газеты – утром Адриан кинул с почтой. Даром только Уве вывел на почтовом ящике печатными

буквами «Рекламу просьба не бросать!». Для тупых. Да, видно, Соня так и не сумела обучить этого оболтуса грамоте. Хотя, может, просто Шекспир этот не писал объявлений про рекламу, предположил Уве и заодно решил выгрести остальную макулатуру, захлавившую весь дом.

Под горой старых рекламных листовок обнаружил нераспечатанное письмо от журналистки Лены. То самое, что принес ему Адриан, – парень тогда впервые позвонил в дверь Уве.

«Во, тогда хотя бы звонил, а нынче шашь-шашь, то в дом, то из дома – прямо прописался тут», – с досадой подумал Уве, поднося письмо к кухонной лампе, точно искал водяные знаки на купюре. Потом взял столовый нож, вскрыл письмо. Соню, правда, всегда коробило: зачем, мол, вскрывать письма кухонным ножом, когда есть специальный – для бумаги?

Дорогой Уве!

Надеюсь, Вы извините меня за то, что все-таки обращаюсь к Вам. Лена из местной газеты сказала, что сами Вы не хотите лишнего внимания, считая, что не совершили ничего особенного, но, по крайней мере, любезно сообщила мне Ваш адрес. Для меня Ваш поступок всегда будет особенным, и я не в силах об этом молчать. Я с уважением отношусь к тому, что Вы не позволили мне прийти и поблагодарить Вас лично, тем не менее хочу представить Вам кое-кого, кто всю жизнь будет благодарен Вам за Ваше мужество и альтруизм. Таких людей, как Вы, теперь больше не делают. Слово «спасибо» – слишком слабое для выражения моей признательности.

Письмо было подписано тем самым мужиком в костюме и полупальто, который брякнулся тогда без чувств на рельсы и которого вытащил Уве. От Лены Уве узнал, что впоследствии доктора установили причину обморока: нашли в мозгу у мужика какую-то мудреную хворь. Кабы вовремя не хватились да не взялись лечить, доконала бы она мужика в несколько лет. «Так что фактически вы ему дважды жизнь спасли!» – воскликнула Лена до того восторженно, что Уве даже пожалел, что в свое время выпустил ее из гаража.

Уве сложил письмо, сунул обратно в конверт. Поднес к глазам фотокарточку. Оттуда на него глядели три девчушки: одна постарше, наверное, учится в средней школе, две другие примерно одного возраста со старшей дочкой Парване. Вернее, не то чтобы глядели, скорей валялись как куча-мала, каждая с водяным пистолетом, явно крича и хохоча. Позади широко улыбалась белокурая женщина лет сорока пяти, раскинув руки, как

орел крылья, – в каждой по пластмассовому ведерку, из ведерок плещет вода. В самом низу кучи лежал тот мужик в костюме – правда, на сей раз в насквозь промокшем поло, – безуспешно пытаюсь укрыться от этого ливня.

Уве бросил письмо в мусор, к рекламе, завязал пакет, поставил у входной двери, вернулся на кухню, выудил из нижнего ящика магнит и повесил фотокарточку на холодильнике. Бок о бок со «взрывом на лакокрасочной фабрике» – портретом Уве, нарисованным Назанин по дороге из больницы.

Уве чистит камень еще, хотя сметать с него уж нечего: весь снег, который был, давно сметен.

– Думаешь, я не говорил им, что тебе, как любому нормальному человеку, было бы приятней побыть в тишине-покое? Куда там! Им хоть кол на голове теши, – хмурится он и бессильно кладет на камень обе руки.

– Привет, Соня! – выскакивает из-за его спины Парване и машет так энергично, что огромные варежки птицами слетают с рук.

– Пливеть! – весело кричит младшенькая.

– Не «пливеть», а привет! – поправляет ее старшая.

– Привет, Соня! – кивают по очереди Патрик, Йимми, Адриан и Мирсад.

Уве топает ногами, стряхивая снег с башмаков, кивает на кота, хмыкает:

– Ну а кошака ты и так знаешь.

Пузо у Парване раздалось еще больше, отчего она напоминает гигантскую черепаху, когда, присев на корточки, одной рукой опирается на камень, другой – на Патрика. Правда, сравнить ее с черепахой вслух Уве по понятным причинам не осмеливается. Есть более приятные способы свести счеты с жизнью. Некоторые он даже опробовал.

– А это тебе цветочек от Патрика, детей и меня. – Парване светло улыбается камню.

Потом вынимает еще один цветок, прибавляя:

– А этот – от Аниты и Руне. И горячий привет!

Когда вся разношерстная компания наконец движется обратно в сторону парковки, Парване немного задерживается. Уве пытается спросить, но та лишь отмахивается («а, ерунда, забудь») и еще улыбается хитро – при виде этой улыбки Уве хочется чем-нибудь запустить в Парване. Не больно. Так, чисто символически.

Он лишь что-то бурчит басом в ответ, решив, что пререкаться с бабами себе дороже, что с одной, что с другой. И отправляется к машине.

– Да поболтали о своем, о женском, – нехотя отвечает Парване, вернувшись наконец на парковку и забираясь на водительское сиденье. Что она имеет в виду, Уве не знает, а расспрашивать не решается. На заднем сиденье старшая помогает младшей пристегнуться. Йимми, Мирсад и Патрик тем временем еле-еле втискиваются в машинку к Адриану. В его «тойоту». Крайне сомнительный выбор, коли думать головой, не один раз твердил ему Уве уже в автосалоне. Добро хоть не француза взял. Да еще стараниями Уве сбили цену на восемь тысяч и выпросили для парня зимнюю резину в подарок. И то хлеб.

А ведь не дойди Уве до салона, получилось бы еще хуже: этот салага уже приглядел было «хёндай».

По дороге домой заезжают в «Макдоналдс», чтобы порадовать Йимми и девочек. А еще из-за того, что Парване приспичило. Больше, конечно, ради этого. Вернувшись в поселок, расходятся по домам. Уве и Мирсад с кошаком, помахав на прощание Парване, Патрику, Йимми и девочкам, заходят за угол сарая.

Трудно сказать, сколько протомился у дверей Уве квадратный человек. Может, прождал все утро. Лицо сосредоточенно-бдительное, стоит по стойке «смирно», как дозорный на боевом посту. И мороза будто не чувствует, точно из дубовой колоды вытесан. Но тут из-за угла выходит Мирсад, и человек вдруг оживает: квадратное туловище вдруг переступает с правой ноги на левую.

– Здравствуй, – говорит он, приосаниваясь, и тут же переступает обратно на правую.

– Здравствуй, папа, – смущается Мирсад, останавливаясь метрах в трех от отца, сжавшись, точно не зная, куда спрятаться.

Вечером Уве ужинает на кухне у Парване с Патриком, пока в его собственной кухне отец с сыном на двух языках беседуют о разочарованиях и надеждах и о том, что значит быть мужчиной. Больше всего, вероятно, говорят о мужественности. Соне бы их беседа по сердцу пришлась, знает Уве. Улыбается в усы – так, чтоб не заметила Парване.

Старшая же, перед тем как лечь спать, вкладывает ему в руку бумажку, на которой написано «Приглашаю на деньрождение». Уве внимательно читает от корки до корки, словно ему дали ознакомиться с нотариальным договором дарения доли квартиры.

– Эх ты. Так тебе небось и подарок нужен, – бурчит он наконец.

– Не надо мне ничего покупать. А вообще я хочу только одну вещь.

Уве сгибает приглашение пополам, отправляет в задний карман штанов. Уважительно разводит руками.

– И какую же?

– Дорогущую, мама мне все равно такую не купит, так что без разницы, – отвечает девочка, не поднимая глаз, и качает головой.

Уве понимающе кивает, как уголовник, получивший сигнал от товарища, что их телефон прослушивают. Оба озираются, не затаились ли за ближайшим углом папа с мамой. Наконец девчушка, сложив ладони рупором, шепчет Уве на ухо:

– Айпад.

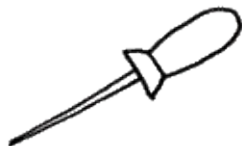
Судя по виду Уве, слово это говорит ему приблизительно столько же, сколько какой-нибудь «ватленьшкаваос».

– Компьютер такой. Там есть специальные программы для черчения. Для детей! – шепчет она уже чуть громче.

И в глазах ее будто загорается огонек.

Ой как знаком Уве этот огонечек.

38. Уве и конец одной истории

Люди делятся, грубо говоря, на две категории. На тех, кто понимает, сколь хороши белые шнуры, и на тех, которым без разницы. Йимми вот принадлежит к первой. Он обожает белые шнуры. И белые телефоны. И белые планшеты с надкушенным яблоком на задней стороне. Примерно это успевает усвоить Уве, пока они едут в город: всю дорогу Йимми восторженно трещит о вещах настолько скучных всякому рационально мыслящему человеку, что Уве погружается в некоторое медитативное состояние, и треп толстоватого юноши превращается в невнятный гул.

Едва Йимми со здоровенным бутербродом, щедро намазанным горчицей, плюхнулся на переднее сиденье «сааба», как Уве пожалел, что попросил парня о помощи. В магазине оказалось не легче: едва вошли, Йимми сперва принялся бесцельно слоняться между полками, а потом со словами «Щас, только шнуры гляну» пропал и вовсе. Хочешь что-то сделать – полагайся только на себя, лишний раз убеждается Уве и направляется к кассе один. И лишь когда неопытный продавец пытается познакомить Уве с ассортиментом портативных компьютеров, а тот ревет на весь зал: «Ты чё, блин, жертва фронтальной лоботомии?» – лишь тогда толстяк спешит на выручку. Но выручать не Уве, а работников магазина.

– Мы вместе, – кивает Йимми продавцу с таким выражением, словно тайным рукопожатием сигнализирует: «Не волнуйся, я – свой!»

Продавец от расстройства делает долгий вдох, жалуется на Уве:

– Я ему помочь хочу, а он...

– Впарить мне ТУФТУ, вот чего ты хочешь! – гремит Уве, не давая тому договорить, и хватает с ближайшей полки первый попавшийся предмет с небезобидным намерением запустить в продавца.

Уве даже не знает толком, что подвернулось ему под руку, вроде какая-то белая розетка – в любом случае штука довольно увесистая: продавцу мало не покажется, если что. Продавец глядит на Йимми, уголки глаз нервно дергаются – от общения с Уве тик такого свойства нападает на людей столь часто, что впору говорить о нем как о синдроме имени нашего героя.

– Слушай, он же как лучше хотел, чувак, – смело встречается Йимми.
– Я ему макбук показываю, а он мне: «Что у тебя за машина?»
– Вполне резонный вопрос, – бормочет Уве, уверенно кивая Йимми.
– А у меня нет машины! Мне машина вообще не нужна, я в принципе за экологический транспорт! – отвечает продавец, в голосе – смесь безотчетной злости с желанием спрятаться, свернувшись клубочком.

Уве смотрит на Йимми и разводит руками: мол, с этим гусем все понятно.

– Ну, спрашивается, как с таким разговаривать? – кивает Уве на продавца в явном ожидании немедленной поддержки.

Чтоб утешить продавца, Йимми кладет тому руку на плечо и призывает Уве успокоиться и сбавить обороты. Уве, и не думая успокаиваться, возражает, что и так спокоен как слон.

– А тебя где черти носили? – напускается он уже на Йимми.

– А? Я-то? Да так, там мониторчики позырил – думал, свежачок какой подвезли, – оправдывается Йимми.

– Тебе что, монитор нужен? – не поймет Уве.

– Да нет, – пожимает плечами Йимми, как будто Уве что-то странное спросил – так Соня обыкновенно изумлялась: «А при чем тут это?» – поинтересуясь Уве, на что ей сдалась еще одна пара туфель.

Продавец под это дело пытается слинять, но Уве резко выставляет ногу, отрезая ему путь к отступлению.

– А ты куда? Мы только начали!

Лицо у продавца становится грустным-грустным. Йимми, подбадривая юношу, хлопает его по спине:

– Да не загоняйся, нам только айпад выбрать, есть у вас чё?

Продавец смотрит на Уве. Смотрит на Йимми. Потом в сторону кассы, стоя возле которой пять минут назад Уве разорился, что не возьмет «это убожество без клавиатуры». Вздохнув, собирается с духом:

– А-а... Ну так пойдёмте обратно к кассе. Вам насколько гигов? Шестнадцать, тридцать два или шестьдесят четыре?

Уве делает страшные глаза: мол, задолбал ты уже – понапридумывают всяких бессмысленных словечек, лишь бы народ честной смущать.

– Айпады различаются по объему памяти, – переводит на более понятный язык Йимми: впору переводчиком в миграционную службу поступать.

– Ага, а за память эту ему небось еще хрен его знает какую прорву деньжищ отвали, – фыркает в ответ Уве.

Йимми понимающе кивает, поворачивается к продавцу:

– Полагаю, Уве интересуют разница в цене моделей.

Продавец стонет:

– Ладно, но вам какой хоть – обычный или с «три-джи»?

Йимми поворачивается к Уве:

– Она только дома будет его использовать или будет еще на улицу с ним выходить?

Уве вскидывает свой палец-фонарь, копьём наставляет на продавца:

– Ей нужен САМЫЙ ЛУЧШИЙ! Понял?

Продавец пятится с опаской, Йимми весело ржет, раскидывая жирные руки, словно хочет обнять:

– Чувак! Уве просто нужна самая навороченная модель!

Две минуты погодя Уве хватает с прилавка пакет с айпадом, причитая под нос: «Семь тысяч девятьсот девяносто пять крон! За гребаную дощечку без клавиатуры!» и еще что-то про «грабеж и чудаков на букву “м”». И топает к выходу. Йимми же задержался, стоит, слегка призадумавшись, с некоторым любопытством смотрит на полки позади продавца.

– Ну, раз уж я здесь... Покажите-ка вон тот шнур.

– А, да-да, шнур. Который? – шелестит измученный продавец.

Йимми подается вперед, заинтересованно потирает ручки:

– А посмотрим, что у вас тут есть.

* * *

И вот, стало быть, тем же вечером старшенькая получает от Уве айпад. А от Йимми – шнур.

– У меня у самого такой же. Мегаофигеннейший гаджет! – с увлечением объясняет Йимми, показывая на коробку.

Старшая стоит в коридоре и явно колеблется, не зная, как быть с этим информационным потоком, – на всякий случай кивает: «Ага... Большое спасибо». Йимми блаженно кивает в ответ:

– А пожрать дадут?

Девочка указывает на дверь гостиной – внутри полно народу. Посреди комнаты виднеется торт с восемью свечами, и полновесный юноша коршуном пикирует на него. Именинница все так же стоит в коридоре, изумленно ощупывая коробку с айпадом. Словно до сих пор не верит своему счастью. Уве наклоняется к ней:

– Вот и меня такое же чувство охватывало каждый раз, как новую машину покупал.

Она оглядывается. И, убедившись, что никто не видит, улыбается во весь рот и обнимает его.

– Спасибо, дедушка, – шепчет и бежит в свою комнатку.

Уве молча стоит в коридоре, ковыряя домашним ключом мозоли на ладони. Патрик на своих костылях шкандыбает в комнату именинницы. Как видно, именно ему поручено самое неблагодарное задание вечера: уговорить дочку пойти в гостиную сидеть там в нарядном платье и есть торт в кругу взрослых зануд, что конечно же намного прикольней, чем слушать любимую попсу и закачивать приложения в новый айпад. Уве стоит в коридоре, не сняв куртки, уставившись в пол. Минут, почитай, десять.

– Что с тобой?

Вкрадчивый голос Парване будто выхватывает его из глубокого забытья. Она стоит в дверях гостиной, обеими руками поддерживая круглое пузо, словно несет перед собой корзину с бельем. Уве скидывает голову, глаза чуть затуманены.

– А? Чего? Да-да, все нормально.

– Так зайди... Тортика съешь...

– А?.. Да нет. Не люблю я сладкого. Пойдем-ка мы лучше с кошаком на обход.

Большие карие очи Парване сканируют его, словно пытаются проникнуть в самое нутро: все чаще и чаще в последнее время стал замечать он за Парване привычку глядеть на него так. Не по себе Уве от этого взгляда. Смотрит так, будто гнетут ее недобрые предчувствия.

– Ну ладно, – нехотя отпускает она Уве. – Завтра поучишь меня еще вождению? Я в восемь к тебе зайду, – тут же спрашивает она.

Уве кивает. Тут из гостиной к нему, усы в сливках от торта, важно выплывает кошка.

– Ну, ты готов, что ли? – фыркает Уве. Кошак показывает, что готов. Тогда Уве, повертев ключами и почти не глядя на Парване, негромко подтверждает: – Добро. Тогда завтра в восемь.

На зимний поселок спустилась густая мгла, Уве с кошаком идут знакомой дорожкой между домами. Веселый смех и музыка льются из дома именинницы, выстилая путь обходчикам теплым пушистым ковром. Соне бы по сердцу пришлось, думает Уве. Вот бы кто порадовался, глядя, во что превратила их доселе тихое местечко одна взбалмошная беременная персиянка со своей совершенно разнузданной семейкой. Уж как Соня любила смеяться! Бог свидетель, как Уве тоскует по ее смеху.

Бок о бок с кошаком Уве идет на автостоянку. Пинает мыском

таблички, крепко ли сидят. Дергает за ручки гаражей. Проходит взад-вперед по гостевой парковке. Заглядывает на мусорку. На обратном пути, уже на подходе к своему сараю, чудится Уве, что у крайнего дома с той стороны улочки, где живут Патрик с Парване, как будто ходит кто-то. Сперва Уве думает: может, кто из гостей Парване. Потом видит, что фигура жмет к сараю тех самых коммунистов, что устроили «мусорную революцию». А те, рассуждает Уве, сейчас вроде как в Таиланде. Всматривается в темноту: может, померещилось? Может, просто тени мельтешат на снегу? Однако в тот самый миг, когда он уже готов признать, что зрение у него уже не то, что прежде, фигура вдруг возникает снова. А за ней – еще две. А потом он отчетливо слышит, как потихоньку бьют молотком в окно, заклеенное скотчем. Чтоб не зазвенело, не осыпалось стекло. Уве хорошо знаком этот звук – сами так делали в депо: перед тем как выбить осколки из разбитых вагонных окон, заклеивали, чтоб не порезать пальцы.

– Эй, вы! – кричит он во тьму. – Вы чем там занимаетесь?

Фигуры у дома замирают. Слышно, как перешептываются.

– Кому говорят! – рявкает Уве и бегом к ним.

Кто-то из них делает пару шагов навстречу Уве, кто-то кричит. Уве прибавляет ходу, несется, как живой снаряд, пущенный из катапульты. Нет бы мне взять что-нибудь поувесистей из сарая, спохватывается он, да поздно. Краем глаза заметив у одной фигуры в руке что-то узкое, решает: разбираться надо с ним в первую очередь.

Почувствовав укол в грудь, Уве сперва думает, что кто-то из этих типов исхитрился обойти его и ударил кулаком сзади. Но следует еще укол – жгучий, будто кто шпагой проткнул насквозь, от макушки до пят. Уве хватается ртом воздух, но воздуха взять неоткуда. Споткнувшись на ходу, Уве валится ничком и растягивается в снегу, впечатавшись в него всей массой. В полузабытии еще чувствует тупую боль в щеке, которую, падая, ободрал об ледяную корку, чувствует, как нутро его точно стиснул огромный беспощадный кулак. Как давят в руке жестяную банку.

Уве слышит топот удаляющихся шагов: ага, взломщики решили дать деру. Сколько прошло мгновений, Уве не считает, только боль в голове его нестерпима: как будто в ней одна за другой рвутся и рвутся всполохами галогеновые лампы, осыпаясь ливнем стекла и стали. Уве хочет закричать, но в легких нет кислорода. Только слышит, как издалека доносится голос Парване, но кровь, бешено стуча в висках, мешает разобрать слова. Он узнает звук спотыкающихся шагов – это, торопясь и оскальзываясь в снегу, маленькие ступни несут несоразмерное тело. Напоследок, прежде чем погрузиться во тьму, Уве успевает подумать, что неплохо бы взять с

Парване честное слово не пускать на территорию карету скорой помощи.

Ведь проезд по территории запрещен!

39. Уве и смерть

Странная штука – смерть. Пускай многие всю жизнь проживают так, будто никакой смерти нет вовсе, добрую половину наших дней именно смерть служит одной из главных мотиваций нашего существования. Чем старше становимся мы, тем острее осязаем ее и тем упорнее, тем настойчивей и яростней цепляемся за жизнь. Одни просто не могут без того, чтоб не чувствовать вседневного присутствия смерти, иначе не ценили бы ее противоположность. Другие озабочены ею настолько, что спешат занять очередь под дверью кабинета задолго до того, как она возвестит о своем приходе. Мы страшимся ее, конечно, однако еще больше страшимся, что она заберет не нас, а кого-то другого. Ведь самое жуткое – это когда смерть забывает про нас. Обрекая на одиночество.

Уве называли бирюком. Фигня это, не был Уве никаким бирюком. Ну не улыбался каждому направо и налево. Что ж его – в преступники записать за это? Что до Уве, у него на сей счет было свое мнение. Просто, когда хоронишь ту единственную, на которой сошелся свет клином, что-то в тебе надламывается. И время не в силах залечить эту рану.

Да и время – тоже странная штука. Мы ведь в большинстве своем живем тем, что будет. Через день, через неделю, через год. Но вот вдруг наступает тот мучительный день, когда понимаешь, что дожил до таких лет, когда впереди не так уж и много, гораздо более – позади. И теперь, когда впереди у тебя так мало, нужно искать что-то новое, ради чего и чем теперь жить. Может, это память. Об отдыхе на склоне летнего дня, когда держал ее ладошку в своей. О запахе свежескопанной клумбы. О воскресных посиделках в кондитерской. Может, это внучата. Начинаешь жить будущим других. Нет, Уве не умер, когда Соня оставила его. Просто перестал жить.

Странная штука – горе.

Когда врачи, увозя каталку с Уве, не пустили Парване в операционную, та набросилась на них с кулаками – насилиу Патрик, Йимми, Андерс,

Адриан, Мирсад да еще четыре акушерки ее утихомирили. Когда же хирург сказал: «Нельзя так, вы же беременная» – и велел сесть и уgomониться, Парване опрокинула ему на ногу тяжеленную банкетку. А потом, когда другой хирург, выйдя из дверей, с дежурно-постной миной коротко рубанул: «Готовьтесь к худшему», Парване завывала и, заслоняя лицо руками, осыпалась на пол, точно разбитая фарфоровая ваза.

Странная штука – любовь. Она всегда застает тебя врасплох.

Под утро, в половине четвертого, приходит медсестра, хочет увести Парване. Та ни в какую. Уж кто только не убеждал ее, что надо уходить. Кажется, все. Кроме Патрика – он-то ученый. Он-то, в отличие от всех прочих, видел ее в гневе предостаточно, чтобы уяснить: беременная ли, нет ли, женщина эта никому не даст спуска, вздумай кто помыкать ею. Волосы спутались, глаза налиты кровью, вокруг сухие подтеки выплаканных слез и размазанной туши. Парване входит в тесную палату в самом конце коридора, чуть жива: медсестра кидается к ней – как бы беременная не брякнулась там же на пороге. Прильнув к притолоке, Парване делает глубокий вдох, еле-еле улыбается медсестре – мол, со мной все в порядке. Шагнув внутрь, на миг застывает, словно впервые за целую ночь пытается осмыслить весь масштаб произошедшего.

Дальше она подходит, становится у его койки – из глаз снова потекли слезы – и вдруг обеими ладонями начинает лупить по руке Уве.

– Какой же ты гад! – ревет без конца и лупит все сильнее. – Я не отпускаю тебя, не смей умирать, слышишь?! – кричит она.

Пальцы Уве вяло шевелятся, она хватает их обеими руками, утыкается лбом в его ладонь, рыдает.

– Уймись уже, женщина, – хрипит вдруг Уве.

Тут она снова принимается лупить по руке. Уве благоразумно замолкает. Но позже, когда она, снова взяв его за руку, сидит, нахохлившись, на больничном стульчике и в большущих карих очах ее смешались гнев, страдание и тревога, Уве поднимает другую руку и гладит Парване по голове. Из носа у него торчат трубки, грудная клетка под простыней мучительно вздымается. Словно каждый вздох отдается мучительной болью. Слова вырываются с шипением:

– Только не говори мне, что дала этим олухам на «скорой» заехать на территорию!

Минут через сорок одна из медсестер наконец решается заглянуть к ним. Немного погодя в палату входит молодой доктор в очечках. И с видом оскорбленного достоинства, становится рядом. Утыкается в бумажку.

– Парр... мана? – пытается разобрать он и близоруко щурится на

Парване.

– Парване, – поправляет она.

Доктор и ухом не ведет.

– Тут написано, что вы «ближайшая родственница» больного. – Оторвавшись от журнала, мельком глядит сперва на сидящую на стуле тридцатилетнюю женщину явно восточных кровей, потом на койку, на которой лежит пятидесятидевятилетний пациент кровей явно не восточных.

Поскольку никто из присутствующих даже не пытается разъяснить врачу причину столь разительного несоответствия – Парване лишь пихает Уве в бок и ухмыляется («ближайшая родственница!»), а Уве только шикает: «Цыц!» – врач, вздохнув, продолжает.

– У Уве порок сердца... – монотонно заводит он. Далее следует набор слов, понять которые способен лишь тот, кто либо не менее десяти лет штудировал медицину, либо страдает тяжелой зависимостью от медицинских сериалов.

Заметив в глазах Парване сплошные вопросительные и восклицательные знаки, доктор вздыхает снова, как вздыхают все молоденькие доктора в очечках всякий раз, когда им приходится сталкиваться с теми, кому не хватило ума получить элементарное медицинское образование перед посещением больницы.

– У него просто слишком большое сердце, – снисходит врач до медицински невежественной собеседницы.

Тут Парване долго-долго смотрит на доктора. А потом очень внимательно – на лежащего на койке Уве. Потом снова на доктора, словно ждет что тот засмеется и скажет: «Шутка!»

Но он не смеется, и тогда начинает смеяться она. Сперва будто покашливает, потом прыскает, будто подавляя чих, но тут же заходится долгим заразительным смехом. Вся палата наполняется протяжным, оглушительным хохотом – веселье прорывается в коридор, откуда медсестрички то и дело заглядывают в дверь палаты и спрашивают: «Да что тут у вас творится?»

– Видал, какое наказание? Ишь как разобрало, – утомленно шепчет Уве врачу, закатывая к потолку глаза, Парване же, уткнувшись в подушки, вся содрогается от безудержного смеха.

Врач растерян – видно, в институте его не обучили, как лечить от смеха ближайших родственников тяжелого больного, – и, громко кашлянув, как бы невзначай топает ногой, желая, так сказать, обозначить, кто тут главный. Толку, разумеется, чуть, но постепенно, кое-как, с грехом

пополам, Парване наконец берет себя в руки – настолько, что, переведя дух, даже выдавливая из себя: «У Уве большое сердце, о-о-ох-ха-ха, смерть моя пришла!»

– Вообще-то моя, а не твоя! – поправляет Уве.

Мотнув гривой, Парване ласково улыбается доктору:

– И все?

Доктор вяло шуршит бумажками:

– Если будет принимать лекарства, сердце можно держать под контролем. Но на сколько его хватит, в таких случаях никто не знает. Может, на месяцы, может, на годы.

Парване отмахивается от него:

– Ну, тогда не о чем беспокоиться. Чего-чего, а умирать Уве не умеет, уж поверьте.

Уве смотрит на нее с нескрываемой обидой.

Четыре дня спустя Уве ковыляет по снегу к своему дому. Одной рукой опершись на Парване, другой – на Патрика. Хорошенькая опора, думает он про себя – один на костылях, другая на сносках. Вслух, однако, говорить не решается – и так только что влетело от Парване, когда он запрещал ей парковаться между домами. «Да ЗНАЮ я, Уве! ПОНЯЛ? ЗНАЮ! Скажи еще раз, клянусь – сожгу твой знак к едрене фене!» – прикрикнула она на него. Малость переборщила с театральностью, думает Уве.

Хруст снега под ногами. Свет в окошке. Под дверью кошка. Сидит, Уве дожидается. На кухонном столе листки с каракулями.

– Это девчонки тебе нарисовали, – говорит Парване, положив запасной ключ в корзинку рядом с телефоном.

Перехватив взгляд Уве, упавший на подпись в углу рисунка, лепечет смущенно:

– Они это... Прости, Уве, ты не подумай. Мало ли чего они написали. Дети, что с них возьмешь. Мой папа умер в Иране. А они так хотели, чтоб у них... Ну, сам понимаешь...

Уве не слушает ее, сгребает рисунки.

– Да пусть зовут как угодно. Не бери в голову.

И один за другим вешает рисунки на холодильник. А выше всех тот, на котором написано «Любимому дедушке». Парване пытается сдержать улыбку. Не получается.

– Хорош хихикать, лучше кофе сделай. А я пойду отнесу ящики на чердак, – бормочет Уве и ковыляет к лестнице.

Вечером Парване с девчонками помогают ему прибраться в доме. Одну

за другой заворачивают Сонины безделушки в газетную бумагу, аккуратно укладывают все ее платья в коробки. По одному в каждую, как дорогое воспоминание. К половине девятого, управившись, девчонки засыпают у Уве на диване – пальчики черные от типографской краски, рожицы перемазаны шоколадом. Тут ногти Парване вдруг впиваются Уве в плечо, немилосердно, как стальные крючья. «Ай!» – шипит Уве. «ТСС!» – шипит она в ответ.

И они снова едут в больницу.

Рождается мальчик.

Уве и эпилог

Странная штука – жизнь.

Зиму сменяет весна, и Парване сдает на права. Уве учит Адриана переобувать машину. Малец, правда, купил «тойоту», ну да один хрен: как-то же и ему надо выплывать, не ходить же неумехой по жизни – Уве так и докладывает Соне, навестив ее воскресным днем в апреле. Еще показывает ей фотографии меньшенького, который родился у Парване. Четыре месяца, а упитанный, ровно белек. Патрик все уговаривает завести фоторамку, но не больно-то Уве доверяет этой технике. А потому носит в портмоне пухлую пачку бумажных фотокарточек, стянутую резинкой. Показывает всякому встречному. Даже перед цветочницами из торгового центра хвастался.

* * *

Весна сменяется летом, а с наступлением осени эта журналистка Лена в своей вечной «аляске» не по росту переезжает в дом к пижону Андерсу, который на «ауди». Грузовик с ее пожитками Уве ведет лично. Не доверяет олухам-шоферам: будут сдавать назад, того и гляди, не угол дома снесут, так почтовый ящик раскурочат. Кстати, эта самая Лена, ясное дело, не верит в «институт брака», делится с Соней Уве, многозначительно хмыкнув, – стало быть, в поселке успели уже обменяться мнениями на сей счет. Но вот наступает новая весна, и Уве снова навещает могилку Сони и показывает жене открытку с приглашением на свадьбу.

Мирсад является в черном костюме, сам весь как на иголках – Парване даже приходится налить ему текилы для храбрости. Наконец заходит в зал. Внутри его уже ждет Йимми. Уве у него шафером: даже купил по такому случаю новый костюм. Свадьбу играют в кафешке Амеля – квадратный

мужчина трижды пытается произнести речь, но каждый раз слова застревают в горле, не в силах вырваться наружу. Зато свой фирменный бургер Амель называет в честь Йимми: тот признаётся, что это самый клевый подарок за всю его жизнь. Он остается жить в мамином доме вместе с Мирсадом. Год спустя они удочеряют девочку. На пару с ней Йимми навещает Аниту и Руне, в гостях они пьют кофе. Каждый день в три часа пополудни, без исключений.

Руне лучше не становится. Порой он целыми днями пребывает в своем мире, не достучишься. Но когда девчушка переступает порог их дома и протягивает ручонки, ныряя в объятия Аниты, лицо Руне расплывается в блаженной улыбке. Всякий раз, без исключений.

* * *

Домов вокруг маленького поселка тем временем все прибавляется. За несколько лет он превращается в городской микрорайон. Однажды Патрик, который, понятное дело, так и не научился ни открывать окошки, ни собирать икеевские комоды, заваливается к Уве с утра с двумя ровесниками – видать, такими же недотепами, как и он сам. У каждого по дому в соседнем квартале, объясняют они. Затеяли перепланировку, но есть проблема с несущей стеной. Вот и не знают, как быть. А Уве может подсказать. Уве бурчит что-то, не разобрать, – кажется, что-то про руки, растущие не из того места. Идет с ними, разъясняет. На другой день подтягивается еще один сосед. Потом еще один. И еще. Через несколько месяцев в радиусе четырех кварталов не осталось такого соседа, которому бы Уве чего-нибудь не починил. Меньше поминать то место, откуда у этих соседей руки растут, Уве, понятное дело, не стал. Но, оставшись с глазу на глаз с Соней у нее на могилке, нет-нет да молвит скупой, что «пожалуй, не так уж и плохо, когда есть чем убить день до вечера, чего уж там».

Дочки Парване знай успевают отмечать дни рождения: младшая вот только что трехлетней была, а уж шесть годков стукнуло. Уве идет с ней в школу на самый первый звонок. Она учит его писать эсэмэски со смайликами, а он берет с нее страшную клятву не говорить Патрику, что купил-таки мобильный телефон. Старшая, которая так же беспардонно вымахала в десятилетнюю девицу, впервые приглашает подружек на «пижамную вечеринку». Малыш пока научился только раскидывать свои игрушки по кухне Уве. Уве устраивает ему «лягушатник» у себя перед

домом, но упаси вас бог назвать лягушатник этим словом – Уве тут же шикнет: «Это бассейн!» Андерса переизбирают председателем жилтоварищества. Парване покупает новую косилку для газона за домами.

Летние дни сменяются осенними, осенние – зимними, и как-то студеным ноябрьским утром, почти в тот день, когда четырьмя годами ранее Патрик с Парване впервые появились тут, раскурочив Уве почтовый ящик, Парване просыпается от холода: будто чья-то ледяная ладонь коснулась ее лба. Вскрикивает, смотрит в окно спальни, переводит взгляд на часы. Четверть девятого. А двор у Уве не чищен от снега.

Впопыхах, в халате и тапочках, бежит она по дорожке к нему, зовет по имени. Открывает дверь запасным ключом, который он ей оставил, влетает в гостиную, оскальзываясь промокшими тапками на ступеньках, торопится вверх, на негнущихся ногах заходит в спальню.

Кажется, будто Уве просто очень крепко спит. Никогда еще не видала она его таким безмятежным. Кошак лежит сбоку, ласково уткнувшись головешкой в ладонь Уве. Завидев Парване, встает медленно-медленно, точно только теперь соглашается смириться с роковой мыслью, и забирается на колени к Парване. Так и горюют вместе, на краю кровати. Когда приезжает «скорая», Парване все разглаживает жиденькую шевелюру Уве. Врачи вкрадчиво и ласково объясняют ей, что им надо унести покойного. Тогда, наклонившись, она шепчет ему на ухо: «Сонечке от меня привет и спасибо за тебя». Потом берет с тумбочки большой конверт, на котором от руки написано «Парване», и идет вниз.

В конверте папка: документы, справки, оригинал поэтажного плана дома, инструкция к видеоманитфону, техпаспорт на «сааб». Банковские реквизиты и страховые полисы. Телефон нотариуса, которому Уве оставил все «важные указания». Целая жизнь, упорядоченная и сложенная в одну папку. Подведенный итог существования. На самом верху письмо к ней. Сидя за кухонным столом, она читает. Письмо недлинное. Словно Уве предусмотрительно рассчитал, чтобы оно не успело размокнуть от слез.

Адриану дарю «сааб». Все остальное на твое усмотрение. Ключи от дома у тебя есть. Кота корми тунцом дважды в день, в чужой дом не отдавать – он привык гадить только у себя. Уважьте уж. В городе у адвоката все мои банковские бумаги и прочее. Есть еще счет, на котором 11 563 013 крон 67 эре. От Сониного отца. Старик разбогател на акциях. Жук был тот еще. Мы с Соней придумать не могли, что нам делать с этими деньжищами. Твоим деткам дашь по миллиону каждому, как восемнадцать исполнится. А еще миллион девочке Йимми и Мирсада.

Остальные – тебе. Только не вздумай доверить их Патрику. Нравились ты Соне. И не разрешай болванам, которые к нам заселятся, ездить по территории.

Уве

В самом низу приписка печатными буквами:

ТЫ ЖЕ ВЕДЬ НЕ КРУГЛАЯ ДУРА!

Под припиской смайлик, как научила его Назанин.

В письме четкое указание – не устраивать из похорон «свистопляску». Без особых церемоний, пусть тихо-мирно закопают рядом с Соней, и дело с концом. «Никого не звать! И чтобы без всяких выкрутасов!» – коротко и ясно инструктирует он Парване.

Проститься с ним приходит сотни три народу.

* * *

Когда появляются Патрик и Парване с девочками, люди толпятся вдоль стен, во всех проходах. У каждого в руке горит свеча, вдоль свечи идет тиснение «Сонин фонд». Парване решила, на что пойдут деньги Уве – на благотворительный фонд для сирот. Лицо ее опухло от пролитых слез, в горле страшно першит, и который день спирает грудь, и все не хватает воздуха. Но при виде свечей ее немного отпускает. А Патрик, увидев такое скопище людей, пришедших проститься с Уве, легонько толкает ее локтем и хмыкает, довольный:

– Охренеть. Вот Уве бы разошелся!

И тут она как засмеется! А ведь и впрямь выбесился бы.

Вечером она показывает дом Уве и Сони молодоженам. Юная жена беременна. Ее глаза сияют – как глаза любой матери, которая предугадывает детские воспоминания будущего ребенка – воспоминания о детстве тут, в этом доме. Муж – тот, конечно, настроен более критически. Штаны выдают в нем столяра, сам все ходит и, словно выискивая подвох, обстукивает ногой плинтуса. Парване, естественно, понимает всю тщетность его стараний – решение уже принято, догадывается она по глазам будущей хозяйки. Но когда молодожен вдруг спохватывается насчет

«гаражного места», упомянутого в объявлении, Парване, смерив его взглядом сверху донизу, деловито кивает и интересуется маркой его машины. Тут молодой человек впервые приосанивается, чуть приметно улыбнувшись, и, глянув ей прямо в глаза, говорит с вызовом, с той гордостью, какую может внушить лишь одно-единственное слово:

– «Сааб».

Благодарности

Юнасу Крамбю, блестящему литератору и настоящему джентльмену, – за то, что ты открыл Уве и придумал ему имя в тот самый-самый первый раз. И еще за великодушие, когда ты разрешил мне попытаться написать продолжение его истории.

Йону Хэггблуму, моему редактору, – за талантливые и вьедливые замечания по поводу стилистических огрехов в моей рукописи. И еще за терпение и снисходительность всякий раз, когда ты принимал огрехи, которые я так и не соглашался исправить.

Рольфу Бакману, моему отцу, – за то, что я (надеюсь) отличаюсь от тебя в наименьшей из возможных степеней.

До того, как стать писателем, Фредрик Бакман был колумнистом и блогером. Очень популярным. Так, его пост под названием «Личное обращение к нервной блондинке в Фольксвагене» – о неаккуратном

вождении и родительской любви – перепостили в Facebook более миллиона человек.

Персонаж по имени Уве родился и некоторое время «проживал» в блоге Бакмана – пока более тысячи читателей не проголосовали за то, чтобы он стал героем книги. Которая вышла в 2012 году и с тех пор была издана общим тиражом более двух миллионов экземпляров на двадцати пяти языках мира. Снятый по книге фильм стал одним из самых популярных в истории шведского кино.

Кроме истории ворчуна Уве Фредрик Бакман является автором еще трех книг. Он живет недалеко от Стокгольма с женой и двумя детьми.

notes

Примечания

Шекспир У. Мера за меру. Пер. О. Сороки.